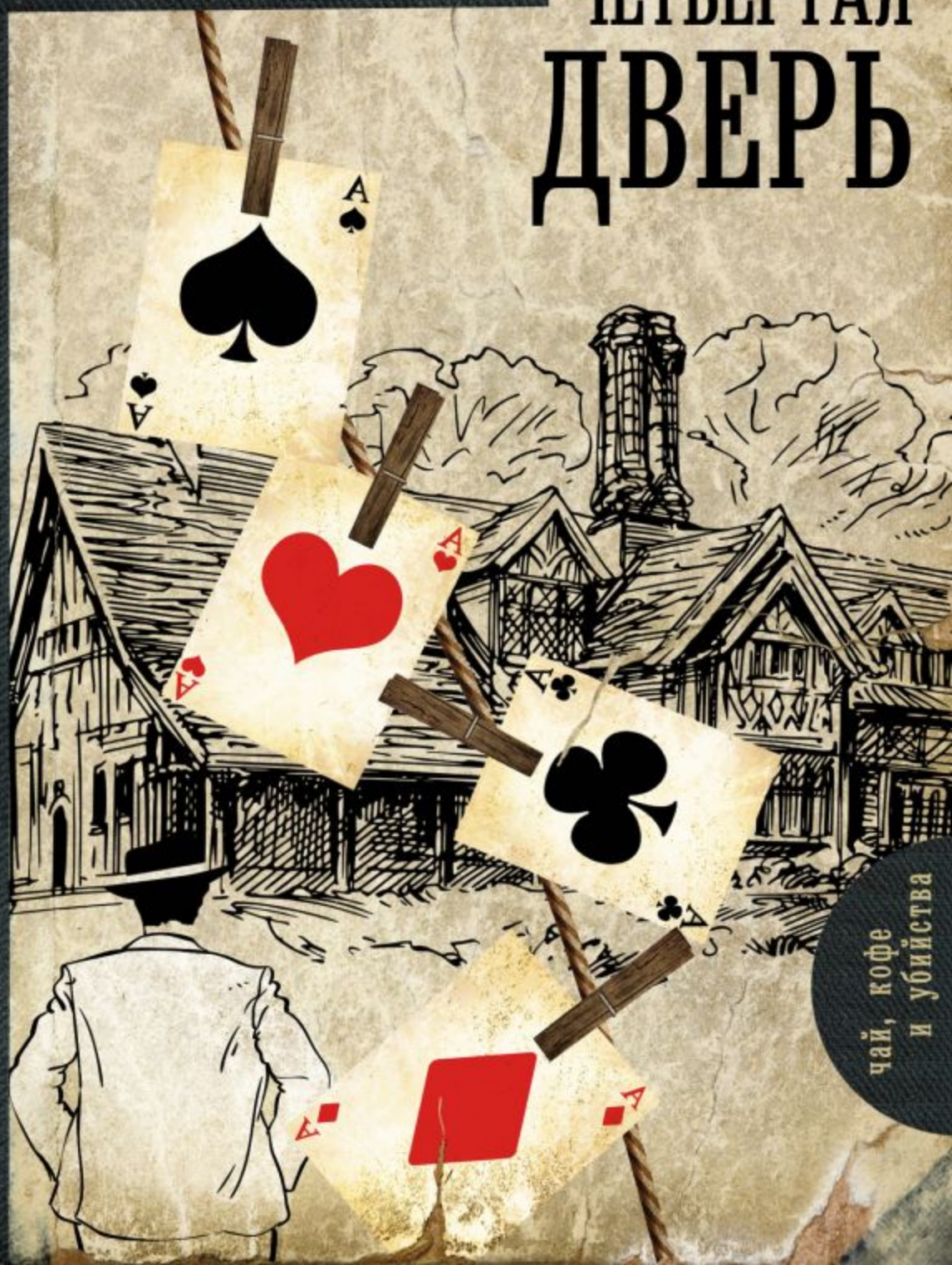

ПОЛЬ АЛЬТЕР

ЧЕТВЕРТАЯ ДВЕРЬ

чай, кофе
и убийства

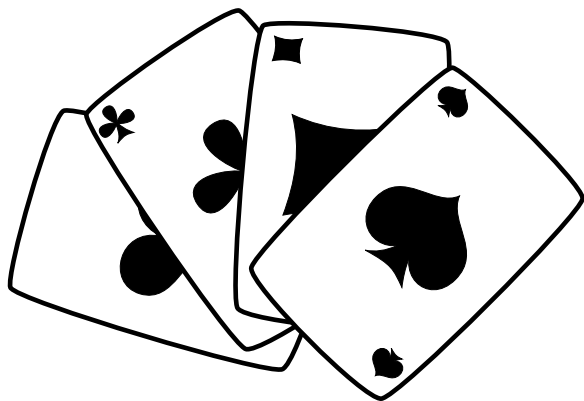
ПОЛЬ АЛТЕР

чай, кофе
и убийства

ПОЛЬ АЛБЕР

ЧЕТВЕРТАЯ ДВЕРЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
А58

Серия «Чай, кофе и убийства»

Paul Halter

LA QUATRIEME PORTE

Перевод А. Литинского

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Воронина

Печатается с разрешения Lester Literary Agency.

Альтер, Поль.

А58 Четвертая дверь : [роман] / Поль Альтер ; [пер. А. Литинского]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 256 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-105091-7

«Четвертая дверь» – первая книга о приключениях доктора Алана Твиста, на страницах которой читателя ждут невероятные события, граничащие с самой настоящей магией, – убийства в запертой комнате и преступники, не оставляющие следов.

В небольшой английской деревне происходит череда загадочных убийств. Сначала в запертой комнате на чердаке особняка Дарнли обнаруживают обезображенное тело его владелицы. С тех пор никто из арендаторов этого особняка в нем долго не задерживался. Все из-за царящей там жуткой атмосферы – скрип шагов на чердаке, мерцающий свет в окнах нежилой комнаты...

Однако семейной паре Латимеров столь мрачная репутация Дарнли только на руку – лучшего дома для Элис Латимер, известной своими талантами медиума, просто не найти. Но первый же спиритический сеанс в особняке завершился жестоким убийством, произошедшим все в той же запертой и опечатанной комнате на чердаке, да еще с подменой тела – на месте убитого оказался человек, которого уже несколько лет считали погибшим!

С каждой новой главой загадок становится только больше, а события приобретают мистический оттенок...

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

© Paul Halter et Librairie des
Champs-Élysées, 1987
© Paul Halter, 2007
© Перевод А. Литинский, 2017
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-105091-7

С благодарностью Ролану Лакурбу, чьей превосходной работой «Гудини и его легенды» (издательство «Techniques du Spectacle», Страсбург) я воспользовался при написании глав, освещающих жизнь Гудини.

П.А.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

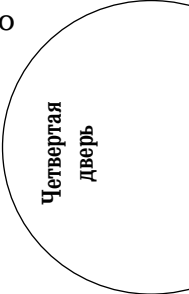

Глава 1

СВЕТ ПОСРЕДИ НОЧИ

В тот день я рано отправился к себе в комнату, вознамерившись приятно скоротать вечерок за книгой. Но едва я устроился, как сразу услышал осторожный стук в дверь — лучшего момента моя сестрица, разумеется, найти не могла.

Хотя в свои восемнадцать она уже была чрезвычайно обаятельной девушкой, иногда я задавался вопросом, понимает ли Элизабет это сама. В последние месяцы она еще сильнее похорошела, что не осталось незамеченным Джоном Дарнли, который повсюду, но как-то нерешительно, волочился за моей сестрой. А та, несомненно польщенная его стараниями, имела виды на Генри Уайта, нашего соседа, по совместительству являвшегося и моим лучшим другом. Генри же, несмотря на обычную напускную самоуверенность, удивительно

Четвертая
дверь

стеснялся девушек. Правда, только слепой не заметил бы, что Элизабет покорила и его.

— Я тебя не отвлекаю, Джеймс? — спросила она. Ее рука застыла над дверной ручкой.

— Конечно, нет, — многозначительно вздохнул я, не отрывая глаз от книги.

Элизабет села на мою кровать, склонив голову и нервно переплетя пальцы. Она немного помолчала, а затем подняла на меня большие карие глаза.

— Джеймс, нам нужно поговорить.

— Да?

— Да. О Генри.

Я знал, что последует дальше: мне жизненно необходимо будет выступить посредником между двумя людьми, слишком гордыми или слишком застенчивыми, чтобы обнажить свои чувства.

Элизабет вырвала книгу у меня из рук и резко повысила голос:

— Ты будешь слушать, Джеймс?

Пораженный такой внезапной переменой тона, я посмотрел на нее, попутно зажигая сигарету. Впрочем, мысли мои занимало лишь то, как бы выпустить идеально круглое кольцо дыма. В детстве я больше всего любил выводить сестру из себя, сохраняя равнодушие, когда она находилась на взводе. Расчет состоял в том, что Элизабет от гнева

сама накрутит себя до бешенства. Стыдно признаться, но сноровка у меня еще сохранилась. Впрочем, в этот раз, не желая выслушивать очередную истерику, я смягчился.

— Слушаю внимательно.

— В общем, Генри. Он...

— Генри, — с понимающим видом повторил я. На ее лице промелькнуло удивление. — Одну минуту.

Я встал, шагнул к книжному шкафу, вытащил оттуда увесистую энциклопедию и, положив ее на колени, серьезно заявил:

— Раз уж эта тема вызывает такой интерес, я взял на себя труд написать скромненькую восьмисотстраничную монографию. Вот первый том...

Еще чуть-чуть — и сестра задохнулась бы от ярости. Я перехватил ее только у двери. Окончательно Элизабет успокоилась минут через пять.

— Ладно, продолжай, старший брат не бросит тебя в беде. — Старше ее, надо сказать, я был всего на год, но прозвучало эффектно.

Она набрала в грудь воздуха и выпалила:

— Я люблю Генри.

— Очень хорошо. Скажи что-нибудь по-новее.

— Генри тоже любит меня.

— И про это я в курсе.

— Но он слишком застенчив, чтобы открыться.

— Просто подожди немного. Вот увидишь, пройдет время, и...

— Мне как-то неудобно делать первый шаг. Да и не в моих это правилах. Разве я похожа на..?

— «Ах, он примет меня за одну из тех девиц, которые...» Давай не будем уходить в такие дебри.

Наступила тишина. Элизабет яростно потерла глаза.

— Три дня назад я действительно думала, что он наконец-то поцелует меня. Мы брели по тропинке к лесу. Стало темнеть, и я пожаловалась ему на холод. Генри приобнял меня за плечи, повернулся и — клянусь, Джеймс, — чуть не поцеловал! Причем он очень хотел — его выдал взгляд. Но что же учудил Генри? Нагнулся, поднял откуда-то с земли старую бечевку и сказал: «Элизабет, смотри фокус!» И завязал дюжину узлов.

— А потом?

— Потом, — продолжила она, еле сдерживая слезы, — он снял туфли и...

— И?

— Снял носки.

— Элизабет, даже не продолжай, я догадаюсь сам. Генри развязал узлы пальцами ног!

— Именно, — простонала сестра. — Он даже не прикоснулся ко мне!

Я не смог сдержать улыбку:

— Старина Генри весь к твоим услугам!

— Не смешно.

— Да ладно, сестренка, как ты не понимаешь? Он ведь пытался развлечь тебя, даже — осмелюсь сказать — очаровать. Это у него манера такая...

— Я бы предпочла, чтобы он просто меня поцеловал, — скорчила она гримасу.

Удивительный парень наш Генри. Он показал, насколько отличается от остальных еще при рождении, появившись на свет преждевременно и поменяв тем самым планы всей семьи. Однако его мама души в нем не чаяла, и, купаясь в ее щедрой любви, заботе и внимании, мальчик в мгновение ока превратился в крепкого, непоседливого юношу с неумной энергией. Его страстью стали цирк и акробатика, и, несмотря на запрет, наложенный отцом, известным писателем, Генри частенько бегал к местному шапито и бесился с труппой. Он и там продемонстрировал недюжинный талант жонглера, акробата, ловкача и фокусника. По прошествии нескольких лет его родители, наконец, смирились с неизбежным, и с того момента каждые долгие каникулы Генри исчезал из дома на несколь-

ко недель и колесил по городам вместе с цирком. Там он зарабатывал себе на карманные расходы, хотя отец великодушно выделял ему неплохое пособие, но главным для моего друга было — и остается по сей день — страстное, почти патологическое, желание везде стать первым. Развязывание узлов ногами — в этом весь Генри.

Изо всех сил сдерживая смех, я успокоил сестру:

— Подожди до следующего раза. Он просто прикрывает робость, пытается поразить тебя своими талантами.

— Я верю. Только настроение у меня испорчено до сих пор. Послушай, Джеймс, ты должен с ним поговорить. Разумеется, сдержанно, благородно, но ему необходимо понять. Иначе...

Я вскинул бровь.

— Иначе я приму предложение Джона, — бесстрастно продолжила Элизабет. — Конечно, перспективы открываются не самые великолепные. Да, он простой механик, но в нем есть определенный шарм, так что...

— Почему ты взваливаешь все на меня? Я не твой личный... Бетти! — вскричал я. — Проси о чем хочешь, только не об этом! Генри ревнивый до невозможности. Он будет метаться, как тигр, и никогда меня не простит. А я не хочу терять лучшего друга!

— Ревнивый? Отлично! — воскликнула она. — Только вот он едва выказывает интерес ко мне, с чего бы тут ревновать? В любом случае...

Не договорив, сестра неожиданно залилась слезами. Я тактично хранил молчание.

— Я люблю Генри, Джеймс, но сколько можно ждать? Ты обязан помочь. Его родители уехали в Лондон, и он сейчас на хозяйстве в доме один. Пожалуйста, поговори с ним, объясни...

— Ладно, — устало прервал ее я. — Схожу, посмотрю, что можно сделать, но заранее ничего обещать не буду. — Часы показывали почти девять. — Так. Наверное, Генри еще не спит.

Элизабет подошла к окну и отодвинула занавеску.

— Света в окнах нет, но... О Джеймс! ДЖЕЙМС! — внезапно взвизгнула она.

В два прыжка я подлетел к ней.

— Там... Я видела какой-то проблеск, — испуганно пролепетала Элизабет.

— Где? Кроме фонаря, ничего не горит.

Она показала на дом Дарнли.

— Мне точно не почудилось. Неясный свет, он зажегся всего на секунду, в той самой комнате, где миссис Дарнли...

Я тщательно осмотрел хорошо знакомый пейзаж. Мы жили на краю небольшой дере-

веньки близ Оксфорда, и дорога, проходящая слева, заканчивалась как раз возле наших владений. От нее вела в лес и там исчезала грязная проселочная тропа, по сторонам которой находилось еще по одному дому. Правый принадлежал Уайтам, левее же, на самом перекрестке, располагался мрачный и неприветливый особняк Дарнли из красного кирпича. Вход в это высокое здание с остроконечной крышей скрывала внушительная изгородь, а по стенам висела грязноватая мантия плюща. Единственной усадой для глаз служила великолепная плакучая ива. Она смягчала тревоги куда больше, чем богатое разнообразие тисов, сосен и других хвойных деревьев по другую сторону дома, в ветвях которых мрачно завывал ветер. Тягостное впечатление от этого зловещего участка ощущалось почти физически, и моя сестра со свойственным лишь ей воображением окрестила его «Грозовой Перевал». Само здание в одночасье приобрело дурную репутацию за год или два до начала Второй мировой войны. Джону тогда еще не исполнилось двенадцать.

Его отец, Виктор Дарнли, управлял собственной фабрикой, и жизнь у них текла как по маслу: дело процветало, а в семье царил мир и согласие. Виктор очень гордился сыном и женой, приятной, скромной

женщиной, которую в нашей деревне уважали все. Однажды, вернувшись октябрьским вечером из Лондона, Дарнли-старший застал свое жилище в необычайной тишине. Отсутствие Джона удивления не вызвало: он иногда заигрывался у друзей, однако супруга в такой час почти всегда находилась дома. Виктор поспрашивал соседей, но женщину никто не видел, и к тому времени, когда он нашел сына и вернулся к себе, стояла уже глубокая ночь. Он обыскал дом самостоятельно. Одна комната на верхнем этаже, переделанная под кладовку, была заперта изнутри. Охваченный ужасом, Виктор взломал дверь. Картину, представшую перед его глазами, он так никогда и не смог забыть. Жена лежала на полу в огромной темной луже. Пальцы правой руки сжимали кухонный нож, на обоих запястьях кровоточили раны. Все ее тело будто изрезал мясник. Поскольку засов на двери задвинули, а окно заперли изнутри, единственным объяснением могло служить самоубийство. Но какое самоубийство!

Возможно, у миссис Дарнли случилось помутнение рассудка, внезапный и крайне жестокий приступ. Ни одна душа, включая ее мужа и сына, не смогла придумать хоть сколь-нибудь рациональное объяснение ее поступку. И, как ни прискорбно, с того дня

Виктор Дарнли впал в глубокую депрессию. Молчаливый от природы, он превратился в совершенного затворника, у которого оставалось немного сил лишь на уход за садом и домашнее хозяйство. Бизнес стремительно пришел в упадок, и единственным выходом стала сдача дома внаем. Виктор с сыном переселились на первый этаж, а два верхних заняли квартиранты. С последними, впрочем, дела тоже складывались не лучшим образом. Первые двое жильцов без предупреждений и объяснений съехали через полгода. Затем наступила война, и здание отошло под нужды армии, что, конечно же, повлекло за собой вечную беготню взад-вперед. Когда, наконец, на землю пришел мир, Виктор вновь сдал верхние этажи, на сей раз молодоженам, с восхищением мечтавшим устроить там семейное гнездышко. Но и их счастье долго не продлилось: новоиспеченная супруга быстро угодила в больницу с нервным срывом и отказалась возвращаться в дом. Туда заселялись и другие пары, но ни одна из них надолго не задерживалась. Причины отъезда оказывались на удивление схожими: подозрительная атмосфера, туманные предчувствия, возрастающее напряжение и — не в последнюю очередь — странные звуки, доносившиеся с чердака. В итоге особняк приобрел зловещую славу, а у Виктора насту-

пили трудности с поиском новых жильцов. Два этажа оставались незанятыми четыре месяца, но, кажется, наконец-то туда решились въехать некие супруги Латимер. Эта новость стала плодотворной темой для деревенских пересудов.

— Свет погас, но я определенно видела какое-то движение в четвертом окне, там, где миссис Дарнли покончила с собой. Эй, Джеймс! Вставай! Чего ты молчишь?

— У тебя богатое воображение. Ты же знаешь, в ту комнату не ступала ничья нога с тех пор, как...

Сестра резко перебила меня:

— Я тут подумала, Джеймс... Ты знаешь ту пару, которая к ним въезжает?

— Мистер и миссис Латимер, вот и все, что мне удалось выведать. Ни одна душа их здесь еще не видела. Если бы кто-нибудь знал хоть каплю больше, с той скоростью, с какой разносятся слухи по нашей деревне, маме давно бы уже разстрезвонили.

Элизабет вздрогнула, отодвигаясь от окна.

— У меня мурашки от этого дома. Никогда даже не спрашивай меня, хотела ли бы я там жить! Бедный Джон! Ему вообще не везет, правда? Сначала мать потеряла голову и наложила на себя руки, а сейчас и у отца шарики за ролики заехали. Удивляюсь, как

он еще окончательно не тронулся. Ужасное место!

— Верно, но у Джона стальные нервы. Он не терял самообладания даже во время бомбежек, и...

Она вновь прервала меня:

— Джеймс, хватит уже. Пожалуйста, давай больше не будем затрагивать эту тему. Война кончилась три года назад, и мне тяжело ее вспоминать.

— Да я не о том. Я всего лишь хотел сказать, что Джон — приличный, серьезный малый, на которого всегда можно рассчитывать. Он смог бы сделать счастливой любую девушку.

— Не хочу ничего слушать! Я знаю, к чему ты ведешь! Мне он очень нравится, но...

— Но ты любишь Генри. Ты любишь его, он любит тебя, вы любите друг друга, и оба боитесь в этом признаться. — Я натянул плащ. — К счастью, у тебя есть старший брат, а он вечно берет на себя всю грязную работу!

Элизабет положила руки мне на плечи и посмотрела в глаза одновременно с благодарностью и тревогой.

— Только не будь слишком прямолинейным, Джеймс, а то он подумает, что я тебя подслала.

— А ведь ты даже не планировала! — сердито огрызнулся я. — Не волнуйся, не

с полным тупицей живешь. Обставлю все в лучшем виде. Можешь идти сообщать родителям о помолвке!

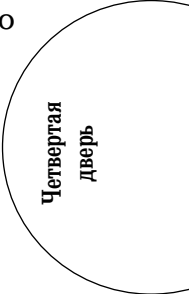
С этими словами я вышел из дома.

Глава 2

КОШМАРНЫЙ СОН

Я взял с собой ключ на случай, если вернусь очень поздно, но уже за порогом меня охватило тревожное предчувствие. Оно появилось неожиданно и беспричинно, и, хотя я быстро взял себя в руки, полностью избавиться от него не удалось. Сгущающийся туман еще сильнее снижал видимость, а слабое сияние уличного фонаря только резче подчеркивало зловещие контуры особняка Дарнли. Я вгляделся в этот призрачный дом, стараясь найти хотя бы слабое мерцание, но тщетно. Кругом царила тьма.

Я выдохнул, толкнул калитку и вышел на грязную тропу, пытаясь собраться с мыслями. Самые простые объяснения часто оказываются истинными. Что ж, прикинем. После того как миссис Дарнли покончила с собой, ее муж потерял вкус к жизни. Затем с чердака начал доноситься шум и стали появляться огни. Я уже слышал про них от Генри, еще до разговора с Элизабет. Мой друг даже расспросил Джона, но тот лишь озадаченно по-

Четвертая
дверь

жал плечами. Насколько он знал, с момента смерти матери наверху никто не появлялся.

Что из этого следует? Разгадка вызывающе очевидна: под покровом ночи Виктор поднимается в роковую комнату в надежде встретить там призрак жены, с чьей смертью он до сих пор не смирился. Уже хорошо.

Так, предаваясь рассуждениям, я прошел около сотни ярдов, разделяющих наши с Уайтами жилища. А затем в соответствии с вековыми традициями три раза постучал в дверь.

Генри долго не отворял.

— Джеймс, ты вовремя. Я тут уже заскучал.

Несмотря на небольшой рост, Генри был более мускулистым, чем большинство сверстников, хотя со стороны и выглядел довольно плотным. Его широкая голова увенчивалась темной копной вьющихся волос, разделенных посередине пробором, а добрый взгляд излучал одновременно силу и теплоту.

Мы крепко пожали друг другу руки и прошли в гостиную.

— Буду с тобой честным, — сказал я самым обыденным тоном, — я тоже не знал, чем заняться вечером.

— Предлагаю выпить за совпадение! — дружески подмигнул Генри.

Я опустил в кресло с заговорщической улыбкой, немного смущенный своим враньем.

Мой друг прошел к бару. Вскоре оттуда разда-
лось тихое ворчание.

— Предатель! — Это предназначалось Уай-
ту-старшему. — Опять запер лучший виски
в стол!

Генри загромыхал ручками ящиков.

— И впрямь закрыто! Ну как это называ-
ется? Никакого доверия! Но если ты думаешь,
что меня остановит такая смехотворная за-
щелка...

Он достал откуда-то обычную скрепку и бы-
стрым движением руки открыл дверцу. Нем-
ногие замки могли противостоять его ловким
пальцам. Мне вспомнились первые опыты Ген-
ри в искусстве взлома. Тогда он эксперименти-
ровал с буфетом, где мать хранила банки с ва-
реньем.

— За грустные осенние вечера! — провоз-
гласил мой друг, торжественно поднимая бу-
тылку над головой.

— А если твои родители вернуться раньше?
Не думаю, что мистер Уайт обрадуется, увидев
налет на свой неприкосновенный запас.

— Ничего он не сделает. В его возрасте
любое беспокойство вообще нежелательно.
Значит, так. Я поищу сигары, а ты займись
напитками.

— На один палец или на два? — с серь-
езным видом осведомился я.

— Наливай, не стесняйся. — Это означало «до краев».

Генри исчез. Я взял один из журналов, лежащих на столе, и опустился в кресло. На полях издания знакомым почерком было написано несколько строк.

— Генри, — спросил я его, когда тот вернулся, — зачем ты мараешь бумагу, комментируя новости?

— В смысле? Ты не знаешь?

— Не знаю чего?

— Читать без пометок — все равно что есть не жуя.

Он улыбнулся.

— Эту фразу любит повторять папа, хотя меня она уже порядком бесит. Могу клятвенно утверждать: жить в семье с творческим фанатиком нелегко. Иногда он с головой погружается в работу на два или три дня, иногда, пока отдыхает, трещит с нами на совершенно разные темы. Мама-то привыкла, но, откровенно говоря, у меня нервы не такие крепкие.

Артур Уайт был известным писателем. Вообще-то, сначала он занимался различными медицинскими исследованиями, по результатам которых поступил в интернатуру под руководство известного врача с Харли-

стрит^{*}, а затем решил завести и собственную практику. Пока уточнялись разные тонкости, Артур, дабы убить время, начал сочинять рассказы. К его удивлению, их напечатали в одном из самых популярных лондонских еженедельников, причем успех оказался оглушительным. Восхищенный издатель порекомендовал Артуру бросить медицину в пользу литературной карьеры, и тот внял этому благоразумному совету. Слава и известность пришли быстро. Кроме рассказов, которые новоиспеченный знаменитый прозаик припас для журнала, Артур писал детективы, приключенческие романы и научную фантастику, а также не гнушался довольно пикантными историческими новеллами. Он страстно желал, чтобы и сын пошел по его стопам, но увлечения Генри лежали в другой плоскости.

Мы молча потягивали виски маленькими глотками.

— Сегодня нас никто не потревожит, — сказал мой друг после небольшой паузы. — Отец пригласил маму в театр в Лондоне, а потом они поедут к друзьям. Вернутся не ранее двух, если не трех.

---

* Харли-стрит — улица в Лондоне, на которой с XIX в. обосновываются специалисты различных областей медицины. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Я понимающе хмыкнул — до ночи бутылка еще успеет опустеть. Тут мне вспомнилась непосредственная цель визита, поэтому пришлось сосредоточиться на том, как перейти к деликатной теме. Задача оказалась не из легких, но Генри, к великому счастью, сам положил конец моим мучениям. Он заговорил с притворным равнодушием, но в понизившемся голосе все же чувствовалось волнение:

— Джеймс, есть небольшое дельце, которое мне хотелось бы с тобой обсудить. Оно касается... твоей сестры.

Я постарался разыграть удивление. Генри поднял бутылку и вопросительно вскинул бровь. После моего кивка он разлил напиток и опустился в кресло. Какое-то время мой друг задумчиво смотрел на стакан, а затем залпом осушил его. Он несколько раз набирал в грудь воздух, решаясь заговорить, но слова будто не могли вырваться наружу. Тщетно пытаясь скрыть смущение, Генри стал раскуривать сигару.

Я мягко подтолкнул его:

— Что она натворила на этот раз?

— Ничего, абсолютно ничего. На самом деле, здесь и кроется проблема. На днях я чуть не поцеловал ее, но в последний момент передумал.

— Почему? — вскрикнул я.

— Мне она очень нравится.

— Ну? И чего же ты тянул?

Увидев, что Генри опешил от такого вопроса, я прочистил горло и продолжил более спокойным тоном:

— В самом деле, к чему здесь скромности? Есть мужчина, есть женщина, которые нравятся друг другу. Такое бывает. Иногда они целуются. Это абсолютно нормально. Естественно. Все мы люди. Ты меня слушаешь, Генри? Нет? Тогда сначала: когда мужчина и женщина...

Я снова почувствовал, что перегибаю палку, поэтому резко осекся и как можно осторожнее продолжил:

— Генри, старина, ну почему же ты ее не поцеловал, раз неровно к ней дышишь? И не надо так на меня тарашиться. Почему?

Мой друг, явно пораженный, оставался неподвижен. С трудом сглотнув несколько раз, он пролепетал:

— Это я и пытаюсь втолковать тебе, Джеймс. Слушай. С тобой все в порядке? Если ты не умеешь пить, лучше...

— Я? Не умею пить? Издеваешься?

Я схватил бутылку, вновь наполнил стакан под тревожным взглядом Генри и подал ему сигнал последовать моему примеру.

— Я уже хотел поцеловать ее, когда внезапно... — Слова давались ему с трудом. — Внезапно... Я засомневался.

— Вот как?

— Да, черт возьми. За-сом-не-вал-ся.

— Ладно, я не глухой, понимаю. Но какая муха тебя укусила?

Генри потер лоб и потупился.

— Я боялся, что Элизабет не испытывает таких же чувств ко мне, и нашел изящный способ все выяснить.

Изящный способ все выяснить? Я слушал, не веря своим ушам. Развязать веревку ногами — куда уж изящнее? Мне понадобилось собрать всю волю в кулак, чтобы не расхохотаться. Я стал мелкими глоточками прихлебывать виски, но это лишь вызвало приступ икоты. Пришлось отпить побольше.

— Генри, — вздохнул я, — могу ответственно заявить: чувство, которое испытывает к тебе Элизабет, называется как угодно, только не дружбой.

Я подождал, пока до Генри дойдет смысл моих слов. Тот не сразу обрел дар речи.

— Ты имеешь в виду, что...

— Да она влюблена в тебя, разве ты еще не понял?

— Влюблена? В меня? — пробормотал Генри, боясь осознать услышанное. — Джеймс, ты же говоришь это не просто ради... Ты точно знаешь?

— Все совершенно очевидно, хотя Элизабет и не приходила ко мне, дабы лично сказать... — Я лгал с легкостью, пугающей меня самого. — Она не выставляет чувства напоказ, но я не идиот. Все симптомы налицо.

— Джеймс, — оборвал меня Генри, — ты уверен, что твоя сестра любит именно меня? Почему не Джона, например? Она в последнее время так на него смотрит...

Что-то дикое и жестокое промелькнуло во взгляде моего друга — это рвалось на свободу заточенное где-то в глубине души свирепое чудовище по имени Ревность. Я даже боялся представить, что случилось бы, если б Генри когда-нибудь застал Элизабет в объятиях Джона.

Я успокаивающе поднял руку.

— Поверь, старик, все в порядке. Она любит именно тебя. Уж я-то прекрасно знаю, что творится в ее милой головке. Ну а с Джоном, — я пожал плечами, — они хорошие друзья, не более того.

Опьяненный счастьем Генри тут же предложил тост за неудачу Джона. Затем мы выпили за Элизабет, самую красивую девушку во всем Соединенном Королевстве. Наши головы кружились от восторга, и это чувство крепло все сильнее, пока тянулась ночь.

Полностью обретший уверенность в себе Генри хвастливо начал расписывать свое будущее. Он станет самым лучшим акробатом и жонглером. Вселенная падет к его ногам. «Генри Уайт, Великий Такой-то, совершивший То-то». Чем дальше, тем больше. Сплошные «я, я, я» и ничего кроме. Его разглагольствования стали порядком меня раздражать.

Вообще старина Генри был порядочным и благопристойным парнем, но его одержимость находиться в центре внимания иногда откровенно бесила. Он показывал мне разные цирковые штучки, но, хотя его талант не подлежал сомнению, стремление ко всемирной славе явно воспринималось как нечто нереальное. И, несмотря на нашу крепкую дружбу, я не горел желанием лицезреть свадьбу родной сестры и фанатичного трюкача.

Мои опасения немного развеялись с осознанием того факта, что Генри пьян в стельку. Он не остался в долгу и отметил, насколько «хорош» я сам. Несколько секунд мы сердито смотрели друг на друга, а потом оба, словно по команде, расхохотались. Я с трудом поднялся на ноги, дабы предложить тост за королевскую семью. Генри в точности повторил мои телодвижения и шлепнулся назад в кресло. И хоть мы оба уже лыка не вязали, мой закадычный друг нашел в себе силы

заглотить последнюю порцию виски за возлюбленную. Я вздрогнул, представив, как она открывает дверь и застает нас в таком состоянии. Интересное впечатление сложилось бы у нее об утонченном брате!

— Что ты делаешь? — пробормотал я. Генри подбрасывал в воздух небольшой резиновый предмет.

— Играю с мячиком.

После еще одного взрыва смеха он объяснил:

— Это для одного из моих особых трюков. Покажу на днях.

— Нет, давай прямо сейчас, — потребовал я.

— Тут нужно правильно сосредоточиться и...

Генри притих и тут же заснул. Я чертыхнулся и решил последовать его примеру. Бессознательное состояние поначалу казалось сущим блаженством.

Женщина толкает коляску, в которой плачет ребенок. Он немощно стонет, но что ему нужно, не понять. Детский плач становится громче, однако мать невозмутимо продолжает везти свою ношу. Стоны превращаются в крик. Младенец надрывается, охваченный неведомым горем. Он просит по-

Четвертая
дверь

мощи, но никто не может его услышать. У ребенка странное лицо — таких лиц не бывает у новорожденных. Оно взрослое, его черты мне знакомы... хорошо знакомы... Это Генри!

Я проснулся в холодном поту. Комната находилась в кромешной тьме. Голова у меня жутко болела, а перед глазами все ходило ходуном, словно где-то внутри черепа бесконтрольно кружилась карусель, и это невыносимое мельтешение никак не получалось усмирить.

Адскую свистопляску успокоил внезапный стон, раздавшийся совсем рядом. Я прислушался. Ничего. Может, то ужасное видение еще не прекратилось? Мне с трудом удалось сощуриться. Кажется, в темноте виднелся чей-то силуэт, но где я вообще находился? Однозначно не у себя в постели. Я лихорадочно соображал, кончился ли сон.

Наконец мой разум ухватил нить ночных событий. Черт возьми, ну и похмелье! Я попытался вспомнить пригрезившийся кошмар, но очередной стон заставил меня содрогнуться.

В комнате явно кто-то всхлипывал. Поскольку в доме находились только мы с Генри, значит... Он рыдал, совсем как в моем сне. Стоны превратились в бессвязные завывания. Бедный старина Генри, ему, наверное, тоже привиделась похожая жуть. Он в истери-

ке начал бормотать: «Нет, только не это! Мама, не покидай нас, я тебя умоляю!» Неожиданно он встрепенулся и крикнул:

— Что случилось, Джеймс?

— Я здесь, Генри, успокойся. Ты просто еще не оправился от дурного сна. Все кончилось. Не двигайся, сейчас мы впустим сюда немного света.

Я с трудом дотянулся до лампы, едва не свалив ее на пол, и подошел к другу. Генри выглядел жутко: лицо его было белым, словно мел, глаза покраснели. Я положил руку ему на плечо и попытался утешить:

— Мне и самому приснился кошмар, — заставил я себя улыбнуться. — Мы явно сами напросились, как считаешь?

Казалось, он меня не слышит.

— Я видел что-то чудовищное, но хуже всего...

— Сны редко бывают смешными.

— Самое худшее — я не могу вспомнить...

— Тогда чего волнуешься? Сиди, я сделаю кофе. Увидишь, тебе сразу полегчает.

— Джеймс! — вскрикнул Генри, с ужасом глядя на часы.

Я тревожно посмотрел на него:

— Что такое?

— Уже почти полчетвертого!

— Ну и?

— Мои родители еще не вернулись!

— Ты же сам говорил, их до трех утра можно не ждать, — сказал я настолько сдержанно, насколько мог.

— Да-да, ты, конечно, прав, — признал Генри. — Тем более дорога длинная. Не знаю, что со мной творится.

— С тобой... или скорее с нами? — Я с улыбкой кивнул на пустую бутылку из-под виски и пошел готовить кофе.

После третьей чашки Генри немного пришел в себя.

— И вправду отпустило. Но я бы многое отдал за то, чтобы вспомнить тот сон. Никогда в жизни не чувствовал себя таким потрясенным, и...

От резкого телефонного звонка я подпрыгнул на месте.

Вжавшийся в кресло Генри с ужасом посмотрел на меня. Он поднялся, нерешительно прошел к аппарату и снял трубку. Затем, глубоко вздохнув, поднес ее к уху.

Мое недавнее гнетущее ощущение мгновенно усилилось. Подавив тошноту, я зажег сигарету и уставился на голубоватую струйку дыма.

Генри положил трубку. Он помолчал всего несколько секунд, показавшихся мне невыносимыми. Рука его все еще лежала на

телефоне. Наконец, он как-то неестественно дернулся и повернул ко мне голову. Его усталое, бескровное лицо перекосилось, искаженное невыразимой болью. Мой лучший друг смотрел пустыми глазами куда-то сквозь меня. Его губы еле двигались.

— Мама погибла в аварии.

Глава 3

НЕОБЫЧНОЕ САМОУБИЙСТВО

Артур Уайт не справился с управлением, возвращаясь из Лондона в третьем часу, и машина перевернулась. Около двадцати минут груды железа почти в тонну весом лежала на спине писателя, пока компания прохожих с невероятным трудом не вытащила его. Другого в подобных обстоятельствах парализовало бы на всю жизнь, но Артур благодаря незаурядным физическим данным выбрался невредимым. К сожалению, травмы его супруги оказались несовместимыми с жизнью. Она умерла около пятнадцати минут четвертого.

Уайты познакомились еще в ту пору, когда Артур надеялся добиться успеха на медицинском поприще. Луиза работала старшей сестрой при одной из его юных пациенток с неизлечимой болезнью. Хотя оба круглосуточно дежурили у кровати девочки, спасти

Четвертая
дверь

ее не удалось — она скончалась у них на руках, когда влюбленные уже готовились оформить свои отношения. Они поженились тайно, никого не оповещая.

Я видел фотографии с их свадьбы. Уайты и в самом деле были красивой парой. Темноволосый, высокий, сильный Артур и его стройная, изящная белокурая жена прекрасно дополняли друг друга. Добрая и искренняя улыбка Луизы дарила тепло каждому встречному. Эта женщина не умела печалиться. Ее обожали все, особенно дети. Я частенько придумывал самые идиотские предлоги, чтобы заскочить к Генри, ведь в их доме меня всегда ожидал радушный прием.

Артур каждый день занимался гимнастикой у себя в гостиной, а затем уходил на часовую прогулку, которую никогда не пропускал, даже при самой плохой погоде. В это время мы тоже прокрадывались к нему потренироваться. Миссис Уайт отлично знала, как любят куролесить мальчишки, но просила лишь об одном — ставить вещи на место до прихода мужа. А за хорошее поведение она вознаграждала нас маленькими гостинцами — я до сих пор помню ее горячие булочки с домашним джемом. Ничего вкуснее не пробовал.

Жизнь в деревне, где каждый любил Луизу, буквально остановилась после известия

о ее гибели. Безутешный Артур винил в этой катастрофе себя. Генри и вовсе зачих. Он боготворил семью, особенно мать, и страшный удар серьезно подкосил его. После того рокового вечера мой друг окончательно замкнулся.

Похороны миссис Уайт прошли в непривычной атмосфере. Только Виктор Дарнли сохранял хладнокровие. В его глазах читались жалость, сочувствие к друзьям, но я до сих пор помню те потрясшие нас слова во время соболезнований: «Не угнетай себя, Артур, будь счастлив ради нее. Смерть — еще не конец. Боль, которую ты чувствуешь сегодня, я уже испытывал. Не думай, что твоя потеря невозполнима. Прими ее, и Луиза еще к тебе вернется. Поверь, старина, вы обязательно встретитесь».

— Бедный Генри, ему непременно надо помочь. Нельзя оставлять человека в таком состоянии. Я уже пытался поговорить с ним, но он ничего не желает слышать.

Эти слова произнес другой наш приятель, Джон Дарнли. Большой рыжеволосый парень, очень добродушный, всегда готовый прийти на выручку любому.

Мы втроем — я, Генри и Джон — каждую субботу по вечерам заходили в паб — старейшее здание в деревне. Нынешняя неделя исключением не стала, но Генри посидел

с нами совсем недолго, да и то почти не раскрывал рта.

Часы показывали около девяти. Стул, который обычно занимал Генри, пустовал, все прочее оставалось по-старому. Мы любили наш паб, его большой зал с низкими потолками и огромными балками, прокопченными целыми поколениями курильщиков, его дубовые панели и древний бар, где подавали лучшее бочковое пиво в графстве. За стойкой, как обычно, торчал Грозный Фред — неисправимый балагур, душа любой компании. Он наполнял стаканы пенистой жидкостью — коричневой или янтарной — под незатихающий гвалт собравшихся. Пелена сигаретного дыма стала такой густой, что тусклое сияние настенных светильников практически не могло ее разогнать. Ночь почти вступила в свои права, но мы ничего не замечали. Все наши мысли и заботы читались в глазах Джона.

— Джеймс, ты не считаешь, что ему могла бы помочь Элизабет? Нужно всего лишь одно твое слово.

Не знаю, с каким трудом он решился высказать это предложение, но оно в полной мере отражало его благородную душу. Я понимал, что Джон сходил с ума по моей сестре и мог таким образом навсегда ее потерять.

Я покачал головой.

— Элизабет, которая без малейшего повода льет слезы ведрами? Не считаю. Те, кого она пытается утешить, обычно заканчивают еще большими рыданиями. — И, немного помолчав, я уверенно продолжил: — Генри придет в себя. Время лечит любые раны, даже такие. Иначе люди никогда бы не выжили.

Я осекся, поняв, насколько бестактно это прозвучало по отношению к Джону.

— Время лечит любые раны, — задумчиво повторил тот, глядя куда-то в стену. — Ну, может быть, отчасти. Скажем так, оно позволяет шрамам зарубцеваться.

Мне захотелось дать себе пинка. Вот ведь сморозил! Но проклятые слова уже вырвались, и Джон стал вспоминать ту ужасную ночь.

— В тот вечер я играл с Билли. За мной зашел встревоженный отец. Он искал меня, но сообщил, что пропала и мама. Мы вернулись домой и, хотя все там перерыли, найти ее нигде не могли. А потом папа ушел на чердак, и через минуту оттуда раздался такой крик, какого я никогда в жизни не слышал. Я тоже побежал наверх. Дверь в конце, четвертая дверь, была открыта, из проема брезжил свет. Там, в комнате, я увидел отца. Он стоял на коленях перед лежащей на полу мамой.

— Прости меня, Джон, — пробормотал я. Но он словно не слышал:

— Папа с тех пор стал другим и не оправился по сей день. Мы потеряли буквально все. Мне, пятнадцатилетнему мальчишке, пришлось бросить учебу и пойти работать, чтобы нас прокормить. — Он посмотрел на свои огрубевшие руки. — Впрочем, даже нужда не страшнее смерти. Если бы с мамой произошел несчастный случай — это одно. Но самоубийство — совсем другой разговор, да какое самоубийство! Она обезумела за несколько часов. Видел бы ты ее — такое в самом страшном сне не привидится. Одно время ходили слухи, что где-то по соседству завелся маньяк, но комнату изначально заперли изнутри. Сколько раз я просыпался среди ночи, задавая себе вопрос: почему мама так поступила? Почему? Ты знаешь, я никогда не рассматривал всерьез версию о сумасшествии. И тем не менее... — Джон вздохнул, — ты прав, Джеймс, время лечит все. В любом случае...

Он сглотнул, не в силах продолжать.

Я крыл себя последними словами. Ну какой черт тянул меня за язык? Единственное, что теперь я мог сделать — лишь угостить друга сигаретой в качестве хотя бы малейшего утешения. Спасибо, Джеймс, ты полный идиот.

Джон, видимо, прочитал мои мысли, потому что, когда он заговорил вновь, голос стал звучать спокойнее:

— Ты не виноват, дружище. Это неизбежность. Генри лишился матери десять дней назад, а я — десять лет. Два соседа, два осиротевших друга. Тут сложно не уловить связи.

Его нарочито беззаботный тон не изменил моего мнения о себе как о человеке, не способном пользоваться мозгами.

Джон бодро хлопнул меня по спине.

— Не мучай себя, Джеймс, что было — то прошло. Сейчас лучше подумать о Генри!

Он подал знак Фреду, и тот поставил перед нами две кружки с пенящимся пивом.

— Моя очередь угощать, парни, — пробасил он с дружеской улыбкой. Его речь и жесты не поддавались описанию. Несмотря на непрекращающийся гомон, каждый зашедший в этот бар быстро понимал, кто здесь главный.

Фред посерьезнел. Он приобнял нас за плечи и быстро заговорил:

— Вы не должны позволить Генри замкнуться. Его обязательно нужно растормошить! Я понимаю, что он пережил, но...

Кто-то зашумел, требуя выпивки.

— Должен покинуть вас, парни, — кивнул Фред и зарычал куда-то вглубь: — Иду! Иду!

— Прошлой ночью приехали Латимеры, — сообщил Джон после нескольких глотков пива.

Смерть миссис Уайт заставила меня забыть о новых жильцах особняка Дарнли. Я уже видел их издали, но толком не разглядел.

— И кто они? Чем занимаются?

— Ему около сорока, светловолосый, по виду — страховой агент. Она — настоящая красавица: жгучая брюнетка с неотразимой улыбкой. По прикидкам, ей где-то под тридцать пять. Жалко, что замужем! — подмигнул Джон.

— А в общении?

— Тоже приятная, хотя мы не успели толком поговорить.

— А они ничего не упоминали о...

— Шуме по ночам? Таинственных огней на чердаке? Других идиотских выдумках?

— Ну, Джон, только не притворяйся. Вряд ли все предыдущие жильцы были дураками. И тем не менее ни один из них не остался у вас именно из-за этого.

Джон покачал головой, на его губах появилась ироничная улыбка.

— Я прекрасно понимаю: у нашего дома зловещий вид и мама покончила с собой именно здесь. Да и отец ходит, будто помешанный, хотя он вовсе не такой псих, каким представляют его окружающие. Человек вообще любит дать волю воображению — оно

создаст любой повод для испуга. Но давай по сути. Скрипит ступенька? Так они сделаны из дерева. Слышно именно в ночное время? Очевидно, все спят, и в деревне мертвая тишина. Ну а насчет шума и таинственных огней могу тебя уверить — лично я ни с чем подобным ни разу не сталкивался.

— Но твоя спальня на первом этаже, — заметил я. — Как ты можешь услышать то, что творится на чердаке, или увидеть оттуда свет?

— Согласен, — кивнул Джон. — Но туда ни одна душа вообще не ходит. Ну хорошо, пусть даже те истории небеспочвенны. В таком случае, кто там буйствовал? Кому в голову могла прийти мысль разыгрывать из себя привидение? Абсурд!

Я промолчал. Не имело смысла описывать ему мою теорию, хотя она и казалась мне единственно правдоподобной. Ту самую, в которой Дарнли-старший, надеясь, что его жена когда-нибудь появится, поднимался в крошечной тьме туда, где она оставила семью. Более того, при подобном ракурсе предельно ясным становилось и сказанное Артуру: «Луиза к тебе еще вернется. Вы обязательно встретитесь». Но как объяснить это Джону? Лишь одна тема — умственное расстройство мистера Дарнли — действительно могла ранить его, а моя версия событий основывалась именно

на ней. Нет, уж лучше молчать. Я достаточно напортачил за один вечер.

Внезапно мои размышления прервал голос Джона:

— Вчера я помогал новым жильцам заселяться.

Я достал из пачки сигарету. Джон немного поколебался, а затем продолжил:

— Миссис Латимер заговорила с моим отцом...

— Так-так, — я чиркнул спичкой.

— Пока мы с мистером Латимером таскали вещи.

Я затаился и выпустил кольцо дыма в потолок.

— Так вот, мы поднимались и спускались, а папа стоял в холле вместе с миссис Латимер.

Мои пальцы непроизвольно барабанили по столу.

— Мы внесли чемоданы на второй этаж.

Я глубоко вздохнул.

— А затем, оставив сумки в комнате, вновь спустились по лестнице. И тогда...

— И тогда... — эхом отозвался я, пытаюсь скрыть волнение.

— Я случайно услышал обрывок разговора. Между папой и миссис Латимер, разумеется.

Потеряв терпение, я треснул кулаком по столу.

— Да о чем же они говорили?

— Я не слышал начала, но, думаю, отец рассказывал ей о том, почему предыдущие жильцы так быстро съезжали, — шумы, огни и так далее. На это миссис Латимер ответила — и ее слова показались мне очень странными, не знаю даже, как их понимать.

Я кашлянул и спросил самым спокойным тоном, на который был способен:

— Что же такого она сказала?

— Слово в слово: «Я не боюсь духов, наоборот...»

— «Наоборот»?

— Именно так: «наоборот». Тут она увидела нас и смутилась. Пожелала папе спокойной ночи и ушла к себе.

— Они ей нравятся.

— Прости?

— Она не боится духов, наоборот, ей нравится их присутствие.

— Что за нелепость! Кому могут нравиться подобные вещи? Дико как-то.

— А мы вообще живем в диком мире, — вздохнул я.

Мне вспомнилась ночь, проведенная в доме Генри неделю назад. Тогда мой друг внезапно пробудился от кошмара, причем во

время сна он плакал и бормотал сквозь всхлипы: «Нет, только не это! Мама, не покидай нас, я тебя умоляю!» Как раз около пятнадцати минут четвертого, именно в тот самый момент, когда она погибла!

— Ты про аварию с Уайтами? — нахмурившись, спросил Джон.

— Да. В смысле, нет, — поправился я. — Нет, ничего. Я сам не понимаю, что несу. Слишком устал.

Джон предложил разойтись по домам. Я не возражал.

Глава 4

ПИСЬМО К ЛУИЗЕ

— Дорогой, у меня страшно болит голова!

— Милая, ну прими аспирин!

— Я уже выпила четыре таблетки, не помогают они!

— Не волнуйся, — промурлыкал папа, поправляя галстук. — Поспеши, любимая, а то мы опоздаем!

— Я не пойду, — простонала мама. — У меня слишком сильная мигрень.

— Что? — сердито вскрикнул отец. — Что значит «не пойду»? Артур Уайт, нашел в себе силы устроить прием, на котором будут даже Латимеры. Чужие люди! Неужто мы

не поддержим соседа? Давай соберись, и пойдём потихонечку.

Мама побледнела, затем оглядела отца с ног до головы и отрезала:

— Я сказала, мне плохо. Не пойду!

Наступила тишина.

Отец, уже готовый взорваться, с трудом сдержался и даже заставил себя улыбнуться.

— Любимая, — твердо начал он, взяв маму за руку. — Нет ничего хуже постоянной мигрени, уж мне-то ты можешь поверить. Я и сам часто мучаюсь от нее, особенно по вечерам, просто не всегда тебе говорю. Но отклонить приглашение Артура никак нельзя. Ему действительно нужна наша помощь, ведь еще трех недель не прошло со дня той жуткой аварии. Он не поймет, если мы не придем, а я дорожу нашей дружбой.

Ответом на эту тираду было лишь мамино каменное выражение лица.

— Ты все?

— В смысле?

— Закончил свою речь?

— Прости? — спросил отец, притворившись, будто не понимает.

— Мы не идем, только и всего. Джеймс и Элизабет за нас извинятся. Артур нисколько не обидится.

— «Мы»? — вскричал папа, теряя терпение. — Теперь уже «мы»? Что это значит?

— Ты и я, и прекрати прикидываться дурачком. Актер из тебя никудышный.

Отец напыщенно ответил:

— А это меня нисколько не задевает. Можешь оставаться здесь, Госпожа Бессильная, но при чем тут я? Собирайтесь, дети!

Его голос дрогнул от напускного негодования и реального гнева.

— Ты оставишь больную женщину одну на милость какого-нибудь маньяка? Вспомни, что пишут в газетах. — Мамины глаза вспыхнули от ярости.

— Собирайтесь!

Отец величественно прошел к двери, но на полпути замедлил ход и свернул к бару. Там он плеснул себе чистого виски, одним махом опрокинул рюмку и угрюмо произнес:

— Джеймс, Элизабет, идите одни!

Мама снова одержала победу.

— Не забудь ключ, — напомнила мне сестра, когда я закрывал входную дверь.

— Ладно, ладно, — буркнул я. — Господи, он липкий!

День выдался особенно теплым, если учесть, что был конец сентября. Несмотря на

прогнозы, предсказывавшие суровую зиму, на юг страны пришла жара.

— Похоже, ночью будет гроза, — заметила Элизабет, критически оглядывая себя. — Как я выгляжу, Джеймс?

— Неплохо.

Я, конечно, поскромничал. На самом деле в белом шелковом платье она смотрелась роскошно. Ее и без того стройная талия казалась еще тоньше. Чудесные туфли на плоском каблучке, элегантная кружевная шаль, скрывавшая скромное декольте и обманчиво простая прическа довершали картину.

— Только, — посоветовал я, — слегка промокни платком губы. Вот, так лучше.

— Думаешь, я понравлюсь Генри?

— Непременно. Кстати, раз уж напомнила, как успехи у вас двоих?

— Думаю, хорошо, но, кажется, он охладел ко мне.

— О?

— Наверное, надо было позволить ему поцеловать меня.

Я молча ждал, что последует дальше.

— Пару дней назад я решила навестить Уайтов, — серьезно поведала сестра. — Генри опять заговорил о матери, о том, как много она для него значила. Мы немного по-

болтали. Он выглядел таким несчастным, что я стала его утешать. И наконец Генри обнял меня.

Пора бы уже, подумал я.

— И поцеловал.

Наконец-то! Теперь я мог со спокойной душой уйти в тень.

— По крайней мере хотел, только я не разрешила. Рано еще. Джеймс, что не так? Думаешь, я поступила неправильно?

Я схватился за голову, не веря своим ушам.

— Элизабет, только не говори...

— Боюсь, да. Но Генри не расстроился, а тут же начал извиняться. А мне теперь неловко: вдруг он превратно понял мой отказ? Что думаешь, Джеймс?

К тому времени мы подошли к дому Уайтов, и я избавился от необходимости отвечать. Мне уже до тошноты надоело копаться в их отношениях.

Артур Уайт открыл дверь. Несмотря на горе, он встретил нас вполне приветливо.

— Заходите, ребята. Какая ты красивая, Элизабет! Это платье тебе очень к лицу.

— О, спасибо, мистер Уайт, — кокетливо улыбнулась моя сестра, заливаясь краской.

— А где родители?

— У мамы жуткая мигрень, и...

— Ваш отец не захотел оставлять ее одну. Прекрасно понимаю. Никогда не знаешь, что может случиться. — Его голос ослаб. — Проходите в гостиную. Джон и Генри уже там.

Когда мы вошли в комнату, две пары глаз жадно уставились на Элизабет. Та поздоровалась с Виктором. С момента смерти миссис Уайт лицо Дарнли-старшего постепенно стало приобретать здоровый цвет. Пару раз Виктор даже выбрался из своей берлоги повидать Артура, хотя долгое время вел совсем затворническую жизнь.

Обычно немногословный, на этот раз он принялся осыпать Элизабет комплиментами. Та почти мурлыкала от восторга, лишь искорки в глазах выдавали ее напускную застенчивость. Чтобы скрыть смущение, Джон монотонно повторял приветствия, стараясь держаться небрежно. Генри же, лишившийся дара речи, глядя на мою цветущую сестру и слушая дифирамбы Виктора, смог только выдать: «Добрый вечер, Элизабет».

— Генри, не стой, как истукан, — прогремел властный голос его отца. — Обслужи друзей!

Дверной звонок снова ожил.

— А это наши особенные гости! Я открою, — сказал Артур и исчез.

Виктор представил вошедших. Патрик Латимер при знакомстве произвел на меня хорошее впечатление, но я не мог понять, стоит ли так безоговорочно доверять интуиции. А вот его жена Элис сразу приковала все взгляды к себе. Красивая и полностью осознающая свою красоту, миссис Латимер выглядела очень элегантно и даже, на мой вкус, немного вызывающе. Совершенно покоренный Генри пожирает ее глазами, что не ускользнуло от внимания моей сестры. Когда Элис присела рядом с ним, Элизабет даже побелела от гнева.

Пытаясь скрыть замешательство, мой друг обратился к привычному занятию. Он стал дурачиться и показывать фокусы, демонстрируя цирковое мастерство во всем блеске. Латимеры были поражены. Элис обмерла от восхищения и этим, естественно, только вдохновила Генри. Находясь в центре внимания, он сиял от удовольствия и гордости.

— Кажется, у Генри возвращается вкус к жизни, — ехидно шепнул я на ухо сестре.

— Замолкни, предатель, — прошипела она.

Немного раздраженный Артур положил конец выступлениям сына, попросив его подать канапе, а сам занялся шампанским. Я с радостью для себя отметил, что хозяин дома не поскупился.

Драгоценная жидкость заискрилась в бокалах гостей, а затем такой же блеск появился у них глазах. Вечер, безусловно, удался, и даже Артур, казалось, немного расслабился. Только Элизабет мучилась от ревности.

— Я прочитала почти все ваши книги, мистер Уайт. Как у вас получается придумывать такие занимательные сюжеты?

— Моя дорогая, я обретаю вдохновение в чтении. Мое кредо: читать без пометок — все равно что есть не жуя.

— Ого! Оригинально! Непременно запомню. Поддержал разговор даже Виктор:

— Артур — писатель, опережающий время.

— Ну, не преувеличивай. Я всего лишь...

— Превосходное шампанское, Артур. Не возражаешь?

— Виктор, дружище, прошу, не стесняйся! Мой дом — твой дом.

— Генри! Вы просто сногшибательны! Как у вас так получается?

— Мадам...

— Зовите меня Элис.

— Элис, если честно, это такой дар.

С самого детства я...

— А вы умеете заинтриговать...

— Как же та женщина меня раздражает! Ее платье просто вульгарно, а уж сколько в ней лицемерия... Неужели миссис Латимер и вправду так привлекательна, Джон, что все глаз с нее не сводят?

— Ну, она недурна, но на любителя. Скажем так, не в моем вкусе. По сравнению с тобой, Элизабет, проигрывает вчистую. Ты сегодня выглядишь особенно восхитительно.

— Не дразни меня!

— Клянусь, неужели я стану лгать? Посмотри мне в глаза, возможно, они скажут тебе больше, чем я когда-либо смогу...

— О Джон!

Внезапно в наш дивный вечер вмешалась гроза. Когда за окном разразился ливень, Элис вскочила со стула:

— Я знала! Сегодня весь день стояла такая жара! Я ненавижу, терпеть не могу грозу!

Небо озарила вспышка молнии, сопровождаемая басистым раскатом грома.

Элис дрожала. Муж бросился к ней.

— Дорогая, как ты? Может, приляжешь? С вашего позволения, мистер Уайт.

— Конечно-конечно. Вам плохо? Я по образованию врач, хотя больше не практикую. Если я могу чем-нибудь помочь, дорогая...

Элис не ответила. Она смотрела вперед безжизненным взглядом, руки у нее дрожали. Патрик уложил супругу на диван. Дыхание молодой женщины было очень тяжелым и таким учащенным, что платье буквально трещало по швам. Гроза разыгралась еще хлеще. Хотя занавешенные французские окна, выходящие на пустошь, скрывали зазубренные лезвия молний, все же вспышки света на черном, как уголь, небе сверкали друг за другом настолько быстро, будто не прекращались вовсе. Безжалостная, разъяренная стихия бушевала под аккомпанемент ревущего грохота, словно предвещающего конец света.

Никто не издавал ни звука. Гроза все сильнее неистовствовала, но мы больше перепугались за Элис. Молодая женщина словно оцепенела.

— Не волнуйтесь, — наконец нарушил молчание ее муж. — Она медиум. Возможно, кто-то ее позвал. Но ей нужен полумрак, нельзя ли приглушить...

— Могу выключить люстру, — кивнул Генри, однако его голос дрожал. — Нам хватит и лампы у окна.

— Тогда, — возразил Патрик, — свет будет бить ей в глаза. Лучше оставить вон ту, возле книжного шкафа.

Генри повиновался. Комната погрузилась в темноту. Гости окружили диван. Грудь

Элис слабо поднималась и опускалась под звук гортанного хрипа. Веки женщины подрагивали.

Патрик жестом призвал всех к молчанию.

Мы затаили дыхание. Губы лежащей разомкнулись, и послышались странные слова:

— Эта земля туманна. Все здесь — лишь сумрак и мгла. Нельзя верить тому, что предстает перед глазами. Обитателям сих мест неведома жизнь, они лишь тени, захваченные временем...

Ее голос стих.

— Дорогая, — мягко спросил Патрик, — ты видишь что-нибудь еще?

Спустя мгновение Элис негромко продолжила:

— Увы, нет. Дымка рассеивается, и тени отступают. Темно. Хотя подождите. Из тумана вырисовываются силуэты. Две женщины. Одна из них говорит с другой. Она... она пытается ее удержать. Теперь я четко их вижу. Ее тело изрезано... на запястьях раны. Дрожащий палец показывает прямо на меня, словно хочет в чем-то обвинить. Нет, лица не разглядеть, но оно пугает.

— Это Элеанор, — прошептал Виктор. — Моя жена хочет что-то нам сообщить.

Смертельно побледнев, он подошел ближе к Элис.

— Это Элеанор, миссис Латимер. Я уверен, я тоже пытался с ней связаться. Она хочет поговорить с нами. Не упустите ее, прошу вас!

Элис закрыла глаза.

— Миссис Латимер, я вас умоляю!

— Лучше на нее не давить, — прошептал Патрик. — Это может быть опасно...

Но голос его жены снова зазвучал, уже четче:

— Та женщина исчезла, но ее подруга не спешит к ней присоединиться. Кажется, она в замешательстве, будто не знает, куда идти. Она... она хочет, сказать кому-то... Нет, не так. Ей нужен один конкретный человек, которого она особенно ждет. Он... находится здесь. Высокий, хорошо сложенный, прошедший с ней часть пути...

Все уставились на Артура. Тот будто окаменел.

— Она хочет поговорить с ним. Наедине.

Наступила тишина.

— Это ведь вы, мистер Уайт, — произнес Патрик, задумчиво глядя на жену. — Вы долго прожили в браке, и теперь ваша супруга хочет что-то рассказать...

Яркая вспышка промелькнула на небе, осветив лицо Артура, на котором застыло недоверчивое выражение. Патрик подождал, пока молния исчезнет, и продолжил:

— Не хочу напрасно вселять надежду, мистер Уайт, но, может, и получится. Мы уже проводили подобный опыт раньше, и, кажется, сегодня Элис особенно чувствительна.

Виктор вцепился в плечо друга:

— Артур, ты должен попробовать!

Тот потупился и кивнул.

— Правда, не могу гарантировать успех, — выдохнул Патрик Латимер. Он вынул из кармана платок и вытер лоб. — Если честно, эксперимент закончился удачно только один раз, несколько лет назад. Мы тогда только поженились.

Можете задать вопрос вашей супруге, мистер Уайт. Такой, чтобы ответ на него знала она одна. Но только не произносите вслух. Напишите на бумаге где-нибудь в отдельной комнате. Листок положите в конверт, заклейте его и как-нибудь пометьте. Или, если хотите, запечатайте воском. Лишь бы ни одна душа не могла увидеть.

Моя жена подержит конверт, а затем... Там увидим. Повторяю, вероятность успеха невелика. Но лучше поторопитесь, Элис может выйти из транса в любое мгновение.

Артур ушел.

Патрик возвел руки к небу.

— Пожалуйста, друзья, давайте сохранять тишину. Одно слово может все разрушить.

Хозяин дома появился через десять минут, показавшихся нам вечностью.

— Вот, — сказал он, вручая конверт Патрику. Тот показал его другим гостям. На задней стороне, сверху виднелась восковая печать, а по краям были поставлены подписи.

Генри прошептал мне на ухо:

— Отец коллекционирует редкие монеты. Одной из них он и сделал оттиск.

Патрик наклонился к жене и вложил конверт ей в руки.

— Дорогая, передай той женщине послание от мужа.

Пальцы Элис сжались и разжались, конверт выпал из ее рук. Патрик поднял его и положил на кофейный столик.

— А теперь, — объявил он, подходя к окну, — остается ждать, пока не кончится гроза.

Он не договорил. Ослепительная вспышка чудовищной силы, сопровождаемая страшным раскатом грома, пригвоздила нас к месту. Комната погрузилась в кромешную тьму.

— Генри, — раздался властный голос Артура, — похоже, пробки выбило. Пойди, взгляни.

— Я мигом.

— Не суетитесь, — продолжил хозяин дома. — Миссис Латимер все еще в трансе,

и любое резкое движение может серьезно ей навредить.

Через несколько минут лампа вновь за-
жглась, и вошел Генри. Оставшиеся, казалось
не шевелились вовсе.

— Действительно пробки, — сообщил мой
друг. — А Элис... миссис Латимер пробудилась?

— Нет, — ответил Патрик, глядя куда-то се-
бе под ноги. — Но это ничего не значит. Давай-
те просто подождем.

Виктор, не сводивший глаз с конверта на
столике, повернулся к другу.

— Не теряй надежды, Артур. Я чувствую:
все получится.

Далекая вспышка вновь озарила небо,
и в комнате опять стало темно. Наступившая
тишина ощущалась почти физически.

Генри заговорил первым.

— Я все налажу, папа. Я могу добраться до
щитка с закрытыми глазами.

— Принеси лучше свечи, Генри, и канде-
лябр из коридора. Кто знает, сколько продлится
гроза? Лишь бы с миссис Латимер ничего не
случилось.

Патрик кашлянул, прочищая горло.

— Конечно, темнота помогает ей скон-
центрироваться, но скачки напряжения —
мало ли как они отразятся? — Он снова
кашлянул, уже громче. — Гм! Зачем себя об-

манывать? Подобные вещи редко заканчиваются удачно. Хотя именно сегодня Элис казалась особенно настроенной на контакт. Но перебои с электричеством...

— Должен признать, мистер Латимер, на мгновение я действительно вам поверил. Но будем честными — общение с загробным миром невозможно. Всю жизнь...

— Артур, — прервал его Виктор, — ты совершенно в этом не разбираешься.

Свет вновь зажегся.

Элис по-прежнему лежала на диване. Казалось, ничего не могло потревожить ее сон.

— Простите, мистер Уайт, но все впустую, — с сожалением сказал Патрик. — Я бужу ее.

Он подошел к жене и стал мягко гладить ее по голове, приговаривая что-то на ухо.

— Подумать только, а ведь я действительно начал надеяться... — грустно покачал головой Артур. — По-моему, гроза заканчивается.

В комнату вернулся Генри, неся канделябр с зажженными свечами.

— Готово! Но Элис...

Все моментально повернулись к молодой женщине, вышедшей из транса. Миссис Латимер запустила руку в волосы и заговорила. Она захлебывалась от избытка эмоций:

— Боже мой! Где я? Что... Патрик!

Муж сжал ее руки.

— Ничего, дорогая, все уже закончилось. Ты упала в обморок.

Элис закрыла лицо руками.

— О! Боже мой! Я испортила такой прекрасный вечер! Это все гроза, мне следовало учесть... Патрик, почему ты про нее не напомнил? Простите, мистер Уайт, я...

— Прошу, не извиняйтесь, дорогая. Все в порядке.

— Ты что-нибудь помнишь, милая? — спросил Патрик, помогая ей встать.

— Я разговаривала? — внезапно осведомилась Элис, широко распахнув глаза.

— Очень сбивчиво, мы ничего не смогли разобрать. Тебе бы отдохнуть. Мистер Уайт, вы позволите? Любимая, аккуратнее...

Элис подошла к окну и оперлась рукой на подлокотник кресла. Неожиданно она пошатнулась, и муж бросился к ней. Оба одновременно рухнули в кресло, смахнув цветок с подоконника и зацепив стоящий рядом столик.

Раздался нестройный хор голосов, однако никто не двинулся с места. Патрик извинялся и рвался оплатить ущерб, но Артур и слушать не хотел. В конечном счете сошлись на том, что на днях Уайты придут в гости к Латимерам.

Внезапно Элис резко уставилась на конверт. Он по-прежнему лежал посередине ко-

фейного столика. Артур осторожно взял его за уголок и сунул в карман пиджака.

Заметив этот жест, Элис ровным голосом произнесла:

— Да, Генри станет мудрым и благоразумным.

На несколько секунд в доме воцарилась тишина. Гости застыли с открытыми ртами. Патрик смотрел на жену, съезжившуюся рядом с ним. Та потупилась:

— Дорогой, я не пойму, что со мной такое. Простите, несу сегодня всякий бред.

Джон и Элизабет, осторожно державшиеся в тени, рванулись к Артуру и подхватили его под руки. В этот миг он потерял сознание.

Хозяина дома усадили в кресло. Пока Джон похлопывал его по щекам, Генри принес стакан бренди.

— Папа, что на тебя нашло? Зря ты выпил столько шампанского.

Артур покачал головой и грубо оттолкнул Генри. Мелкие капли пота заблестели на его бледном лице. Не говоря ни слова, он запустил руку в карман, вытащил конверт, осмотрел со всех сторон, даже на свет, и передал сыну.

— Артур, — пролепетал Виктор дрожащим голосом, — ты же не хочешь сказать...

— Конверт не открывали, — перебил его Генри. — Это точно.

Артур прошел к письменному столу, порылся в ящике и извлек небольшой перочинный нож. В гробовой тишине он вскрыл конверт, вытащил оттуда сложенный листок бумаги, развернул его и показал гостям. Там, в самом центре, была написана всего одна фраза:

«Дорогая, думаешь, Генри когда-нибудь образумится?»

Глава 5

ОТГОЛОСКИ МЕРТВЫХ

Приближался конец октября. Со времени появления духа миссис Уайт прошел месяц.

Разумеется, я подозревал подвох, трюк со стороны Латимеров — иначе как еще можно было истолковать настолько невероятное совпадение? Артур, скрытый от посторонних глаз, пишет на чистом листе вопрос, помещает его в конверт, который самолично и запечатывает. Все время, за исключением двух перебоев с электричеством, послание находится на виду. А затем... миссис Уайт отвечает мужу устами Элис. Женщины, принесшей весть из загробного мира.

Более того, конверт тщательно осматривался. Отворот не отклеивали, не разрезали, подписи с печатью тоже остались нетронутыми.

Но каким образом Элис смогла узнать вопрос Артура? Простое везение? Выстрел наугад? Исключено: слишком точным оказался ответ. Тогда как же?

Я вспоминал ночной кошмар Генри. Ровно в тот момент, когда погибла его мать, он проснулся, охваченный мистическим ужасом. А слова, произнесенные им в бреду? Я не мог объяснить их рационально. К тому же в последние две-три недели по деревне вновь поползли слухи о доме Дарнли. Кто-то видел свет в «роковой» комнате, иные со знанием дела рассказывали, как плохо спится Латимерам из-за странного топота.

К счастью, мою голову тогда занимали более важные мысли, сопряженные с первым годом обучения в Оксфорде, откуда я в итоге надеялся выйти со степенью бакалавра. Генри же провалил все, что только можно, и остался на второй год. Винить никого, кроме себя, он не мог: слишком уж редко посещал университет. Более того, и текущий учебный год грозил завершиться столь же печально. В последнее время удача совершенно отвернулась от Генри. После трагедии мой друг стал совершенно другим. Может, он запустил себя из-за смерти матери? Или страдал по Элизабет? Вряд ли. В любом случае, Генри будто отгородился ото всех. Споры с отцом ста-

ли почти обычным делом. Разум парня обуревало какое-то наваждение. Мы предполагали разные варианты, однако истины никто не добился.

Зная, что Генри доверяет мне, мои родители периодически расспрашивали о нем. Они часто высказывали дельные мысли, и я пытался передать их другу, но тот уклонялся от темы. Время от времени он напускал на себя беспечный вид, однако все мы понимали: это чистой воды лицемерие. Его настроение давно стало хмурым, а нервозность — заметной даже невооруженным глазом.

Я оторвался от размышлений и опустил взгляд на домашнее задание по французскому. Заботливая рука учителя не пожалела чернил и исчеркала красными отметинами почти весь мой текст. С некоторым раздражением я отбросил ручку, проклиная иностранную грамматику.

Часы показывали восемь. По субботней традиции, в бар уже следовало поспешить. Фред обиделся бы, если бы мы не пришли. По пути я решил заскочить за Генри.

Дойдя до особняка Уайтов, я услышал громкие голоса. Отец с сыном в очередной раз серьезно спорили. Я стоял, не решаясь сдвинуться с места, и не знал, как поступить, когда внезапно раздался скрип петель

и на пороге показался Артур. Пылая от ярости, он с шумом захлопнул за собой дверь.

— Добрый вечер, мистер Уайт, — неуверенно поздоровался я.

— А, Джеймс, — пробормотал он с удивленным и одновременно раздосадованным выражением лица. — Добрый вечер, добрый вечер. — Голос его немного сипел. Подкрепив приветствие кивком, Артур торопливо отправился к владениям Дарнли.

Пока его силуэт все больше отдалялся, я отметил, что за последний месяц они с Виктором виделись почти каждый день. Эта внезапная близость выглядела довольно странно, ибо раньше их отношения оставались в рамках исключительно добрососедских. Мне захотелось обменяться мнениями с Джоном.

В комнате Генри горел свет. Я обошел дом по дорожке и заглянул внутрь. Мой нахохлившийся друг, сложив руки за спиной, сердито расхаживал по комнате. Внезапно он остановился, словно озаренный какой-то догадкой. Морщины исчезли со лба. Генри открыл ящик стола и вынул оттуда два резиновых мячика. Аккуратно поставив один из них на дверную ручку, он положил второй в карман.

Что же будет?

Генри отошел в угол комнаты, вынул из кармана мячик, несколько раз подбросил

и поймал его, видимо, для того, чтобы лучше сосредоточиться, а затем с неожиданной силой швырнул вниз. Мячик отскочил от пола, от толка, ударился о стену и попал точно по первому!

Браво, Генри! Вышло действительно мастерски.

Я побарабанил пальцами по окну и зааплодировал. Генри вздрогнул, но, увидев меня, улыбнулся.

Я показал ему на часы и сделал жест, будто умираю от жажды.

Фред налил две пинты пива и счел необходимым порадовать нас анекдотом. Я вежливо посмеялся и посмотрел на Генри. Тот тоже заставил себя улыбнуться.

— Генри, у тебя все в порядке? — спросил я его, когда бармен отошел.

Ответа не последовало.

— Почему ты все время ругаешься с отцом? — продолжил я, в полной мере осознавая свою бестактность.

Молчание начало меня раздражать.

— Из-за того, что заваливаешь экзамены?

— Нет. То есть да, но не только. Дело в деньгах. — Его глаза хищно блеснули.

— В деньгах? Но твой отец...

Генри поднял руку.

— Джеймс, — прервал он меня, — ты не сможешь понять, я не смогу объяснить. Прошу, не задавай больше вопросов.

— Элизабет?

Его пальцы сжались под столом: стрела попала в самое яблочко.

— Она порвала со мной, — сдерживая гнев, сообщил Генри. — И очень напрасно.

После того самого вечера, который мистер Уайт организовал в честь приезда Латимеров, Генри с Элизабет намеренно игнорировали друг друга. Пару раз Джон приглашал мою сестру на обед в один из лучших пригородных ресторанов, но Генри стоически молчал. Его гордыня пересиливала ревность.

— Да, наверное. Так как...

— Привет всем, — прервал нас хорошо знакомый голос.

— Здравствуй, Джон, — вяло откликнулся Генри и подал знак Фреду.

Джон, тоже уставший, тяжело опустился на стул.

— Тяжелый денек, — заметил Генри, разглядывая свои ногти.

— Да уж. Но ночь была еще тяжелее. В смысле, прошлая ночь, — Джон закрыл глаза и запустил пятерню в рыжие волосы.

Я ничего не понимал.

— Вам разве не сказали? — изумился он.

Возникла пауза.

— Странно, — продолжил Джон.

— Парни, пиво налито, — громко позвал Фред.

Он посмотрел на нас, но, не увидев привычной беззаботности и оптимизма, вздохнул и покачал головой.

— Джон, — попросил я, — пожалуйста, окажи любезность.

— Какую?

— Не тяни резину, выкладывай все начистоту. Обойдемся без недомолвок.

Джон безучастно смотрел на кружку с пивом, будто не слышал моих слов. Затем вынул из кармана сигареты и, не предложив нам, закурил.

— Помнишь, сколько пересудов ходило о так называемых шагах в нашем доме? — произнес он. — Бог свидетель: я никогда в них не верил. Но с недавних пор, должен признать, сам стал что-то слышать. Мне вспомнились предыдущие жильцы, жаловавшиеся на плохой сон. Разумеется, тогда та история выеденного яйца не стоила. Очевидно, папа по одному ему известной причине поднимался на чердак. Может, мечтал вновь встретиться с мамой, но даже не это важно. Аналогично можно объяснить и свет, который якобы

многие видели. Так я думал всегда, но разговаривать с отцом — довольно щекотливое дело, сами понимаете. Однако никто не может находиться в двух местах одновременно.

Я вздрогнул. Генри молча сидел на стуле. Его лицо ничего не выражало.

— Около девяти часов, — рассеянно продолжал Джон, — мы с Латимерами пили кофе в салоне, как раз под чердаком. Тебе разве твой отец не рассказывал? — внезапно повернулся он к Генри.

— Совсем невнятно, — смущенно ответил тот. — Только что-то пробурчал о некоем странном происшествии, которое доказывало то или се. Но без подробностей.

Заинтригованный, Джон посмотрел на него.

— Так вот. Мы пили кофе: Латимеры, мистер Уайт, я и папа. У нас зашел разговор о тех самых шагах, когда внезапно они и раздались. Кто-то явно расхаживал туда-сюда этажом выше. Побродит-побродит и успокоится. Но отец сидел прямо передо мной. Моя теория рассыпалась в пух и прах.

Всех буквально накрыло волной ужаса. Папа съежился на стуле, побледнел и задрожал. Элис бросилась к Патрику. Мистер Уайт умудрился разбить кофейную чашку и не заметить этого — так и сидел, изящно

держа ручку пальцами. Только я не потерял голову: быстро выбежал в коридор и кинулся наверх, изо всех сил стараясь не шуметь.

На чердаке я тоже слышал шаги, но недолго. И все же, до того как они стихли, область поисков удалось сузить. Звук раздавался слева от лестницы.

Здесь нужно вставить пару слов о планировке чердака. Когда поднимаешься на верхний этаж, с лестницы есть только два пути. Дверь справа ведет в жилые помещения, за левой же находятся комнаты, переоборудованные под кладовку. От входа идет длинный коридор, упирающийся в голую стену. Стена прикрыта огромной ширмой до самого потолка, за которой стоит книжный шкаф, набитый журналами, справочниками и древними газетами. В коридоре нет окон, но в него справа выходят четыре двери, одна за другой. Они, как и стены с перекрытиями, обиты старыми дубовыми панелями. На всем этаже нет электричества, так что представьте сами, насколько там темно.

Я не хотел торчать один в том коридоре, поэтому дождался остальных. Кто-то принес фонари. Патрик с отцом сторожили у двери, мистер Уайт ждал в коридоре, а мы с Элис обыскали все четыре комнаты. Три дальние были абсолютно пустыми. В первой же стояла старая мебель. И ни одной живой души.

В каждой комнате имеется по окну, но все они оказались запертыми. За ширмой в конце коридора тоже не обнаружилось ничего, кроме газет.

Джон глубоко вздохнул и покачал головой.

— Я уже ничего не понимаю.

Глава 6

НАПАДЕНИЕ

В особняке Дарнли обитают привидения.

По крайней мере, так перешептывались жители деревни. Со временем молва достигла столицы, и в наши края даже приехал лондонский журналист. К Латимерам частенько стали захаживать гости, причем не только Артур, но и другие состоятельные люди, интересующиеся паранормальными явлениями. «Призрак» появлялся еще два раза. Виктор без конца твердил о знаках, которые таким образом пытается подать его покойная жена.

Джон решительно вознамерился завоевать сердце Элизабет, и, хотя моя сестра больше не посвящала меня в свои секреты, я прекрасно видел, что она равнодушна к его ухаживаниям.

У Уайтов, к сожалению, ничего к лучшему не изменилось. Генри стал еще самоувереннее и нервнее. Взглядом он напоминал затравленного зверя, а отношения с отцом окончательно испортились. Меня всерьез

беспокоили их постоянные стычки. Один раз я чуть не вмешался, испугавшись, что дело закончится рукоприкладством.

Напряжение нарастало день за днем.

Я почти решил заковыристую математическую задачку, когда в мою комнату вошла Элизабет.

— Отец носится как угорелый, — сообщила она. — Тебе бы пойти, выпить с ним, может, успокоится.

— А мама?

— Готовит его к завтрашнему футболу. Игра, несомненно, очень важная, но, увы, мама уже договорилась попить с кем-то чаю.

— А почему ты не можешь пойти и подбодрить любимого папу, дорогуша?

— Я? — запнулась она, покраснев как рак. — Ну, просто...

— Не волнуйся, понимаю. Джон собирается прибрать тебя к рукам, и в твоём расстройстве совсем мало времени. Ладно, так уж и быть. Беги!

— Скотина! — вспыхнула Элизабет, хлопая дверью.

Решение задачи улетучилось у меня из головы и никак не хотело возвращаться. Вздохнув, я вышел из комнаты и обнаружил отца в гостиной.

— Джеймс, мой мальчик! — воскликнул тот, увидев меня.

Его руки все еще тряслись от возмущения.

— Сегодня последняя суббота ноября, так давай же за это бахнем! И совсем не чаю! Ха!

— Существенный повод, — язвительно отозвался я.

— Неважно. Вино нужно пить, когда виноград еще... м-м-м... — он задумался, подбирая цитату, но ничего вспомнить не смог. — В общем...

Сверкнув глазами, он наполнил два бокала бренди, и мы чокнулись.

— Вот. Так-то лучше, — крикнул отец, скрестил ноги и устался в потолок. — У женщин нет мозгов, — серьезно добавил он. — Им лишь бы пузо набить.

— Пап, — ответил я, надеюсь, достаточно изумленным тоном, — если бы мама нас слышала...

— А мне все равно, — пробурчал он. — Это и к ней относится. Пожалуй, даже в первую очередь.

Дверь открылась, и вошла сама виновница нашей попойки.

Отец застыл в кресле.

— Эдвард, — произнесла мама стальным голосом, — я погладила твой серый костюм на завтра. Пожалуйста, будь поак-

куратнее. О, как чудесно, вы с сыном пьете виски!

— Бренди, дорогая. Французский бренди. Один из самых лучших.

Дверь захлопнулась.

Отец содрогнулся, но от своего мнения решил не отказываться.

— Как я уже сказал, женщины мыслят... Да ничем они вообще не мыслят. Они не соображают, что важно, а что нет. Возьмем любой пример — завтра финал. Играет Билли Спид. Лучший нападающий страны. Пушечный удар, колоссальная скорость, необычайная реакция. Короче говоря, такое зрелище ни в коем случае нельзя пропускать, даже если кое-кто не намерен идти.

Он помолчал.

— И вот, представь только, что учудила твоя мать, дай нам бог терпения. Попить чая у Уилсонов. Каково, а? В то время, когда Билли Спид всего в миле от нас. Просто невероятно! Она никогда не перестанет меня поражать. Гм! Ладно, неважно. Я просто рассуждал о тупости твоей... в смысле, женщин.

В поддержку данного тезиса отец привел еще несколько примеров, после чего пустился в пространный анализ женской глупости с доисторических времен и до настоящего времени. Даже дал волю фантазии

о преимуществах исключительно мужского мира.

Разумеется, он и сам не верил ни единому слову. Такой уж у него был способ успокаиваться. Поначалу я терпеливо слушал и не вмешивался, однако всему есть предел. К полуночи я твердо решил пойти к себе.

— Пап, у меня тут задачка нерешенная осталась.

Отец поднялся и потянулся.

— Очень хорошо. Думаю, и мне не помешает глотнуть свежего воздуха. Бренди, конечно, первоклассное, но мозги необходимо проветривать.

Он надел пальто и шляпу, зажег сигарету и вышел из комнаты.

Я тут же счел, что домашнее задание может подождать, и налил себе последний бокал. Взяв напиток, прошел к камину и, наслаждаясь мягким потрескиванием дров, стал смотреть, как пляшет огонь.

Кто-то вошел в гостиную.

— Джеймс, — раздался голос матери. — Все никак не образумишься? Где твой собутельник?

— Вышел подышать воздухом. Сказал, здесь слишком душно.

— Подышать воздухом? В такой холод и туман? На дворе почти декабрь, а его свет-

лость решил в полночь развеяться! — Ее голос смягчился. — Джеймс!

— Да?

— Надеюсь, ты вырастешь не таким, как твой отец.

Тут мама уже перегнула. Она вышла замуж за добрейшего из мужчин, хотя постоянно жаловалась на его характер.

— Ну, не преувеличивай, — протянул я.

Мы услышали щелчок открывающейся входной двери.

— А, Элизабет, — не оборачиваясь, сказала мама. — Что-то я не слышала машины Джона.

В комнату ворвался отец. Рукава его пальто были черными от грязи, а лицо побелело, как мел. Он, шатаясь, подошел к нам.

— Эдвард! — воскликнула мама. — У тебя руки в крови! Ты упал? Мой дорогой, что слу..?

Он не дал ей договорить:

— По-моему, Артур мертв, но я не уверен. Срочно вызывай доктора!

Глава 7

В ДВУХ МЕСТАХ ОДНОВРЕМЕННО

Неслыханное, жестокое нападение на Артура совпало с исчезновением его сына. По деревне моментально разнеслись слухи, будто после очередной ссоры Генри, не рас-

считав силы, избил отца и затем, испугавшись, сбежал.

Само Провидение распорядилось так, что мой папа той ночью вышел прогуляться по тропинке, отделявшей особняк Дарнли от дома Уайтов. Настоящей удачей оказалось и падение, когда он споткнулся о лежащего друга, которого никогда не разглядел бы в тусклом свете фонаря.

Нападавший, без сомнений, хотел прикончить Артура. Подтверждением тому служили страшные раны на голове — череп треснул в двух местах. Полагаю, нет смысла лишний раз упоминать об официальном следствии. Обнаружилось орудие покушения — им оказался ржавый железный прут, подтвердилось исчезновение Генри, но и только.

Прошла неделя, и наконец-то появилась надежда, что Артур выживет. Полицейские терпеливо ожидали его показаний, но он пока не был в состоянии говорить. А Генри по-прежнему разгуливал где-то на свободе...

Я принял решение. Пообщаться с полицией было просто необходимо, особенно после увиденного несколько часов назад. Инспектор, ведущий расследование, оставил свой номер на случай, если мы вспомним любую дополнительную информацию.

Я позвонил и дождался ответа.

— Будьте добры инспектора Дрю.

— Кто его спрашивает?

— Джеймс Стивенс. Сосед мистера Уайта.

У меня есть важные сведения.

— Важные сведения? Вы все будто сговорились. Инспектор сейчас у других ваших соседей, Латимеров. Они тоже сообщают ему какие-то новости. Вы, наверное, успеете его там застать.

Через пять минут я уже подбегал к крыльцу дома Дарнли.

— Джеймс, — кивнул мне Джон, — кажется, Генри где-то появился. Инспектор сейчас в гостиной с Латимерами.

Я молча пошел за Джоном наверх. Патрик и Дрю оживленно беседовали и едва заметили, как я вошел. Виктор, устроившийся в кресле, подмигнул мне. Элис поспешила к нам:

— Добрый вечер, Джеймс. Ты уже, наверное, слышал? Полагаю, Джон все тебе рассказал. Проходи, садись.

Думаю, в присутствии этой женщины сердце замирало у каждого. Ее плавные движения, мягкая хрипотца в голосе, взгляд, одновременно пламенный и ледяной... Она легко взяла меня за руку и подвела к креслу, словно не подозревая о своих чарах.

— Инспектор, разрешите представить Джеймса Стивенса, друга Генри.

— Добрый вечер, молодой человек. По-моему, мы уже встречались на дознании, миссис Латимер.

— Да, конечно, я и забыла?

— Не приготовишь нам кофе, Элис? — попросил ее муж.

Хотя статный, светловолосый Патрик вел себя достаточно непринужденно, мне показалось, будто он чем-то обеспокоен. Не бывает людей, у которых все идеально — телосложение, манеры, гладкая, правильная речь... Впрочем, я тут же вспомнил о его работе — профессия страхового агента требует изысканности и лоска. Впрочем, мне не было до этого дела, но, если честно, я немного ревновал, что такая красавица досталась в жены кому-то другому.

— Мистер Латимер, — продолжал инспектор. — Давайте еще раз освежим ваши показания. Сегодня утром вы с супругой поехали в Лондон по магазинам. Ближе к полудню миссис Латимер попросила проводить ее до вокзала Паддингтон. Поскольку у вас планировались встречи еще с несколькими клиентами, она решила не ждать и вернуться раньше. И ровно в двенадцать тридцать вы оба заметили его на платформе.

— Да, — кивнул Патрик. — Он выглядел отчаявшимся и беспокойным, словно загнан-

ный зверь. Все время пытался смешаться с толпой. Но я уверен, что не обознался.

— Прошу прощения, о ком вы говорите? — нерешительно осведомился я.

— О вашем друге, исчезнувшем неделю назад, молодой человек. О Генри Уайте.

— Но это невозможно! — воскликнул я. — В то же самое время я видел его на оксфордском вокзале, о чем как раз и хотел сообщить. Вы уже ушли из участка, инспектор, вот и пришлось бежать сюда!

Пока все сидели с открытыми ртами, я продолжил:

— Была ровно половина первого, могу поклясться. Генри несколько дней не брился, затравленно осматривался по сторонам, чуть не падал от усталости, но, без сомнения, я ни с кем его не перепутал. Увидев меня, он сначала хотел убежать, но передумал, подошел и произнес одну-единственную фразу: «Мне пора. Люди слишком жестоки». А потом сразу уехал.

Инспектор Дрю погасил сигарету, которую только что закурил, оглядел всех по очереди и констатировал:

— Должно быть, кто-то из вас ошибся.

Патрик задумался.

— Я, конечно, могу порой ослышаться, но глаза меня еще ни разу не подводили.

— Джеймс, — вступилась Элис, — видимо, вы обознались. В полпервого Генри находился в Лондоне. Возможно, его лицо исказилось от страха, но это точно был он.

— Извините, Элис, но не соглашусь. Мы знаем друг друга с самого детства. На оксфордском вокзале я видел именно Генри.

Разговор явно застыл на одном месте. Инспектор Дрю отрезал:

— Достаточно. Сначала парень исчезает вообще, а потом появляется сразу в двух обликах. Причем ни одного из них поймать так и не удалось. К счастью для каждого, кстати, ведь любого незамедлительно арестовали бы за покушение на отца. Ну, по крайней мере, на сегодняшний день я вижу все именно так.

Внезапно раздался телефонный звонок. Элис сняла трубку.

— Это вас, инспектор.

— Что там еще? — проворчал Дрю. Через несколько минут он, не произнеся практически ни слова, с тревожным видом положил трубку.

— Мистер Уайт пришел в сознание. Мои люди его опросили.

Инспектор сунул сигарету в рот, но не зажег ее.

— Дело принимает интересный оборот, — сказал он. — Мистер Уайт сообщил нам занятную новость. Примерно за пятнад-

цать минут до полуночи он вышел из дома проветриться. Внезапно в направлении леса мелькнула какая-то тень. Ничего необычного, скажете вы. За исключением того, что она тащила на плече чье-то тело! Мистер Уайт погнался за ними, но потерял в тумане из виду. А дальше — провал в памяти. Он не смог опознать ни саму тень, ни ее жертву, ни нападавшего.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

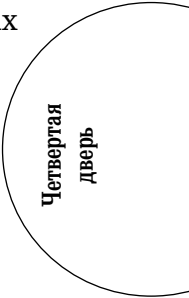

Глава 1

ОПАСНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

С момента исчезновения Генри прошло три года. Может, он начал новую жизнь в Америке — я легко представлял его успешным цирковым акробатом, — а может, уже находился на том свете. После показаний Артура инспектор Дрю не исключал и последний вариант. Тело, которое несла «тень», вполне могло принадлежать моему другу. Полиция прочесала лес, но безрезультатно. Таким образом, логика инспектора представлялась довольно нелепой. Пусть Генри не объявился через неделю с момента покушения на отца, но оказаться в двух местах одновременно? Впрочем, правильного ответа мы не знали. Я уже подумывал, а не начать ли верить в привидения.

Джон за последний год обзавелся собственным делом — открыл в деревне гараж. Риск, конечно, присутствовал, но Дарнли-

Четвертая
дверь

младший доказал, что он не робкого десятка, примерно в то же время женившись на моей сестре.

Латимеры все еще жили у его отца. Они, казалось, нужды не испытывали. Красавица Элис, разумеется, всю пользувалась своей репутацией медиума, и ее популярность распространилась даже за пределы графства.

Артур вроде пришел в себя после смерти жены и исчезновения сына. Дни он посвящал писательским заботам, а по вечерам частенько заходил к Виктору и его постояльцам. В настоящее время под пером знаменитого писателя рождался новый роман, который в художественной форме являл собой полноценное исследование спиритизма. Мы уже даже знали название: «Страна туманов». Не самый изящный вариант, на мой взгляд. Я бы предпочел, например, «Земля во мгле» и даже однажды озвучил это Артуру. Тот заверил, что подумает.

Короче говоря, дела в деревне шли гладко, и необычные события трехлетней давности стали забываться. Впрочем, так ли они на самом деле необъяснимы? По-моему, при должном внимании все худо-бедно поддавалось логике.

Возьмем, к примеру, смерть миссис Дарнли. Бедняжку охватило внезапное безумие. Случай редкий, но достаточно почитать газе-

ты, и сразу видно: такое встречается чаще, чем можно подумать. А топот в их доме? Да просто какой-нибудь бродяга решил обжиться на чердаке. Джон подтверждал, что слышал чьи-то шаги, однако никого не обнаружили. Прикинем объективно. Точное место, откуда исходил звук, определить на слух нереально. Следовательно, бродяга мог обитать в помещениях, приспособленных под жилье, а вовсе не в кладовке. А Генри, замеченный одновременно в Оксфорде и Лондоне? Еще проще: Латимеры ошиблись. Либо со временем, либо с личностью.

Что остается? Миссис Уайт, отвечающая на вопрос мужа из могилы? Ну, допустим, Элис и Артур — сообщники. Зачем им это нужно? Однозначно, ради популярности. Не стоит забывать: он писатель, а она — медиум.

В общем, сносную теорию вполне можно было выдумать. Однако ни одна душа не могла и помыслить о грядущих событиях, совершенно недоступных человеческому пониманию.

— Я хочу попросить тебя, Джеймс, об одной небольшой услуге. Совсем пустяковой — фактически нужно только твое присутствие. Ты человек надежный, покладистый и рациональный, а нам как раз такой и требуется.

За несколько часов до этого Артур загадочным голосом попросил меня зайти к нему.

Причину столь внезапного приглашения называть по телефону он не хотел. Посему в тот ноябрьский полдень 1951 года я стоял в гостиной Уайтов, готовый к любой неожиданности.

Артур ходил по комнате взад и вперед, сжимая зубами трубку.

— Вы меня заинтриговали, — сообщил ему я, откашлявшись. — Но почему, например, не Джон? Он тоже подошел бы.

— Виктор звал и его, — поморщился Артур. — Но Джона сильно загрузили работой. Остаемся мы впятером: ты, Виктор, Латимеры и я.

— Мистер Уайт, если бы вы рассказали мне, что замышляете, я бы, конечно, ответил точнее. А так не знаю даже, к чему готовиться.

Артур остановился перед французским окном и окинул взглядом туманную улицу. Повсюду стояли сбросившие листву деревья.

Он немного помолчал и наконец решился.

— У Элис было видение. Она, так сказать, вошла в транс, но гораздо глубже, чем обычно, почти на всю ночь. К сожалению, Патрик разобрал не все ее слова, но из того, что он смог понять, нас заинтересовала «материализация», которая может произойти в той самой комнате на чердаке Дарнли.

Хозяин дома зажег трубку и несколько раз дунул на горящий табак.

— Подобные феномены довольно редки, да и материализация обычно проводится с повседневными предметами. Обычно это не опасно. Я сказал «обычно», потому что данный случай — совсем другой. Имение Виктора посещает особо мстительный дух. В видениях Элис часто замечает женщину с израненным телом. Из порезов на запястьях льется кровь. Все в точности как у несчастной миссис Дарнли, которую, не нужно лишний раз напоминать, нашли мертвой наверху.

Подожди, дослушай. Та женщина всегда предстает в гневе. Глаза яростно сверкают, она кричит о мщении и указывает пальцем на невидимого врага. В этом здании обитает фантом, не способный обрести покой, пока не свершится правосудие. Другого способа объяснить таинственные шаги я не вижу.

Артур украдкой осмотрелся вокруг, подошел ко мне поближе и еле слышно прошептал:

— Надеюсь, то, что я сейчас скажу, останется между нами, Джеймс?

Я кивнул.

— Патрик думает, миссис Дарнли не покончила с собой.

Я вздрогнул от мысли, насколько далеко могут завести подобные предположения.

— Ее убили.

— Абсурд! — вскричал я.

— Может быть. Но представь человека, достаточно предусмотрительного, чтобы заранее поработать с задвижкой. Смерть миссис Дарнли явно указывает на убийство, и данную гипотезу опровергает лишь запертая изнутри дверь. Изнутри! Но ведь при достаточной ловкости рук...

— Как? Это невероятно!

— Не знаю. Я однажды прочитал книгу, где рассматривалась похожая задача. Там убийца продел через замочную скважину загнутую проволочку таким образом, чтобы она зацепила ручку задвижки. В щель у косяка он вставил тоненький штифт в качестве распорки. Проволочная петля натягивается и запирает дверь. Затем один конец проволоки отпускается и вытаскивается за другой. Штифт, разумеется, привязан к этой петле прочной ниткой. Резкий рывок — и все. Ни единого следа, кроме крохотной отметины у дверного косяка.

— Изобретательно, — заметил я с уважением.

— Очень изобретательно. Но я знаю еще один способ, более трудный, но теоретически возможный. В момент закрывания двери нужно бросить в комнату тяжелый резиновый мячик, который, отскакивая от стен, ударит по задвижке.

Последние слова совершенно ошарашили меня. Артур насмешливо улыбнулся.

— Ты вообразил, будто я имею в виду Генри? Нет, поверь, мой сын и мухи не обидит. Кроме того, ему тогда было всего десять.

Даже через три года после исчезновения Генри его отец твердо верил, что тот еще жив. Он всячески избегал разговоров о нем, но даже в полунамеках всегда употреблял настоящее время, словно Генри по-прежнему оставался под крышей фамильного дома Уайтов.

— Само собой, — продолжил Артур, — я не могу не признать, что моя версия родилась благодаря его жонглерству. Любой мог увидеть трюк с мячиком и натренироваться до нужного уровня.

Наступила тишина.

Если бы я однажды вечером не увидел такой кунштюк собственными глазами, подобный вариант даже не рассматривался бы всерьез.

Артур прервал мои размышления:

— Я всего лишь хотел показать, что гипотеза Патрика имеет право на существование. По-моему, есть в ней что-то правдоподобное. Да, миссис Дарнли прикончили. Зверски прикончили. Но такие вещи не остаются безнаказанными. Час расплаты уже близок. Мечь, словно хищная птица, расправила

свои крылья. Она уже готова спикировать на негодея и вонзить в него когти.

Я зачарованно слушал эту жуткую фантазию. Артур посмотрел мне прямо в глаза и чеканно заговорил:

— Потому-то мы и боимся материализации. Фантом, обуреваемый жадой мщения, вполне способен нанести удар. — Его голос стал еще тверже. — А значит, нам крайне важно его опередить.

— Опередить?

— Да, сегодня мы призовем дух предстать перед нами. Попробуем поговорить с ним, успокоить и в то же время узнать, кто убил миссис Дарнли.

— И где будет проходить ваш опыт?

По лицу писателя скользнула тень страха.

— На месте преступления, в четвертой комнате кладовой.

Я потерял дар речи. Они рехнулись! Сошли с ума! Когда, наконец, язык стал худо-бедно мне повиноваться, я постарался задать вопрос максимально спокойным тоном:

— И в каком виде вы ожидаете этого духа?

— В человеческом облиции. Не исключено, что сегодня ночью мы увидим саму миссис Дарнли. Почему бы и нет?

— Если только она сразу не станет

мстить, — усмехнулся я. — И не принесет вам на блюдечке труп убийцы.

Артур сердито посмотрел на меня.

— Мы прекрасно осознаем опасность эксперимента.

— И что же точно вы собираетесь предпринять?

— Один из нас останется в той самой комнате. Естественно, дверь мы запрем и запечатаем. Каждые полчаса я буду подниматься и стучать, чтобы проверить, все ли нормально. Поэтому нам и нужен надежный свидетель. Я не хочу допустить хоть малейшую возможность мухлеза, когда печати будут сорваны.

— Кто? — буркнул я.

— В смысле «кто»?

— Кто останется в запертой комнате?

— Мы хотели выбрать Виктора, но у него, к сожалению, слабое сердце. Элис вызвалась сама, несмотря на риск, но Патрик ее не отпустил. В общем, останется он.

— Если честно, даже не знаю, что и сказать, — покачал головой я.

Артур посмотрел мне в глаза и спросил:

— Так мы можем сегодня на тебя рассчитывать?

В воздухе повисло напряжение. Я почувствовал, что эта затея ничем хорошим не кончится, но все же неохотно кивнул.

Глава 2

КОМНАТА С ПРИЗРАКАМИ

Я долго ходил взад-вперед по комнате. Нервы были натянуты, словно струны, из-за напряжения все в животе переворчивалось, по телу струился пот. Дрожащими руками я вытащил из пачки уже, наверное, двадцатую сигарету, достал носовой платок и вытер мокрый лоб.

Джеймс, мальчик мой, скажи прямо: тебе страшно. Вглядишься в свое мертвенно-бледное лицо, вон оно, в зеркале. Я отвернулся и посмотрел на часы. Уже девять. Пора!

Я вышел на улицу и твердой походкой направился к владениям Дарнли. Над деревней висела густая пелена желтоватого тумана. Остроконечные фронтоны особняка расплывчато, но грозно выступали из темноты, придавая картине совсем зловещий вид. Чтобы не поддаваться страху, я насвистывал под нос веселый мотивчик, впрочем, без особой убедительности.

Ну вот. Я толкнул калитку, и та протестующе скрипнула. По коже пробежали мурашки. Давай, Джеймс, соберись, парень. Не падай духом. Еще несколько ярдов до крыльца. Жребий брошен.

Я нажал кнопку звонка и стал ждать.
Дверь открыл Виктор.

— Наконец-то. Ты последний, — сказал он, возбужденно протягивая руку.

— Джон здесь?

— Нет, у него слишком много работы.

Я с сочувствием посмотрел на старшего Дарнли и не поверил глазам. Он как будто помолодел. Плечи его расправились, спина горделиво выпрямилась, рубашка и галстук хорошо подходили к скромному, но элегантному костюму, который он носил в прошлом, когда в этих стенах царили согласие и безмятежность. Выражение лица у Виктора вновь стало уверенным, а кожа теперь имела здоровый цвет. С седоватыми висками и серьезной манерой держаться, хозяин дома выглядел импозантно. Его взгляд лучился надеждой. Передо мной стоял влюбленный мужчина, мечтающий встретить свою драгоценную избранницу после слишком долгой разлуки.

Чувствуя себя неловко, я нерешительно осведомился:

— Он подойдет попозже?

— Нет, — ответил Виктор. — Джон выполняет срочный заказ для важного клиента и до полуночи не закончит.

Я промолчал. У Джона постоянно накапливалась масса дел, но в субботние вечера он всегда их откладывал. Здесь явно чувствовалась рука Элизабет, запретившей мужу

ввязываться в эту авантюру. Девочка определенно пошла в мать. Как мы все же друг от друга отличались! Если подумать, за всю жизнь я, наверное, лишь один раз согласился с ней, аккуратно перед ее свадьбой. Она тогда сказала: «Представь только, Джеймс, Джон хочет перевезти меня в жуткий дом своего отца! Я ответила, что если он будет настаивать, нам лучше расстаться сразу».

Впрочем, нет. Я поддержал еще одно решение сестры — выбор мужа. Ей повезло выйти за такого, как Джон.

Их гараж находился на главной дороге, возле паба, и Фред по доброте душевной сдал молодоженам для жилья один этаж. В этом кукольном домике помещались только две крохотные комнатки с ванной и кухней, но зато там не водились призраки и по ночам не раздавались шаги.

— Заходи, Джеймс, присоединяйся.

Я последовал за Виктором, сдержав печальный вздох. С момента отъезда Джона здание стало казаться еще более мрачным. Полутьма в холле и тусклый свет на лестнице только усиливали общее уныние. Виктор начал подниматься вверх. Я направился за ним, подавив дикое желание развернуться и уйти.

Патрик, положив руку на каминную доску, легонько подтолкнул жену.

— У нас нет пути назад.

— Мы, видимо, все сошли с ума, дорогой, раз хотим это попробовать. — Элис вцепилась в руку мужа. — С такими вещами не шутят.

— Не волнуйтесь, — вмешался Виктор. — Элеанор всегда была сама доброта, и, откровенно говоря, я не вижу повода для беспокойства.

Элис посмотрела на мерцающий огонь и медленно протянула, будто ни к кому не обращаясь:

— Я часто «видела» вашу супругу, Виктор, и уверяю, что ни разу не заметила и следа доброты в ее взгляде. Ее черные глаза пылают яростью. Она намерена вершить суд и вынести смертный приговор. Эта женщина жаждет крови того, кто так зверски убил ее. Там, наверху! — Элис показала на потолок и вдруг осеклась. — Патрик, дорогой, а ведь она могла ошибиться, принять за убийцу тебя...

Ее голос стих.

Патрик посмотрел на жену, затем шагнул в центр комнаты и сложил руки за спиной.

— Мистер Уайт, — обратился он к писателю, — вы принесли?..

— Конечно, — спохватился Артур, доставая из внутреннего кармана небольшой бархатный мешочек. Затем извлек оттуда монетку и показал собравшимся.

— Эта монета уникальная, — сообщил он с гордостью коллекционера, демонстрирующего лучший экспонат. — Как вы и просили, я выбрал ее в последний момент перед приходом сюда. Гарантирую, что другой такой не найдется во всем графстве.

— Вы хотите опечатать комнату? — спросил я.

— Именно, — улыбнулся в ответ Патрик. Он посмотрел на часы. — Девять двадцать пять, можно начинать готовиться. Дорогая, отнесешь вещи наверх?

Элис окинула мужа долгим взглядом, словно пытаясь в последний раз запечатлеть его в памяти, затем медленно взяла со стола канделябр. Артур передал ей монету, и она вышла.

Патрик засуетился.

— Когда меня закроют, вы должны приходить на чердак каждые полчаса и легонько стучать в дверь. Я сообщу, появлялся дух или нет. Правда, наверху нет отопления, — хмыкнув, добавил он. — Если через три-четыре часа ничего не произойдет, думаю, можно будет закругляться.

— А если вы не ответите на наш стук? — осведомился я, взволнованный такой перспективой.

— Значит, — зловещим тоном ответил Патрик, — Элис права. Призрак забрал мою душу.

— Это невозможно, — нетерпеливо хныкнул Виктор. — Элеанор никому не могла причинить вреда.

В комнате воцарилась тишина. Патрик стал беспокоиться. Он начал ходить взад-вперед, бормоча себе под нос:

— Да куда же она запропастилась? Ведь уже больше пяти минут назад пошла наверх! Господи!

Дверь открылась, и на пороге показалась бледная Элис.

— Ну ладно. Идемте, — велел Патрик, проводя рукой по белокурым волосам. — То есть вы поднимайтесь, а я скоро подойду. Хочу взять пальто — там, на чердаке, наверное, жутко холодно. Элис, где оно?

— Дорогой, ты что, забыл? Ты сам повесил его в гардеробной.

Она стояла неподвижно, словно статуя. Кажалось, ее охватил неопиcуемый страх, передавшийся всем, кроме Виктора.

Мы молча вышли из гостиной. Патрик рассеянно начал спускаться. Элис поманила всех наверх.

Люстры предпоследнего этажа освещали лишь крохотную площадку на чердаке. Мы уперлись в стену. Справа от нас находилась дверь в жилые, но необитаемые покои, слева — в искомую кладовку.

Четвертая
дверь

— Пошли, — пробормотал Виктор. Его голос дрожал.

Элис резко распахнула левую дверь, и нашему взору предстал коридор, в конце которого тускло горели свечи. Гробовая тишина нарушалась лишь нашим дыханием. Каждый с трудом пытался сдержать волнение. В конце обитого панелями коридора стояла огромная ширма. Слева простиралась глухая стена, справа располагались четыре двери. Последняя была приоткрыта, из глубин комнаты исходило мерцание. Чарующий, гипнотизирующий свет, он мог выхватить из темноты только фарфоровые ручки на трех остальных дверях.

Мы не моргая следили за пляшущей тенью огня на стенах, которые однажды уже стали свидетелями ужасной трагедии.

Элис вошла в коридор и посторонилась, чтобы не заслонять свет. Мы друг за другом добрались до последней двери. На полу злощастной комнаты лежал подсвечник, а рядом с ним — небольшая картонная коробка. И больше ничего. Маленькое оконце, голый потолок без единой лампочки да беленые стены — вот и все убранство.

Виктор двинулся к окну, но на полпути остановился и склонил голову. В тусклом сиянии свечей едва было различимо его печальное лицо. Артур подошел к другу, положил

руку ему на плечо и прошептал что-то ободряющее. Я с тяжелым сердцем смотрел на двух мужчин, объединенных одним страшным горем.

— Это здесь нашли миссис Дарнли, — шепнула Элис мне на ухо.

Я гневно шикнул на нее. Тоже мне новость! Но мои мысли переключились на дверь. Я повернулся и стал ее рассматривать. Элис взяла меня за руку и посмотрела прямо в глаза, а затем тихо сказала, повернув задвижку:

— Мы тщательно обследовали замки. Не знаю, как можно ухитриться запереть дверь изнутри.

Послышался скрип лестницы и звук шагов в коридоре.

— Наконец-то, Патрик, — выдохнула Элис, отпирая задвижку.

Облаченный в длинное черное пальто с поднятым воротником, Патрик молча вошел в комнату. Фетровая шляпа, надвинутая до самой переносицы, позволяла видеть только его подбородок. Вообще я бы сказал, что этот человек вел себя странно. Он зачем-то сутулился и вжимал голову в грудь, словно хотел уменьшиться в размерах.

— Ты готов, дорогой? — ласково спросила Элис.

Тот что-то буркнул себе под нос и подошел к окну. Элис приоткрыла рот, но не смо-

гла произнести ни звука. Положив локти на подоконник, Патрик угрюмо попросил нас выйти. Виктор схватил подсвечник, подобрал коробочку и дал знак остальным следовать за ним. Нас с Артуром не надо было упрашивать дважды, но Элис покинула комнату не сразу.

Я представил себя на ее месте: оставляющим любимого человека в ледяной темноте проклятой комнаты. Нет, мне ни при каких обстоятельствах не захотелось бы поменяться местами с Патриком Латимером.

Дверь закрылась, и вопрос Элис прозвучал совсем бессмысленно:

— Все нормально, милый?

Ответом вновь послужило сдавленное ворчание.

— Не волнуйтесь, — успокаивающе произнес Артур. — Давайте опечатаем дверь. Все, что нам осталось, — только ждать.

Элис покачала головой. За темными панелями, сливавшимися со стенами, находился тот, кого она любила. Тот, кто осмелился бросить вызов мстительному, злобному призраку.

Она глубоко вздохнула, затем открыла коробочку и вытащила оттуда ленту около восьми дюймов длиной. Приложив ее к косяку и к самой двери, Элис попросила Артура подержать концы в таком положении. Затем она вытащила из канделябра свечу

и, подогрев взятые из той же коробочки восковые комочки, прикрепила по одному к каждому краю ленты и припечатала «единственной в графстве» монетой.

Теперь никто не мог переступить порог комнаты, не разорвав ленту либо не сломав восковой слепок.

Держащий подсвечник Виктор закрыл глаза, его губы незаметно двигались. Бедняга молился, молился о чуде. Я же не знал, во что верить. Возможно, сегодня мы столкнемся со сверхъестественным, но не с «воскрешением» же миссис Дарнли! Нет, немислимо. Это против всякой логики. Абсурдная, нелепая история, но почему-то она берет за душу. Есть в ней какие-то нотки надежды, которые пытается уловить бедный Виктор, так отчаянно ищущий свое потерянное счастье. Мы спустились на этаж ниже, обессиленные, словно после похорон.

Время будто остановилось. Взволнованная Элис теребила подлокотник дивана. В тот вечер на ней была черная блуза с высоким воротом и брюки того же цвета. Волосы она подвязала темной лентой, с хрупкой шейки свисал серебряный медальон на массивной цепочке. Обычно Элис одевалась почти кричаще, но сегодня я нашел ее наряд очень уместным.

Четвертая
дверь

Вскоре с лестницы донесся легкий скрип. Мы едва расслышали его, но все вместе, как по команде, затаили дыхание. Затем раздался еще один похожий звук, и наступила тишина.

— Мистер Уайт, — пролепетала Элис, — может, вы сходите...

— Давайте посидим еще чуть-чуть, — ответил тот, взглянув на часы. — Мы ушли оттуда меньше пятнадцати минут назад.

— Кстати, — спросила Элис немного погодя, — вы забрали монету?

— Да, — кивнул Артур, ощупывая пиджак. — Сразу после того, как вы сделали оттиск. — Он вытащил ее из кармана и осмотрел. — Красивая. Кстати, их выпускали, когда...

— Элеанор вернулась! — неожиданно вскрикнул на ноги Виктор. — Она уже там, наверху!

— Десять минут одиннадцатого, — объявил Артур, прочистив горло. — Пожалуй, и вправду пора.

Он вытащил свечу, озарив благодарное лицо Элис, и вышел из комнаты.

Мы терпеливо ждали. Когда писатель вернулся, его лицо выражало тревогу.

— Все в порядке? — осведомилась Элис.

Артур ответил вопросом на вопрос:

— У вас есть ножницы, миссис Латимер?

Элис подбежала к серванту, открыла ящик и вытащила их.

— Вот, но...

Ее глаза широко распахнулись, а руки взметнулись к горлу.

— Элеанор вернулась. Элеанор вернулась, — повторял, словно загипнотизированный, Виктор. Его щеки пылали.

— Пойдемте со мной, — приказал Артур.

Мы поспешно поднялись на чердак во второй раз.

— Патрик! Патрик! Дорогой! — застонала Элис, очутившись перед запечатанной комнатой. Не дождавшись ответа, она неистово заколотила в дверь. — Скажи что-нибудь, умоляю!

— Давайте не думать сразу о худшем, — рассудительно произнес Артур. — Ваш муж мог просто упасть в обморок. Но даже в этом случае лучше перестраховаться.

Писатель забрал подсвечник из рук Виктора, поднес его к двери и осмотрел ленту с печатями.

— Нетронуты, — вздохнул он с облегчением. — Порог никто не переступал.

Он перерезал ленту, крепко сжал дверную ручку, закрыл глаза и, глубоко выдохнув, провозгласил:

— Пошли!

Дверь распахнулась настежь, и свечи озарили комнату. На полу лежал человек. Элис испустила дикий крик и обмякла, слов-

Четвертая
дверь

но тряпичная кукла. Виктор едва успел подхватить ее.

Наступила гробовая тишина. Оцепеневшие от ужаса, мы молча рассматривали Патрика, лежащего на животе в том самом месте, где несколькими годами ранее встретила свою смерть Элеанор.

В мерцании свечей блеснула рукоятка ножа, торчащего из его спины.

Писатель подошел к телу и опустился возле него на колени. Руки Патрика лежали под туловищем, лишь одна кисть виднелась из-за левого плеча. Артур пощупал пульс и покачал головой.

— Мертв.

Он поднялся и подошел к окну, но оно явно было закрыто.

— Никто не мог пройти в комнату, — хрипло сказал Артур. — Но мы не можем игнорировать факты. Такое преступление под силу только духу.

— Но Элеанор, — всхлипнул Виктор, все еще державший Элис, — она не способна на подобное.

Только увидев женщину в глубоком обмороке, Артур стал осознавать подлинный смысл происходящего.

— Зачем мы затеяли эту игру? — пробормотал он, прикрыв лицо руками. — Надо сейчас же вызвать полицию, но я сомневаюсь,

что они станут разыскивать привидение. Только как объяснить по-другому?..

Писатель осекся. Он резко наклонился к покойному, на голове которого все еще находилась шляпа. И тут глаза у Артура округлились. Он медленно выпрямился, неверной походкой дошел до стены и оперся на нее, словно боясь упасть.

Озадаченный, я приблизился к труп и похолодел от ужаса, увидев лицо Генри.

Глава 3

ЗЕМЛЯ ИЗ-ПОД НОГ

Мы вновь спустились в гостиную, будто громом пораженные. У каждого в голове крутилась одна и та же жуткая мысль. Миссис Дарнли вернулась, чтобы свершить возмездие. Она забрала жизнь своего убийцы, которым оказался... Генри? Немыслимо. С другой стороны, ни одна живая душа, кроме него, не могла войти в опечатанную комнату. И опять же, что случилось с Патриком? Куда он подевался? Я тщетно пытался сосредоточиться, однако все происходящее казалось безумием, совершеннейшим бредом.

Внезапно перед моими глазами появилась чья-то рука со стаканом бренди. Я жадно схватил напиток, одним махом влил

Четвертая
дверь

его в себя и стал озираться по сторонам. Сначала выхватил взглядом небольшую кушетку, где по-прежнему без сознания лежала Элис, затем смог различить Артура. Виктор протянул бренди и ему, но тот лишь обессилено качал головой, смотря куда-то сквозь нас пустыми глазами.

— Полиция скоро будет, — пробормотал Виктор, садясь возле меня. — Ужасные вещи... ну, там, наверху. Сначала жена, а теперь — единственный сын...

— А где Патрик?

— Не знаю. Не было времени искать. Будем надеяться на лучшее. Я не понимаю, что с нами происходит, Джеймс, но это страшно. К счастью, миссис Латимер еще не пришла в себя... Даже не знаю, как ей сообщить.

Неожиданно дверь открылась, и в комнату вошел Патрик, потирая шею.

— Вы здесь? — пробормотал он. — Элис! Господи! Тебе...

Он рванулся к жене. Та приоткрыла глаза и крепко стиснула мужа в объятиях. Слезы текли по ее лицу.

Пришло время уладить все недоразумения. Я кратко поведал о трагических событиях за последний час. Элис с трудом держалась, чтобы не лишиться сознания во второй раз.

— Генри убит? На чердаке? — ахнул Патрик. — Но...

Он резко замолчал, подошел к столу и выпил сразу две порции бренди.

— Мне кажется, я начинаю понимать...

Мы затаили дыхание.

— Когда я спустился за пальто, — тихо протянул Патрик, склонив голову, — кто-то хорошенько вдарил мне по голове. Последнее, что помню, — уже протягиваю руку к вешалке, а дальше — абсолютная темнота. Нападавшего, естественно, разглядеть не удалось. Но могу побиться об заклад: он, скорее всего, надел мои пальто и шляпу, а затем присоединился к вам, имитируя мою походку.

— А ведь точно! — воскликнул я. — Мы не видели лица того типа, не слышали его голоса, за исключением невнятного бурчания. Мне это сразу показалось странным. Более того, он казался ниже вас, Патрик. Его рост больше подходил...

— Генри, — прошептала Элис. — Но что произошло потом?

— Вы осмотрели печати? — спросил Патрик.

Наконец нарушил молчание и Артур:

— Туда не мог пройти ни один человек. Печати остались совершенно нетронутыми. Собственно, можете проверить сами — я только перерезал ленту.

Поскольку никто не ответил, он продолжил:
— Убийца — если это и в самом деле был убийца — не мог получить или скопировать ту монету. Причина очень проста: никто, включая меня самого, до последнего не знал, какую выбрать для оттиска. Повторяю, я принял решение ровно в восемь тридцать, перед самым началом эксперимента. А в моей коллекции больше шестисот монет.

Все-таки Артур — необыкновенный человек. Даже в горе и отчаянии он сохранял ясную голову и способность мыслить логически.

— Итак, Генри вошел в комнату и дал себя запереть, — подытожил Патрик. — И...

— Это убийство сверхъестественно по своей природе, — резко перебил его Артур. — Других объяснений нет. Но единственное, что я хочу знать — зачем мой сын вернулся сюда. И почему он... отправился на смерть?

Никто не ответил.

— А там точно Генри? — спросил Патрик. — Может, есть смысл еще раз сходить наверх...

— Давайте подождем полицию, — вмешался Виктор. — Они должны приехать с минуты на минуту.

Сразу же после его слов раздался звонок в дверь.

— Ну вот, пожалуйста.

Местные полицейские и сами не находили себе места: раньше ничего подобного в наших краях не случалось. Поэтому, получив соответствующий запрос, Скотленд-Ярд поставил во главу расследования старшего инспектора Дрю, который за последние три года резко взлетел по карьерной лестнице. Именно этот человек раскрыл несколько особенно запутанных дел, и решение вновь прибегнуть к его услугам не нуждалось в лишних объяснениях. Недавно в одной из газет опубликовали статью, где расхваливались крайне нестандартные методы Дрю находить виновных. Инспектор начинал с того, что ставил себя на место преступника. Подозреваемых детально расспрашивали, часто даже не по делу. Их привычки, характер и личная жизнь вплоть до самого детства изучались с невероятной скрупулезностью. Из-за такой необычной техники следствия коллеги уважительно прозвали Дрю Психологом.

Прежде чем тело, наконец, унесли, свидетели опознали в нем Генри. Артур, однако, упорно ни с кем не соглашался.

— Этот человек похож на Генри, но он не мой сын.

Через день после трагедии Дрю уже трудился не покладая рук. К тому времени полиция обследовала место преступления и злополучные печати. Никаких потайных

ходов, трюков с воском, попыток запереть окно снаружи найти не смогли. Артура подробно допросили насчет монеты, но тот категорически отрицал, что кто-либо заранее мог знать о его выборе и, следовательно, изготовить дубликат.

Следующую гипотезу, согласно которой оттиск сделали по лекалу, быстро опровергла экспертиза. Дверь опечатали настоящей монетой, а не копией. Осталась возможность подмены коллекционного экземпляра после того, как жертву заперли. Артур был непреклонен и упорствовал, что со времени, когда мы придавили воск, монета ни на миг не вынималась из его внутреннего кармана, который он то и дело ощупывал.

К счастью, у самого Артура оказалось железное алиби. Между девятью и десятью вечера — приблизительное время преступления, как утверждал полицейский врач, — он ни разу не оставался один. Разумеется, это не исключало наличия сообщника. Из многочисленных хроник тут же выудили забытые дела, в которых отец убивает сына. Однако в нынешнем происшествии не нашлось ни единого намека на какой-нибудь мотив. Теория о безумии тоже ничем не подкреплялась. Артур явно был личностью уравновешенной.

В общем, к моменту прибытия старшего инспектора полиция совершенно растерялась. Успех Дрю последних трех лет выражался в его спокойной уверенности в каждом жесте. Тех, кто считал себя единственными людьми, способными найти правду, он лишь одаривал снисходительной улыбкой. Сам же инспектор, бегло обследовав чердак, самодовольно резюмировал:

— Если свидетели не врут, имеются только две возможности. Первая: мистер Уайт убил сына руками сообщника. Однако вряд ли это стоит рассматривать всерьез, слишком уж просто. А вот вторая гипотеза, наверное, покажется вам необычной.

После трех лет отсутствия Генри возвращается в родную деревню и проникает в дом Латимеров или — как вы там его называете? — дом Дарнли? Так вот, Уайт-младший прячется в холле и нападает на мистера Латимера, когда тот спускается. Затем надевает его пальто и шляпу, после чего поднимается на чердак, изменив походку. Давайте пока не будем задаваться вопросом, зачем ему это понадобилось. Он открывает окно и впускает убийцу. Понимаю, на первый взгляд наружу таким образом не выбраться, но можно вылезти на крышу, а там влезть в другое окно. Преступник закалывает Генри и уходит. А жертва перед смертью закрывает створку, и то,

что казалось непонятным, приобретает сверхъестественную окраску.

Невозможные преступления всегда имеют простую основу.

— Спасибо, все безумно вкусно! Я никогда в жизни...

— Джеймс, не переигрывай. Когда ты так рассыпаешься в комплиментах, я чую подвох, — запротестовала Элизабет.

— Но Джеймс не преувеличивает, дорогая, — вмешался Джон. — Он просто адекватно оценивает твои кулинарные таланты. Многие владельцы престижных ресторанов Франции упали бы на колени, чтобы заполнить тебя к себе на кухню.

Элизабет недоверчиво посмотрела на него, не зная, как реагировать.

Сестра пригласила меня на обед через два дня после развернувшейся драмы. Такая благосклонность по отношению ко мне была крайне редким событием, поэтому догадаться, что Элизабет хочет разузнать подробности той жуткой ночи, не составило труда. Правда, даже повесть о них оказалось нелегкой задачей. Сначала сестра постоянно меня перебивала: «Джеймс! Прекрати! Ужасно! Ничего не хочу слышать! — А потом сразу же вскидывала брови: — Ну и что дальше?»

— Как считаешь, Джон? — спросила наконец успокоившаяся Элизабет.

— Я уже говорил. Исключительно вкусно.

— Я про смерть Генри!

— Не знаю, — отрешенно пробормотал Джон. — По деревне уже ходят слухи не о комнате с призраками, а о «комнате-которая-убивает». Кто-то из моих клиентов даже высказал предположение: мол, Генри прикончил мою мать, и ее дух отомстил ему. Но я не верю в привидения. Мне начинает казаться, что у нас объявился маньяк. И может быть, маму и вправду убили!

— Хватит, Джон, — простила моя сестра. — Кончай ворошить прошлое. Подумать только, ты хотел заставить меня жить в этом доме! Кстати, — на удивление рационально продолжила она, — зачем вообще кому-то убивать твою мать? И тем более Генри?

— Может, он знал, кто в ответе за смерть миссис Дарнли, — предположил я.

— Если так, — сказал Джон, искоса глядя на меня, — то жаль, что его еще давно не решили.

— Да.

Возникла пауза.

— Газеты писали об убийстве, но о необычных обстоятельствах умолчали, — заметила хорошо информированная Элизабет.

— Естественно, — вздохнул я. — Полиции не нужна публичность в нераскрытых делах. В последнее время их способности слишком часто критиковали.

Джон кивнул.

— А что ты думаешь о теории инспектора Дрю? — неожиданно спросил он.

— Будто Генри перед смертью закрыл окно? Нелепость какая-то. Бесмыслица.

— А я в это верю, — авторитетно вставила моя сестра. Раздраженная нашим молчанием, она повысила голос: — Зная глупое тщеславие Генри, я легко могу представить, как он разыгрывает последний трюк. Его главная цель — эффектность, такие люди даже смерть пытаются выставить в выгодном свете. Так что инспектор Дрю прав. Он действительно уловил самую суть Генри. Не зря все-таки его прозвали Психологом.

Я открыл рот, но, увидев, как Джон приложил палец к губам, промолчал.

— А алиби подозреваемых уже проверили? — спросил он. — В смысле, людей, которые...

Элизабет тут же встряла вновь.

— Есть только один человек, у кого не было алиби!

Две пары глаз внимательно уставились на нее.

— А! — воскликнул Джон. — Ты думаешь, что Патрик...

— Нет, — парировала Элизабет. — Не Патрик. Ты, Джон! — она ткнула в сторону мужа указательным пальцем. — Ты один до полуночи находился в гараже.

Джон улыбнулся.

— Правильно говоришь, любимая. Но тогда не забывай: у тебя точно так же нет алиби.

Элизабет опешила.

— Ты смеешь обвинять меня? Собственную жену, которая... которая...

Она задыхалась от ярости. Я поднял руки в знак примирения.

— Ну, хватит! У вас будет куча времени власть пособачиться после того, как я уйду. Кстати, и впрямь пора собираться. Уже почти половина девятого. Мистер Уайт попросил меня зайти.

— Это так срочно? — полюбопытствовал Джон. — Вы наверняка можете повидаться и позже или даже завтра. Позвони да предупреди.

— Нет, на самом деле мне нужно не к нему самому, а к инспектору Дрю. Он хотел нас допросить.

— Бедный мистер Уайт, — вставила Элизабет. — Полиции следовало бы тактичнее с ним обходиться.

— О нем не беспокойся, — ответил я. — Мистер Уайт вовсе не подавлен. Он свято верит, что парень, которого убили, — не его сын. В любом случае, мне действительно пора.

На этой ноте я поблагодарил семейство Дарнли за превосходную еду и откланялся.

Снаружи меня встретили пронизывающий холод и бледная луна. Звук моих быстрых шагов эхом отдавался на пустой улице. В голову настойчиво лезли воспоминания о произошедшей трагедии. Я чувствовал, что была тут какая-то странность, но распознать ее не мог. Один отрезок времени явно выбивался из привычного хода вещей. Так, подумаем... Поднявшись на чердак во второй раз, наша группа стояла в коридоре и дружно колотила в дверь. Ответа не последовало. Мы перерезали ленточку, вошли и увидели труп. Нет, пожалуй, это случилось раньше, я слишком глубоко копнул. Необычное ощущение пришло ко мне, когда... Черт! Если бы я только мог вспомнить! Да и в чем оно заключалось? Нестественный жест? Слово? Картинка в памяти? Шум?

Бесполезно ломать голову. Озарение придет само, когда я не буду пытаться вспомнить.

У меня не получалось найти ответ, но, полагаю, имей я четкое представление, что

и когда меня смутило, дьявольский план убийцы неминуемо раскрылся бы. И тогда не произошло бы еще одно гнусное преступление, мотивы которого навсегда останутся — и с полным на то правом — в анналах Скотленд-Ярда. Правда, истинность последнего высказывания подтвердится позднее.

Часы показывали около четверти десятого, когда Артур закончил свой отчет о ночи убийства. Он настолько точно разложил все по полочкам, что я ни разу не почувствовал необходимости его поправлять.

Удобно устроившийся в кресле Дрю сложил руки и покачал головой с намеком на улыбку.

— Ваш рассказ, хотя и замечательный сам по себе, ничего нового не дает. — Он повернулся в мою сторону. — А вы, мистер Стивенс, добавите что-нибудь? Может, мистер Уайт о чем-то не упомянул?

— Нет, — ответил я и зажег сигарету, пытаясь отделаться от пронизательного взгляда старшего инспектора. — Ничего нового. Мистер Уайт превосходно описал все факты той ночи. После убийства мы с ним постоянно находились вместе, поэтому мне больше нечего сказать.

Артур нахмурился и медленно подул на трубку.

— Я уже третий раз за сорок восемь часов повторяю вам все факты, — раздраженно произнес он. — Полагаю, вы уже должны запомнить их наизусть.

— Полиция в привидения не верит, — резко прервал его Дрю.

Артур вздрогнул.

— У разных людей разные точки зрения, — парировал он тем же тоном. — Кстати, какживает ваша теория, что якобы покойный закрыл окно за убийцей?

Во взгляде Дрю промелькнула растерянность, но старший инспектор сдержался и с невозмутимым видом ответил:

— Господи, да это же была всего лишь рабочая версия. Своего рода импровизация. Я просто озвучил первое попавшееся объяснение, демонстрирующее, что преступление не обязательно совершил призрак. Естественно, оно неправдоподобно. Во-первых, на оконной ручке вообще не нашлось отпечатков пальцев. Во-вторых, согласно показаниям полицейского врача, ваш сын не смог бы подняться после того, как его закололи.

Лицо Артура перекосило.

— Я еще раз повторяю: тот человек — не мой сын!

Дрю со снисходительной улыбкой посмотрел на свои туфли.

— Будьте разумны, мистер Уайт, — примиряюще сказал он. — Те, кто видел тело, опознали вашего сына. Я понимаю ваши чувства, но против фактов не пойдешь.

— Да, мистер Уайт, — вмешался я, стараясь говорить максимально тактично. — Это действительно Генри. Поверьте, если бы у меня возникло хоть малейшее сомнение, я бы первым его высказал.

Артур сидел, словно окаменевший. В комнате повисла гнетущая тишина. Дрю сжал сигарету губами, зажег ее и долго откашливался.

— Очень странное дельце, если не сказать больше.

— Действительно, — саркастически отозвался я. — Когда человека находят мертвым в наглухо запертой и опечатанной комнате, самое меньшее, что тут можно сказать, — дельце очень странное.

— Да я не об этом, — отмахнулся Дрю. — Помните, мистер Уайт, почти три года назад на вас напали возле дома?

— Было дело, — с досадой произнес Артур. — Я даже припоминаю, ссылаясь на вас, что перед тем, как отключиться, заметил кого-то, несущего тело в направлении леса. Хотя, кажется, вы не придали моим словам большого значения.

Дрю гневно всплеснул руками.

— Как это «не придал большого значения»? — прогремел он. — Мы прочесали весь лес, но не обнаружили никакого тела, и ни об одном пропавшем без вести в том районе не сообщалось. Что еще можно было сделать?

— А исчезновение моего сына? — повысил голос и Артур. — Как вы его трактуете?

Дрю, не забывший о том, что хозяин дома — известный писатель, стал отвечать с большей осмотрительностью.

— Я и это в расчет принимал, — сказал он миролюбиво. — Только картина вырисовывается неоднозначная. Сразу после нападения на вас Генри исчезает. Через несколько дней он появляется на сцене вновь — одновременно в двух местах! Факт сам по себе достаточно необычный, но дальше еще интереснее. Ваш сын каким-то образом проникает в опечатанную комнату и вдобавок ко всему находит способ, чтобы его убили!

Старший инспектор с трудом справился с приближающейся вспышкой ярости. Его голос задрожал.

— Хочу предупредить вас заранее, мистер Уайт. Полиция распутает это дело, кто бы ни оказался преступником. У меня никогда не было промахов в расследовании, не будет и сейчас.

Раздался звонок во входную дверь.

— Наверное, Виктор, — сказал Артур, вставая. — Нет, подождите, я, кажется, слышал машину. Может, кто-нибудь из приятелей? Прошу прощения, я на минуту.

Писатель вышел из гостиной. Мы с Дрю сидели молча, внимательно прислушиваясь. Вскоре раздался удивленный вскрик, затем шорох колес — и наступила тишина. Но уже через пару мгновений мы услышали дрожащий голос хозяина дома.

Дверь в комнату открылась, и перед нами предстал Артур, чуть не плачущий от радости. Человек, переминающийся позади него, вышел на свет. Мое сердце замерло. Все закружилось перед глазами, словно земля ушла из-под ног.

Перед нами стоял Генри, из плоти и крови.

Глава 4

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕСТ

— Привет, старина, — сказал мой друг, улыбаясь во весь рот.

Я крепко стиснул его в объятиях и долго хлопал по плечам. Затем отошел на расстояние вытянутой руки, дабы убедиться, что он мне не померещился.

— Генри! Но как?

По его щеке медленно скатилась слеза.

Четвертая
дверь

— Ты не представляешь, до чего я рад тебя видеть, Джеймс, — пробормотал он, приближаясь.

Да, передо мной, несомненно, стоял Генри. Настоящий, живой Генри. Только он мог говорить с такой добротой и мягкостью.

— Инспектор Дрю, — выдавил из себя Артур, поднося к лицу платок, — я хотел бы представить вам моего сына.

Полицейский с трудом заставил себя улыбнуться. Он вкрадчиво произнес, не сумев скрыть язвительных ноток:

— Приятно познакомиться, молодой человек, очень приятно.

На мгновение мне показалось, что он задумал недоброе. Зеленоватые глаза старшего инспектора подозрительно заблестели. Кожа лица приобрела нездоровый оттенок, свойственный больше старым индейцам.

Я вскрикнул, до конца не смея поверить увиденному:

— Генри вернулся!

Дрю оскалился. Я подумал, что еще вот-вот — и он выпустит когти и бросится на моего друга.

Однако старший инспектор удовлетворился обычной ухмылкой.

— Генри! — я не узнавал собственный голос. — Как? Почему?

Голова у меня кружилась, колени подгибались. К счастью, сзади находилось кресло, куда можно было с удовольствием рухнуть.

Мое удивление побудило Артура к действию. Дрожа от возбуждения, хозяин дома шагнул к бару.

— Мы должны выпить по рюмочке за возвращение Генри! — переходя на крик, выпалил он.

— Тост!

Мне хотелось говорить без умолку, задавать тысячи вопросов, но ничего произнести не получалось. Я сидел в кресле и беспорядочно крутил головой, ощущая, что из всего многообразия чувств мозг сохранил только зрение. Вот Дрю хищно разглядывает Генри. А вон рядом Артур, румяный от радости, наполняет бокалы.

Писатель, зажмурившись, одним глотком выпил свою порцию бренди и спросил:

— Почему ты не появлялся целых три года, сынок?

Он пытался говорить беззаботно, но в голосе ощущалась грусть.

— И вправду, почему? — саркастически произнес Дрю.

Генри потупился, но не ответил.

— Вся деревня уже похоронила тебя, — продолжал Артур. — Я всегда верил, что ты

просто куда-то уехал, но даже... Кто тот человек, чье тело нашли в комнате? Ты его знаешь, Генри? Видел сегодняшние газеты?

Мой друг оглядел всех по очереди и кивнул.

— Это был мой компаньон, Боб Фарр. Он американец.

— Значит, ты все время находился в Америке? — спросил Артур с округлившимися от удивления глазами.

— Да, — робко ответил Генри. — Я... мы оба бежали от скуки. Я увидел его в цирке, где он работал акробатом. Наша встреча оказалась поистине судьбоносной. Мы сразу поняли, как использовать свое поразительное сходство. Можете ли вы вообразить себе открывшиеся возможности? Два человека одинаковой профессии и с одинаковыми лицами. О, я нисколько не преувеличу, если скажу, какой фурор мы производили! Появлялись и исчезали в разных местах, а публика думала, что это один артист. Но теперь все, Боба больше нет.

Наступила гробовая тишина.

Хозяин дома, до сей поры державший себя в руках, внезапно разрыдался.

— Боба Фарра больше нет, — эхом отозвался Дрю, сосредоточившись на струйках дыма, которые он выпускал в потолок. — Можете ли вы нам поведать, молодой чело-

век, зачем он вообще приехал прошлым вечером в особняк Дарнли?

— Нет, — ответил Генри. — Не могу. Ни за что на свете.

— Ни за что на свете, — вновь повторил старший инспектор, с мефистофельской улыбкой осматривая мерцающий кончик сигареты. — Прекрасно, прекрасно. А вы, случайно, не знаете, имелись ли у него враги? Он все-таки убит, не будем забывать.

Мой друг покачал головой.

— Очень хорошо, — продолжил Дрю. — Замечательно. Между прочим, вы осознаете всю странность гибели вашего друга?

— Я читал об этом. Его зарезали на чердаке.

— Что-то вроде того, — кивнул полисмен. — В газетах действительно написали правду, но упустили пару маленьких деталей. Кстати, давно ли вы вернулись из Америки?

— Буквально несколько часов назад. Приехал первым же поездом до Оксфорда, а затем взял такси.

— Великолепно. Просто великолепно. — Старший инспектор вытащил из кармана блокнот и сделал несколько пометок. — Я не буду просить вспомнить ту трагическую ночь ни вашего отца, ни вашего друга. Вряд ли они сейчас способны поведать

связную историю. Послушайте, как вижу все факты я.

Закончив повествование, Дрю хищно ухмыльнулся:

— Что скажете, молодой человек? Вы ведь специалист по трюкам? Сможете пролить свет на эту историю? Раскрыть хитрую уловку, которой воспользовался убийца?

Генри долго молчал, спрятав лицо в ладонях.

— Инспектор, — произнес он немного погодя, — я ничего не могу рассказать. Даже не просите.

Артур поспешно встал:

— Не хочу показаться грубым, инспектор, но прошу, поймите, я не видел сына три года!

Казалось, он с трудом смог отвести взгляд от лица Генри. Дрю медленно повернулся к писателю.

— Я понимаю, мистер Уайт, прекрасно понимаю.

Он собрал вещи, обмотал шею шарфом и надел элегантное пальто. Затем приблизился к Генри и хитро, по-кошачьи улыбнулся ему:

— Небольшой совет, молодой человек. Не уходите в ближайшее время далеко от дома. И будьте осторожны: там, где появляется

старший инспектор Дрю, неизменно вскрывается правда. Увидимся завтра. Хочу с вами по-дружески поболтать.

На этой ноте полицейский холодно откланялся и вышел. Дверь за ним громко захлопнулась.

— Странный тип, — помолчав, сказал Генри.

— Поставь себя на его место, — заметил Артур. — Это дело — крайне запутанное. В любом случае, мальчик мой, надеюсь, ты не станешь и дальше настаивать, будто не представляешь, зачем Боб сюда приходил?

Вновь наступила тишина, которую прервал я, задав целую серию вопросов:

— Генри, с чего ты так осторожничаешь? Из-за нападения на мистера Уайта той ночью? Или потому, что через несколько дней я видел тебя у оксфордского поезда, а Латимеры ровно в то же время — на вокзале Паддингтон? Теперь хотя бы с этим стало понятно — они ошибочно приняли за тебя Боба Фарра. Ну же, Генри, объяснись, хватит молчать! Инспектор ушел, нам-то ты можешь доверять!

Мой друг с грустью посмотрел на нас. В его глазах застыли слезы.

— Папа, Джеймс, умоляю, не наседайте. Когда-нибудь я все расскажу сам. Только не сейчас, прошу вас. Сейчас мне нужно подумать.

На следующий день Дрю с самого утра пришел допрашивать Генри. Беседа длилась недолго, и сердитый полисмен, понурившись покинул дом меньше чем через пятнадцать минут после начала разговора.

Мне было несложно представить, что там происходило. Совершенно очевидно, мой друг не открылся и старшему инспектору, к вящей досаде последнего.

Как и ожидалось, вечером вся деревня уже судачила о «воскрешении» Генри. Когда мама вернулась из магазинов домой, каждый уже хоть раз, да произнес его имя. Оно застыло на губах буквально у всех: мясника, булочника, а уж о бакалейщице даже говорить не буду.

Я не рисковал выходить на улицу, предпочтя запереться у себя в комнате и собрать воедино тысячи мыслей, крутящихся в голове.

Вечером к нам заглянули Джон и Элизабет. Моя сестра, инквизитор в юбке, разумеется, тут же принялась с самым невинным видом выпытывать у меня секреты. Особого результата, впрочем, ее ухищрения не принесли, хотя она и выведала почти все, что знаю я. Джон и родители больше молчали. На лицах у них отразилось явное облегчение от неожиданного приезда Генри, однако при этом все испытывали какое-то необъяснимое, зловещее предчувствие. И действительно, смерть —

странная и необъяснимая — уже вновь готовилась посетить наши края.

С тех пор как Генри вернулся, старший инспектор Дрю надолго засел в деревне. Он слонялся повсюду, стучался в каждую дверь и задавал вопросы. Нет необходимости говорить, что наш дом оказался в числе первых, удостоившихся его визита. Меня и моих родителей подробно расспросили о Генри, о его детстве, увлечениях и характере. Психолог вышел на охоту в полном вооружении.

Пресса продолжала работать со здоровой сдержанностью. Время от времени появлялись статьи, посвященные ошибке с опознанием тела, но вопреки ожиданиям многих передовых полос они не занимали. Видимо, Артур обладал куда большим влиянием, чем я предполагал.

Я пошел повидать Генри на следующий вечер. Он обстоятельно рассказал мне об Америке, о представлении со своим двойником, Бобом Фарром, и об их невероятном сходстве, позволявшем так ловко обманывать массы. Я поинтересовался планами друга.

— У меня нет никаких мыслей, Джеймс, — ответил он. — Нужно подвести некоторые итоги.

Когда же я поднял тему убийства, Генри вновь спрятался в панцирь. «Потом, Джеймс,

потом. Дай подумать», — вот и все, что он сказал.

А затем состоялась встреча, которую ни я, ни кто-либо другой из присутствующих, а особенно старший инспектор Дрю, вероятно, не забудет до конца жизни. С момента возвращения Генри прошло около недели. Стоял холодный вечер позднего ноября. По просьбе Дрю Артур собрал всех причастных к делу у себя. В камине потрескивал огонь, но из-за самой атмосферы людей словно сковал холод. Кроме того, старший инспектор привел двух полисменов, и те встали возле двери гостиной с явным намерением не выпускать ни единой души.

Латимеры сидели на диване. Бледная Элис прижалась к мужу, который и сам чувствовал себя далеко не спокойно. Справа от них разместились дрожащие Джон и Элизабет. Артур с Виктором заняли два кресла, а мне и Генри достались стулья по обе стороны от камина. В сером вельветовом костюме, голубой рубашке и при бабочке мой друг выглядел элегантно, однако его поза явственно выдавала тревогу. Он неподвижно сидел, положив локти на колени, и смотрел куда-то на дверь, нервно перебирая пальцами.

Старший инспектор Дрю, заложив руки за спину, стоял лицом к камину. Внезапно

он резко развернулся и звенящим голосом выкрикнул:

— Дамы и господа, я надеюсь, что тайна, скрывающая смерть Боба Фарра, прояснится сегодня же вечером. Более того, дьявольский убийца в этот самый момент находится здесь, среди нас!

Комнату словно накрыло волной ужаса, но никто не проронил ни слова. Дрю спокойно зажег сигарету, несколько раз дунул на нее, а затем продолжил:

— Пока попрошу меня не прерывать. То, что я сейчас поведаю, на первый взгляд может показаться не относящимся к делу. Я сказал «на первый взгляд», так как позже вы все поймете. Итак, повторяю, даже если мой монолог покажется вам бессмысленным, пожалуйста, не перебивайте.

Дрю залез в карман пиджака и вытащил резиновый мячик. Он с хищной улыбкой покидал его из руки в руку, а затем продемонстрировал всем.

— Посмотрите и скажите, что вы видите.

На такую явную чушь ни у кого с ходу не нашлось ответа. Удовлетворенный произведенным эффектом, старший инспектор продолжил:

— Это не просто мячик, а орудие преступления! Точнее, именно он сыграл крайне

важную роль в нашем спектакле — убийстве в опечатанной комнате. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что некоторые из вас до сих пор грешат на потусторонние силы.

Пока он убирал мячик обратно в карман, никто не проронил ни слова.

— Заметьте, я не отрицаю существование духов. Нужно быть глупцом, чтобы напрочь отвергать необъяснимое. Но в данном деле очевидно одно: мы столкнулись не с привидением. Наш противник — дьявольски умный убийца из плоти и крови.

В комнате стояла такая тишина, что можно было бы услышать, как падает на пол булавка.

Дрю взял с каминной полки книгу в фиолетовой обложке, которую заранее принес с собой, и с победной улыбкой начал перелистывать страницы. Наконец старший инспектор помахал ей перед нами и тожественно провозгласил:

— Вот оно! Вся подлинная история преступления — в одной небольшой книжечке!

Он тщательно взгляделся в текст.

— Только слепец не смог бы этого понять. А меня, — скромно добавил он, — не просто так прозвали Психологом.

И, к удивлению застывшей в оцепенении аудитории, старший инспектор зачитал название книги: «Гудини и его легенда».

— Сейчас вы услышите небольшую лекцию о жизни великого фокусника, — продолжил Дрю, явно довольный собой. — Начнем с его трюков, а затем попытаемся изучить особенности характера этого человека. И на всякий случай в третий раз повторяю: что бы вы ни подумали, не перебивайте меня.

Полагаю, каждый из вас слышал о Гарри Гудини. «Мастер побега», «Принц эскапизма*», человек, который на рубеже веков очаровывал массы, вводил в заблуждение президентов, изумлял королей. Его первый успех пришелся на тысяча восемьсот девяносто восьмой год, когда людям бросились в глаза заголовки чикагских газет. «Гудини — король наручников — бросает вызов местной полиции: попробуйте удержать его более часа в городской тюрьме».

Полиция отреагировала незамедлительно. Иллюзиониста заперли в камере под наблюдением нескольких надзирателей. У кабинета начальника тюрьмы собралась толпа репортеров, однако им не пришлось долго ждать. Буквально через несколько минут Гудини объявился, полностью свободный от оков. После того

---

* Эскапизм (от *англ.* *escape* — «убегать», «спастись») — раздел развлекательной магии, включающий в себя трюки с освобождением фокусника от цепей, наручников, веревок, с последующим выходом из запертых помещений в условиях, ограничивающих движения.

как все оправились от неожиданности, один недоверчивый журналист обвинил фокусника в том, что у того с собой был набор отмычек. Гудини предложил тщательно обыскать его и затем повторить эксперимент. Доктор обшарил «Короля наручников» с ног до головы, ничего не нашел, и последнего вновь поместили за решетку, уже полностью обнаженного. Его одежду положили в другую камеру, тоже запертую. И ожидание в кабинете начальника тюрьмы оказалось еще короче. Когда Гудини появился там в собственной одежде, пресса не знала что сказать.

Через два года, в тысяча девятисотом, Гудини приехал в Англию. Его появление взбудоражило лондонское общество. Особенно люди приходили в восторг от вызова, которым заканчивалось каждое шоу. Иллюзионист мог попросить любого зрителя и даже нескольких заковать его в кандалы и гарантировал, что выскользнет из них за считанные минуты. Скотленд-Ярд пригласил его продемонстрировать талант в своих пенатах. Обрадованный возможностью прославиться с помощью самого известного полицейского штаба в мире, Гудини, естественно, согласился. Его вывели в коридор, попросили обхватить руками колонну и защелкнули на запястьях стандартные наручники. Полисмены, уверенно

заявлявшие, что освобождение при таких обстоятельствах невозможно, прошли всего лишь несколько шагов, прежде чем услышали: «Если вы в кабинет, подождите меня». Они повернулись и в изумлении увидели Гудини, направляющегося следом за ними!

Этот трюк породил ураганный интерес к американскому артисту. Лондонцы тысячами стекались посмотреть на человека, посмеявшего бросить вызов полиции королевства. Европейское турне обернулось безоговорочным триумфом. Величайшие мюзик-холлы Берлина, Дрездена, Парижа и даже Москвы платили целые состояния, чтобы новый феномен у них выступил. Из человека с улицы Гудини стал волшебником, магом невероятного таланта. Тем удивительнее воспринималось, что он выступал перед людьми разных кругов почти каждый день.

Его тур по Европе достиг апогея в Москве в девятьсот третьем году. Возможно, вы слышали о знаменитом бронированном вагоне для доставки русских политзаключенных в Сибирь, который тянули четыре лошади. Его стенки были выполнены из толстой стали. С одной стороны этой передвижной тюрьмы находилось крохотное окно, с другой — дверь. Замок устанавливался снаружи. Более того, открыть его могла только полиция на прини-

мающей стороне, и то отдельным ключом. На первый взгляд, улизнуть в подобных условиях казалось абсолютно невероятным, но Гудини принял вызов. После досконального осмотра бронированной повозки его бросили туда и повезли в Сибирь. Меньше чем через час он вырвался.

Затем иллюзионист вернулся в Новый Свет, где появился во всех крупных городах. Полиция получала его визитки с дурным предчувствием. Трюки Гудини неизменно заканчивались успехом. В вашингтонской тюрьме он умудрился за рекордное время выпустить всех заключенных из камер.

Но и на этом наш герой не остановился. Он погружался в ледяные реки с «браслетами» на руках и ногах или с восьмифунтовыми грузилами, привязанными к лодыжкам! Он за несколько минут выскальзывал из смиренной рубашки, будучи подвешенным вверх ногами к крыше десятиэтажного дома! Его клали в гроб и закапывали на шесть футов в землю! Он убегал из многочисленных комнат, герметичных, как сейф! Ничто не могло удержать его: ни наручники, ни цепи, ни смиренные рубашки, ни канаты, ни тюремные камеры, ни сундуки, запертые на всякий замок, ни сейфы, ни почтовые сумки, запечатанные воском, и так далее, и тому подобное.

Гудини выходил отовсюду! И даже на этом еще не конец. Однажды он заставил исчезнуть слона и прошел сквозь кирпичную стену!

Артист, у ног которого был весь мир, умер в октябре двадцать шестого года по глупой случайности. Он сам попросил одного из зрителей ударить его в живот, и...

— Инспектор Дрю, — решительно перебил полицейского Артур. — Мы все знаем о Гудини. Ваш рассказ, без сомнения, крайне увлекателен, но неужели вы всерьез думаете, что сейчас для него самое время?

Дрю усмехнулся.

— История жизни Гудини напрямую связана с убийством Боба Фарра. Признаю, где-то я мог утомить вас болтовней о подвигах эскапизма, но сейчас мы как раз переходим к сути. А она заключается в психологии Гарри Гудини. Поэтому я еще раз прошу меня не перебивать и внимательно выслушать.

Все сидели молча, впечатленные словами старшего инспектора. Тот немного помолчал, а затем продолжил:

— Гарри Гудини, как вы, наверное, знаете, — псевдоним. Настоящее имя «Короля наручников» — Эрих Вайс. Он появился на свет шестого апреля тысяча восемьсот семьдесят четвертого года, предположительно в Будапеште, хотя точное место его рождения

неизвестно. Эрих с детства любил развлекать друзей различными фокусами, а первыми его успехами в эскапизме можно считать побег из чулана матери. С семи лет он часто ходил в цирк, а к четырнадцати уже поставил полноценный номер, который исполнял вместе с другом. Гудини не родился великим артистом. Его привели к успеху изнуряющие физические упражнения, любовь к выбранному ремеслу, железная воля и необузданные амбиции.

Да, честолюбие этого человека не имело границ, и его сногшибательная карьера — тому подтверждение. Потребность блистать, быть во всем лучшим и неизменно удивлять публику обязывает нас считать Гудини гордой, эгоцентричной личностью. Он постоянно рисковал жизнью и отточил каждое движение, поставив перед собой задачу — не разочаровать зрителей и никогда не сходить с первых страниц. Вел себя, словно непослушный ребенок. Любопытно и его отношение к слабому полу. С посторонними Гудини держался очень робко, зато необычайно — и неоправданно — ревновал жену и до умопомрачения любил мать.

В девятьсот шестнадцатом году иллюзионист с супругой отправились на пароходе в Европу. Однажды ночью Гудини внезапно проснулся в своей каюте и, точно охваченный жутчайшим горем, с рыданиями

вновь повалился на постель. Позднее он узнал, что именно в тот самый момент его мать скончалась от сердечного приступа.

Вспомнив гибель миссис Уайт, я вздрогнул. В ту ночь Генри метался в слезах, мучимый таким же предчувствием. Это был наш секрет, который старший инспектор знать не мог. Однако я стал понимать: Дрю явно проводил аналогии между жизнями Гудини и Генри. Но с какой целью?

Я украдкой глянул на друга. Генри больше не смотрел в пол, он жадно слушал рассказ полицейского.

— Гудини безумно любил мать, — повторил Дрю. — Он почитал ее, боготворил, заваливал подарками. Ее смерть стала переломным моментом в его жизни. Величайший иллюзионист, «Король наручников», «Принц эскапизма» впал в неутолимое отчаяние. Разумеется, он не мог больше появляться на сцене. Облегчение, как ни странно, в конечном счете дала ему вера. Гудини всерьез увлекся спиритизмом, стремясь еще хоть раз связаться с ушедшей матерью. Все попытки неизменно заканчивались неудачей, и отчаяние его переросло в ярость. Он стал беспощадно мстить спиритуалистам, разглашая секреты их трюков. Многие из тех, кто заявлял о сверхъестественных «силах», оказались обычными шарла-

танами. Гудини буквально уничтожал их, с безжалостной решимостью разоблачая всех и каждого.

Несмотря на это, достоверно мысли Гудини о загробном мире нам неизвестны. Поговаривали, что глубоко в душе он действительно верил в паранормальные феномены. На смертном одре иллюзионист послал сообщение жене, каким образом с ним можно связаться после смерти. Но Бесс Гудини и сама скончалась в срок третьем году, и мы уже никогда не узнаем, смогла ли их семья пересечь непреодолимую черту.

Закончив лекцию, Дрю закрыл книгу и с удовлетворением оглядел собравшихся.

— Вы еще не поняли? — осведомился он.

Артур поднялся.

— А должны? Да, между характерами моего сына и Гудини есть явное сходство, но что с того? Инспектор, я боюсь, репутация психолога ударила вам в голову. Вы пытаетесь разглядеть тонкости, которые вряд ли являются фактами.

Дрю сделал несколько шагов к камину, но остановился и вновь посмотрел на свою невольную аудиторию.

— Но как все-таки очевидна их близость, — тихо произнес он. — Я провел три долгих дня, опрашивая людей, связанных с Генри: его друзей и родных. Мы обсуждали

все: детство, интересы, характер. За это время я очень многое узнал о нем. — Голос старшего инспектора дрогнул. — И теперь с уверенностью могу утверждать, что знаю о Генри столько же, сколько и каждый здесь присутствующий. Но такова моя работа, не более того. Психология — вот она, перед вами.

Давайте вместе проанализируем «явные сходства» Генри и Гарри Гудини. Во-первых, оба родились преждевременно. Здесь нет ничего особенного, не перебивайте, пожалуйста. С раннего возраста и тот, и другой забавляли друзей трюками, наловчились открывать запертые двери, а потом обоих покорила цирк. Каждый из этих детей имел одно заветное желание: поражать, изумлять, находиться в центре внимания. Теперь видите? Видите их всепоглощающий эгоизм, их непомерную гордость?

Я хотел вмешаться, но Артур Уайт меня опередил.

— Инспектор, вы преувеличиваете. Право слово, преувеличиваете. Ваши слова можно в той или иной степени отнести к любому артисту, — усмехнулся он.

Точность замечания писателя, по-видимому, разозлила Дрю. Он круто развернулся, схватил книгу, вытащил фотографию, вложенную между страниц, торжествующе помахал ею и провозгласил:

— Посмотрите, вот фото Гарри Гудини. Оно никого вам не напоминает?

Сходство с Генри было фантастическим. То же широкое лицо, те же волосы, разделенные пробором посередине, тот же взгляд, та же приземистая фигура. Тем не менее в мире, должно быть, существовали тысячи подобных людей.

Генри, не пропустивший ни слова из монолога старшего инспектора, жадно уставился на фотографию. Больше, как мне подумалось, никто ей не заинтересовался.

Внезапно Артур засмеялся, но смех его, похожий на истерический, оборвался так же резко.

— Это уже слишком, инспектор. Если вы шутите, то слишком топорно. Поражаюсь, что человек с вашей репутацией способен опуститься до мелких...

— Мистер Уайт, — перебил его Дрю, хищно сверкнув глазами. Затем он осекся и продолжил мягче: — Или правильнее называть вас «мистер Вайс»?

Артур вздрогнул, его лицо исказилось от страха. Он пробормотал:

— Но как вы...

— Работа у меня такая. Я тщательно исследовал всех фигурантов дела. Оказалось, вы по происхождению венгр, родина ваша —

Будапешт, а настоящая фамилия — Вайс. Вы сменили ее на Уайта, когда приехали в Англию в двадцать первом году. Я прав?

Голос Артура едва донесся до наших ушей:
— Да.

— Мы попытались копнуть глубже, но безуспешно. Вы были сиротой — вот и все, что нам удалось выяснить. Только вспомните сами: Гудини носил имя Эрих Вайс и тоже родился в Будапеште.

— Инспектор, — дрожащим голосом пролепетал Артур, — Вайс — распространенная фамилия. Я действительно не помню своих родителей, но ваши выводы чересчур уж притянуты за уши. Чего вы, ради всего святого, добиваетесь? Хотите сказать, что в жилах Генри течет кровь Гудини? Да если бы даже и вправду текла, при чем тут ваши изыскания?

— Я к тому и подвожу, — спокойно ответил Дрю. — На самом деле неважно, имеет ли Генри отношение к великому фокуснику или даже является его реинкарнацией.

— Реинкарнация? — вскричал Артур. — Мой сын — реинкарнация? Мне кажется, вы уже слишком далеко зашли.

— Папа, — прервал его Генри, — пожалуйста, давай дослушаем инспектора.

Дрю посмотрел на Генри и долго не сводил с него глаз.

— Вот мы и подходим к финальной точке. Вы, совсем как Гудини, души не чаяли в матери. Обожали ее до безумия и погрузились в ужасную депрессию, узнав о катастрофе. Крики отчаяния, потоки слез — казалось, любое движение ранило вас, резало по живому. Люди боялись, что вы покончите с собой. Не пытайтесь отрицать, молодой человек, я очень хорошо знаю факты. Ваше горе здесь видели все.

Теперь вернемся на три года назад и попробуем восстановить события в хронологическом порядке. Поздней сентябрьской ночью сорок восьмого года миссис Уайт гибнет в страшной аварии. Ее сын, как мы только что упомянули, безутешен. Через несколько недель по деревне начинают ходить слухи: мол, Генри изо дня в день ссорится с отцом. На самом деле это больше, чем досужие сплетни, фактически их можно назвать реальностью. Споры учащаются, принимают более жестокую форму, но — вот ведь загадка — никто не знает причины. А затем, в конце ноября, на мистера Уайта нападают. Я намеренно смягчил слово, ведь имел в виду попытку убийства — он выжил лишь чудом. А вот Генри, по чистому совпадению, теряется в толпе.

Старший инспектор посмотрел по сторонам и ядовито осведомился:

— Вы все еще не понимаете?

Мы молчали.

— Очень хорошо. Просто превосходно. Значит, нет нужды расставлять точки над «i». Итак, Генри не может смириться со смертью матери. Какова его возможная реакция? Кто-то должен быть виноватым. За рулем в ту ночь сидел мистер Уайт. Он не смог справиться с управлением, значит, должен отвечать. Преступление нельзя оставить безнаказанным. Во время одной из жестоких ссор наш юный друг, беспрестанно обвиняющий отца в убийстве, не выдерживает и проламывает тому череп. Подумав, что мистер Уайт умер, Генри пускается в бега, встречает Боба Фарра и убеждает последнего уехать с ним из Англии в Америку. Через неделю друзья покидают страну. Но, договорившись встретиться, они не учли иронии судьбы. В одно и то же время обоих видели разные люди. Одного заметили на оксфордском вокзале сидящимся в поезд до Лондона, а другой ожидал его на вокзале Паддингтон. Но, поскольку молодые люди похожи друг на друга как две капли воды, возникло недоразумение.

Что же до мистера Уайта, заявлявшего о некой тени, несущей в сторону леса тело, здесь тоже все очевидно. Он просто выдумал эту нелепую историю, дабы прикрыть сына. В качестве доказательства могу предло-

Четвертая
дверь

жить наши тщательные поиски. Никого в лесу тогда найти не удалось.

Широко расставив ноги и уперев руки в бока, Дрю победно оглядел всех нас. Он явно ожидал комментариев. Оранжевые и красные огоньки мерцали позади старшего инспектора, подчеркивая злорадную ухмылку на его лице.

Виктор безучастно сидел в своем кресле. Элизабет нашла прибежище в объятиях Джона. Элис, оцепеневшая от страха, вонзила ногти в руку мужа. Тот выглядел таким же испуганным. Артур Уайт всем видом напоминал побитого пса, пытавшегося рыкнуть, но не способного издать ни звука. Губы его дрожали.

Я думал, что Генри набросится на полицейского, но и мой друг не шевелился. Он заговорил спокойным, лишенным эмоций голосом:

— Ваша дедушка великолепна, инспектор. Жаль даже разрушать такую стройную версию. Но, увы, Боб Фарр — американец, и в указанное время он жил на родине. Сей факт достаточно легко проверить, и я удивлен, что до сих пор вы еще этим не озаботились.

Дрю, явно задетый сарказмом, побледнел.

— Как вас тогда могли видеть одновременно на двух вокзалах? Объясните же, черт возьми!

Генри опустил глаза.

— Я не полисмен, объяснять — не моя работа.

— Вы предсказуемы, молодой человек, — процедил Дрю сквозь сжатые зубы. — Неубедительно блефуете. Но пойдете дальше, к убийству Боба Фарра. И тут вы уже — единственный подозреваемый. Просто из-за крайне необычной природы преступления. Кто, кроме вас, мог задумать и осуществить подобное?

Вы с приятелем вместе гастролировали по американским городам. Позвольте мимоходом отметить, что ваши трюки — не чета Гудини. Вам непременно требуется двойник.

Генри вздрогнул. Он равнодушно воспринимал обвинения в убийстве, но поношение его циркового мастерства поразило молодого человека в самое сердце.

— В то же время вы узнали, что мистер Уайт еще жив, — язвительно продолжал старший инспектор. — Поэтому вам взбрело в голову упрятать его в могилу окончательно. Для осуществления задуманного потребовалось вернуться в Англию с Бобом Фарром. Я не знаю подробностей вашего изначального плана, но в целом идею понимаю. — Дрю ткнул пальцем в сторону Генри. — Вы решили подставить отца, дабы его обвинили

в убийстве собственного сына! Итак... Часть первая: разделаться с Бобом Фарром, которого примут за вас. Кстати, на этот трюк клюнули все, кроме мистера Уайта. Часть вторая: представить факты так, чтобы преступником выглядел ваш родитель. Но все пошло не по плану.

Я не знаю, как вы убедили друга поехать с вами, да это уже и неважно. За день или два до роковой ночи вы оба вскарабкались в темноте по стенам дома Дарнли. Детская забава для двух превосходных акробатов. На чердаке вы разбили лагерь. Никто и не подозревал о вашем возвращении. А дальше оставалось только улучшить удобный момент. Вы прятались за дверями, подслушивая и следя за передвижениями каждого, и однажды нащупали нить. Оказалось, мистер Дарнли, мистер Уайт и Латимеры решили затеять эксперимент с материализацией. Вот она, нежданная возможность! Мистера Латимера закроют в опечатанной комнате, а ваш отец каждые полчаса будет проверять, все ли в порядке. Такую удачу грешно не использовать. И в вашей голове созрела поистине макиавеллиевская идея. Избавиться от Патрика Латимера, убить Боба и поместить его тело в опечатанную комнату. Когда мистер Уайт поднимется, постучит в дверь и не получит ответа, он, само собой, захочет убедиться, что не произошло ничего

плохого. Ваш отец откроет дверь, печати сломаются, и он останется один на один с трупом собственного сына! А дальше — немедленный арест за убийство и суд.

Такова была стратегия, теперь перейдем к тактике. Ваш план разрушила одна крохотная деталь. Когда мистеру Уайту не ответили на стук, он не стал входить в комнату, а спустился и позвал остальных. Таким образом, печати вскрылись перед несколькими свидетелями, и обнаруженное тело уже не имело отношения к вашему отцу. А смерть Боба Фарра приобрела сверхъестественную окраску.

Давайте прикинем, как же вам удался этот *tour de force**. Итак, на часах девять. Все собираются в гостиной. Вы же, заранее проникнув с Бобом Фарром в дом, бьете друга ножом в одной из комнат чердака, а затем, оставив тело, незаметно спускаетесь на первый этаж. Патрик Латимер идет за теплыми вещами и тоже моментально получает по голове. Вы надеваете его пальто, подняв ворот, нахлобучиваете до ушей шляпу, чтобы скрыть лицо, и присоединяетесь к остальным. Затем притворившись другим человеком, заходите в роковую комнату, не вызвав подозрений. Дверь опечатывают. Оставшись один, вы вытаскиваете пузырек с красноватой жидкостью, смачиваете ею

---

* Здесь: Подвиг (фр.).

пальто и прикрепляете бутафорский кинжал. Не стоит забывать, что подобные аксессуары — неременный атрибут профессионального фокусника. Итак, вы ложитесь, скрестив руки под телом, но специально выставив одну наружу — это важный момент, — и ждете.

Легко могу представить себе волнение, с которым вы улавливаете окружающие звуки. Торопливая поступь поднимающегося мистера Уайта, громкий стук, недолгие мгновения тишины — а потом неожиданно удаляющиеся шаги. Затем стремительный топот нескольких человек — и дверь открывается. Вы лежите на полу, притворившись мертвым, с фальшивым кинжалом, прикрепленным к спине. А в соседней комнате находится настоящий покойник — Боб Фарр.

Тут Дрю прервался и вытащил из кармана небольшой резиновый мячик. С самодовольным видом старший инспектор продемонстрировал его присутствующим, подчеркивая особый смысл следующей фразы:

— Вот здесь нам и понадобится маленький мячик. Но сначала — кратенькое пояснение. — Он вновь взял книгу и нежно погладил ее: — Как я уже говорил, разгадка находится на этих страницах.

Дрю пролистал несколько глав и, найдя нужное место, стал читать:

— «Некоторые факиры начинают представление с эффектной демонстрации своих способностей: мысленного контроля пульса. Доброволец должен взять иллюзиониста за руку и засвидетельствовать, что при нужной команде пульс моментально остановится. Этот феномен долгое время вызывал большой переполох, пока однажды Гудини, в присутствии одного из таких шарлатанов, не предложил последнему улучшить выступление, показав учащение и замедление биения. Неспособный (и совершенно обоснованно) принять вызов, псевдофакир стыдливо отказался, и с того момента номер исчез из программы мюзик-холлов. Позже стало известно: временную остановку пульса мог проделать любой человек, просто зажав под мышкой резиновый мячик. Секрет заключался в том, что кровь из лучевой артерии на несколько секунд переставала течь толчками».

Последние слова старший инспектор намеренно произнес медленнее, чтобы придать им больший вес.

— Думаю, теперь нетрудно догадаться, куда я клоню. Почему вы сочли человека, лежавшего на полу, мертвым? Да просто мистер Уайт проверил его пульс и засвидетельствовал, что он и впрямь отсутствует. Но причина этому теперь известна — у так

называемого трупа под мышкой находился резиновый мячик. Простой резиновый мячик.

Остальное домыслить нетрудно. Перепуганные свидетели всей толпой ринулись в гостиную вызывать полицию. Никто и не подумал осмотреть чердак целиком или оставить кого-нибудь посторожить «покойника». Нет, убийце предоставили полную свободу действий. Ему осталось только подняться и перенести из соседней комнаты тело Боба Фарра. Игра окончена, так сказать.

Довольный эффектным объяснением, Дрю долго и внимательно вглядывался в наши лица, ожидая реакции. Наконец он поманил своих людей от двери, у которой они стояли с самого начала, прошел в центр комнаты и с грозным видом повернулся к Генри.

— Молодой человек, в ваших же собственных интересах я настоятельно рекомендую признать вину. Многого обещать не могу, но присяжные, несомненно, примут во внимание...

— Инспектор! — прогремел Артур, вскакивая с кресла. — Вы с ума сошли? Мало того, что ваше предположение чудовищно само по себе, оно еще и основано на неверных фактах. Человека, чей пульс я щупал, и вправду зарезали. Как вы, например, объясните его холодное запястье? Я много лет

вел медицинскую практику, и уж наверное, не растерял ума, чтобы не отличить мертвого от живого. А вашу пси-хо-ло-ги-ю, инспектор, обещаю, мы еще проверим у настоящих специалистов, попомните мое слово. Подобные нападки оскорбительны для моей семьи. Прошу вас немедленно уйти.

Он повелительным жестом указал на дверь.

— Папа, — вмешался Генри, — не надо. Такая уж у него работа.

Пораженный Дрю с трудом смог поверить своим ушам. Он с опаской посмотрел на Генри. Человек, которого только что обвинили в гнуснейшем преступлении, вступается за оговорщика.

— Инспектор, — спокойно продолжил Генри, — ваше толкование событий великолепно. Готов первым выразить восхищение. Естественно, я знаю про этот трюк с мячиком, более того, у меня как-то крутилась в голове мысль испробовать его на моем друге Джеймсе. — Генри игриво подмигнул мне. — Ваша гипотеза и впрямь изобретательна.

Он посмотрел Дрю прямо в глаза:

— Однако вы ошибаетесь, считая меня убийцей Боба Фарра. Я всегда относился к нему хорошо. Боб был замечательным другом. К тому же во время его смерти я находился в Америке на переговорах отно-

Четвертая
дверь

сительно трюкового шоу. Там присутствовало несколько человек, хорошо знавших и способных различить нас обоих. Я дам вам их координаты, и около двадцати свидетелей подтвердят мое алиби. Более того, буквально на следующий день я встретил мэра...

— Хорошо, молодой человек, мы обязательно все проверим, — прервал его Дрю.

На этой ноте подрастерявший уверенность, но отчаянно старающийся сохранить лицо старший инспектор кивнул всем и чопорно вышел из комнаты. Полисмены, следовавшие за ним, с истинно британской стойкостью скрывали смущение, и лишь явная растерянность их шефа компенсировала неудобства от его невыносимой надменности.

Глава 5

НЕПОСТИЖИМОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Через три дня старший инспектор Дрю вернулся к Уайтам, чтобы принести извинения.

Полиция больше не подозревала Генри. Несколько надежных свидетелей подтвердили его алиби. Спустя двое суток после убийства он еще находился в Америке и не покидал ее ранее. Несколько пассажиров самолета, доставившего Генри в Англию, припомнили удивительные карточные фокусы, которыми

он развлекал их во время полета. А когда Уайта-младшего видели одновременно на двух разных вокзалах, Боб Фарр лежал на больничной койке в Вашингтоне. Днем ранее у него обнаружили аппендицит и направили на операцию.

Задача осталась нерешенной. При жизни Боб Фарр был приличным, скромным парнем. Семьи он лишился давно, а денег не скопил. Мотива для его убийства не имелось ни у кого. Следствие установило, что в Англию он прилетел за неделю до своей нелепой гибели, причем раньше нашу страну не посещал вообще. Боб провел четыре дня в оксфордской гостинице, после чего бесследно исчез.

Не стану лицемерить, заявляя, как тронула нас эта смерть: все-таки никто, кроме Генри, погибшего не знал. Тем не менее происходящее удручало всех. Одни верили в мстительных духов особняка Дарнли, другие шептались о разгуливающем на свободе маньяке-убийце. Деревню окутал страх. К наступлению сумерек все уже старались находиться дома и держать в пределах досягаемости любое оружие. Латимеры настолько измучились, что стали выказывать намерение съехать. Элис походила на бледную тень самой себя в прошлом. Как-то ночью с ней чуть не случился нервный срыв, и Патрику пришлось вызывать «Скорую помощь».

Наступило первое воскресенье декабря. Со дня смерти Боба Фарра прошло ровно две недели. Я пригласил Генри и Джона пропустить по рюмочке, воспользовавшись тем, что родители ушли на весь вечер.

— Итак, Джон, неужели твоя половина смилостивилась и дала высочайшее разрешение остаться на ночь?

Джон, слегка улыбнувшись, посмотрел на стакан с бренди.

— Только до девяти. Но причин для беспокойства нет. Элизабет не пойдет сюда одна, только чтобы поскандальить, если я припозднюсь.

Мы выпили за ее здоровье и исключительное великодушие.

Из холла донесся мелодичный перезвон, отбивающий половину десятого. Джон взглянул на часы.

— Полагаю, до звонка осталось недолго, — беззлобно произнес он.

Генри ухмыльнулся. Смерть друга, несомненно, выбила его из колеи, но за последние несколько дней он вроде понемногу начал выглядывать из панциря.

— Отличный коньяк, — похвалил Джон. — Жалко, почти закончился.

Я прервал его:

— Генри, тебе не кажется, что ты задолжал нам объяснение?

Алкоголь сделал свое дело: атмосфера в доме была очень дружелюбной. Мы умиротворенно сидели в креслах. Джон, наконец, раскрепостился вдали от домашнего дракона, на коем его угораздило жениться. Генри практически вновь стал таким, каким мы его помнили. Оставалось лишь выведать несколько деталей.

— Кого же я видел три года назад на оксфордском вокзале? Действительно тебя? Если так, откуда взялся двойник, которого заметили Латимеры на лондонском? Мы уже поняли, что это не Боб Фарр.

Казалось, Генри уже собирался ответить, когда я выливал ему в бокал остатки коньяка, но, немного поразмыслив, произнес лишь:

— Скоро. Скоро вы все поймете.

— У тебя есть брат-близнец?

— Может, ты слишком мало знаешь о Бобе? — поддел друга Джон.

Генри насмешливо хмыкнул.

— Ты и половины не знаешь. Кстати, удивительно, что ни одна душа так и не сообразила, — добавил он. — На самом деле разгадка лежит на поверхности.

Наступила тишина.

Джон с задумчивым видом зажег сигарету:

— На поверхности, говоришь? Если помнишь, тайна тут не одна. Еще есть стран-

ные шаги, нападение на твоего отца. Я уж не говорю о смерти Боба Фарра, но это же, сам понимаешь, мелочи. Человека всего лишь прикончили в наглухо запертой комнате. Над чем тут ломать голову? — Джон немного помолчал. — Генри, я, конечно, не хочу выглядеть снобом, но меня гложет навязчивая мысль, что ты в курсе, кто во всем виноват. Ты знаешь убийцу.

Генри долго смотрел на Джона со странным блеском в глазах.

— Да, — наконец кивнул он. — Знаю.

— Но Генри! — вскрикнул Джон. — Ты обязан сообщить полиции. В смысле, если полностью уверен. Убийца по-прежнему на свободе, он может прикончить еще кого-нибудь!

Наш друг глотнул бренди и облизал губы.

— Это вряд ли, — чуть слышно произнес он.

Даже обладая бесспорными талантами иллюзиониста, Генри не умел предсказывать будущее. Да и как мог он предвидеть жуткую трагедию, до которой оставался буквально час?

Нас напугал пронзительный телефонный звонок.

— Не волнуйтесь, — сказал Джон, вставая. — Это Элизабет по мою душу.

Он быстро вышел в холл. Когда за ним закрылась дверь, я спросил Генри:

— Латимеры уже отчалили?

— Конечно, вчера вечером.

— Странно. Хоть бы зашли попрощаться.

— Нам и самим Виктор рассказал только утром. Они хотели уехать сегодня. Вчера весь день укладывали вещи, но, когда он поднялся к ним перед тем, как повидать нас, их уже не было. Ни чемоданов, ни машины, естественно. Виктор, кстати, страшно разозлился. «Немыслимо! Укатали ночью — и даже не сообщили! Можно подумать, я то и дело докучал им и учил жизни!»

— Они, должно быть, тронулись около полуночи, — заметил я. — Мне сегодня не спалось. Примерно в это время я слышал шум машины.

— Я тоже, — потупившись, пробормотал Генри.

— Все равно странно. Ну, хорошо, допустим, Элис вся на нервах. Но вот так украдкой ускользнуть посреди ночи...

Вернулся Джон и сообщил свои новости.

— Полчаса. После изнурительных переговоров я выторговал себе еще полчаса.

— Черт, ты действительно знаешь, как обращаться с женщинами, — холодно заметил я.

Джон не обратил на колкость внимания. Он двинулся к нам, но остановился перед окном и раздвинул шторы.

— Снег перестал идти, но напáдало, наверное, дюйма четыре. Друзья, посмотрите

только на этот пейзаж! Серебристая луна на угольно-черном небе и чистая белизна повсюду!

Генри с шумом откашлялся, глядя на пустой стакан.

— На меня снег любопытно действует, Джон. От него всегда пересыхает в горле.

Столкнувшись с предательством вероломного бренди, так некстати сбежавшего из своего благословенного сосуда, мы не смогли найти иной альтернативы, кроме как призвать на подмогу подкрепление из Шотландии. Да, бар моего отца стал легче на одну почтенную бутылку виски, которую под восторженные аплодисменты и проводили в последний путь.

Тост за снег, похожий на белую мантию, родился сам. А еще через несколько минут мы уже безо всякого повода распевали «С днем рождения». Вскоре часы пробили десять. На последнем ударе вновь зазвонил телефон.

— Генри, возьмешь? Это Элизабет. Скажи, что никого нет дома.

Наш друг с улыбкой кивнул и вышел из комнаты.

Вернулся он через несколько минут со сверкающими глазами.

— Ваша невеста, мистер Стивенс.

Ошеломленный Джон с восхищением посмотрел на меня, затем встал и торжественно пожал мою руку.

— Джеймс, старина, поздравляю! Просто нет слов!

— Но, — пробормотал я, — у меня...

— Она сказала, что приедет чуть позже, Джеймс, — сообщил Генри. — Не волнуйся, просто супруг задержал ее больше, чем ожидалось, и...

— Ну и ну, замужняя женщина! — присвистнул Джон, округлив глаза. — Фьють! Если бы Бетти знала!

Генри подошел к камину. Со стороны казалось, будто он поглощен созерцанием пламени. Тем не менее, даже глядя на него со спины, я чувствовал, как он хихикает в рукав. Да, надо было хорошо надраться, чтобы сразу не распознать розыгрыш.

Одновременно понял и Джон. Он покатился со смеху.

— Я знал! Я все время знал!

— Прости, Джеймс, — сказал Генри, поворачиваясь ко мне. — Ошиблись номером. Я просто не мог устоять. Надеюсь, ты не обиделся?

Он вновь посмотрел на огонь.

Джон икнул.

— Невеста, ха-ха! Ну, ты сказанул! Уф, больше не могу!

— Что ты имеешь в виду? — возразил я. — Думаешь, у меня не может быть невесты?

— Ты прав, Джеймс, ты прав, — даваясь от смеха, отозвался Джон.

Он снисходительно похлопал меня по плечу, отчего я только сильнее взбесился. Но, не способный долго дуться, в итоге я и сам расхохотался. Все, разумеется, завершилось тостом за фальшивую невесту.

Из холла послышался звон. Часы отбили четверть одиннадцатого.

— Черт! — воскликнул Джон. — Вот теперь мне по-настоящему пора.

— Да ладно, посиди еще чуть-чуть. Не съест же она тебя. Давай выпьем!

— Нет, я и вправду побегу. Спасибо за чудесный вечер, Джеймс. Пока, Генри.

Джон ушел. Генри задумчиво посмотрел, как за ним закрывается дверь, затем внезапно хлопнул в ладоши.

— Джеймс, а что ты скажешь насчет партейки в шахматы?

— А почему бы и нет? Я уже три года тебя не громил.

— Посмотрим, посмотрим.

На самом деле Генри был сильным противником, и мне редко удавалось одержать над ним верх. Но сегодня я настроился серьезно.

Игра и виски закончились одновременно: без пятнадцати одиннадцать. Именно

в это время я поставил Генри мат. Несмотря на внешнее безразличие, внутри мой друг совершенно точно бурлил, словно вулкан. Да и мое плохо сдерживаемое ликование не добавляло ему радости.

— Еще разок? — небрежно предложил я.

Генри посмотрел на пустую бутылку и внес рациональное предложение.

— Давай не будем окончательно опустошать бар твоего отца. Может, переберемся ко мне?

— Ты, естественно, можешь выбрать поле боя.

На лбу у моего друга появилась морщина.

— Папа, наверное, спит. Можно позвонить?

— Конечно.

— Любопытно, — сказал Генри, вернувшись.

— Что, не отвечает?

— Я несколько раз пытался. Сначала шли короткие гудки. А потом телефон звонил нормально, но трубку никто не брал.

— Да и плевать. Наверное, обрыв на линии.

— Возможно, — согласился Генри, но что-то в его голосе выдавало тревогу.

По спине у меня пробежали мурашки. Веселье, охватившее нас в этот вечер, будто полностью выветрилось.

— Может, посмотрим? — предложил я. —
К тому же ты хотел отомстить.

— Что? Ах да, шахматы. Ладно, пошли!

Мысли Генри витали где-то далеко. Он нервно зажег сигарету. Мы убрали стаканы, вытряхнули пепельницы и поспешно натянули пальто. Я открыл дверь точно в тот момент, когда часы закончили отбивать одиннадцатый удар.

За порогом морозило вовсю. В чистоте ночи круглая, царственная луна совершенно затмила звезды, источая волшебный свет на белоснежную мантию, покрывающую деревья и землю. В ее удивительном сиянии утопали все звуки.

Генри осмотрелся по сторонам и медленно поднял голову. Внезапно он схватил меня за руки и произнес низким голосом:

— Джеймс, луна красная.

Пораженный интонацией друга, я уставился на него. Лицо у Генри было бледным, пустые глаза смотрели куда-то вдаль. Я потряс его за плечи.

— Генри! С тобой все в порядке?

— Кроваво-красная.

— Да что ты такое говоришь? Она — как серебряный диск!

— Я боюсь ее.

— Боишься?

— Да, — его голос стал чуть громче. — Луна полная, ее притяжение опасно, особенно для слабых, больных и психов. Тех, кто несет смерть. Возможно, я ошибся, когда сказал, что убийца больше не проявит себя.

Мы тревожно переглянулись. Обоим в голову пришло одно и то же: Артур не отвечал на телефонный звонок.

Скрип наших шагов разрезал ночную тишину. Я некстати вспомнил наше детство. Мы любили бегать по свежему снегу в ботинках с шипами. Но где те годы, та беззаботная пора? Этой ночью под белым покровом пряталось зло.

Мы почти прибежали, когда откуда-то слева неясно показалась мужская фигура. Виктор!

— Мистер Дарнли! — крикнул я. — Зачем вы вылезли в такой холод в одной пижаме?

Действительно, его расстегнутое пальто было наброшено прямо на нательное белье. Виктор совершенно смутился.

— Убийца, — сказал он дрожащим голосом, махнув рукой на дом Уайтов. — Кажется, он вернулся. Артур позвонил мне несколько минут назад. Кто-то стрелял в него. Возможно, он серьезно ранен. Я уже вызвал врача и полицию.

Мы бросились к дому. Возле калитки я остановился и поднял руку.

— Будьте начеку, преступник еще может быть внутри. Смотрите, здесь нет никаких следов!

Ступеньки у крыльца и дорожка вокруг здания покоились под нетронутым снегом. Могут даже утверждать, что с минуты выхода от меня мы не видели вообще ни одного отпечатка. Рядом с домом, без сомнения, не ступала нога человека.

Генри с каменным лицом дошел до входной двери и нажал кнопку звонка. Не дожидаясь ответа, он вытащил ключ из кармана и повернул в замочной скважине. Мы вошли в холл. Генри включил свет, и сразу же нам в глаза бросились темные пятна на деревянном полу.

— Папа! — позвал Генри.

Никто не отозвался.

— Оставайтесь у двери, мистер Дарнли, — распорядился я. — Вдруг убийца попытается сбежать!

— Конечно. Я понимаю, — пролепетал Виктор. Его лицо сделалось пепельным от страха.

Генри отправился к отцовской спальне. Однако еще до того, как зажгли свет, я заметил слабый отблеск из гостиной.

Дверь оказалась открытой. Я не ошибся: настольная лампа возле окна действительно горела. С тяжелым чувством я щелкнул выключателем и огляделся. На полу и ковре

виднелись густые багровые пятна. Телефонная трубка лежала на своем месте, но весь аппарат тоже был перепачкан.

Генри ворвался в гостиную.

— Там кровь на кровати! Ружье валяется рядом, но отца нигде нет! В других комнатах тоже...

Он замолчал и указал дрожащим пальцем в сторону дивана. На нем, скрючившись, лежал Артур, одетый в одну пижаму. Его левое ухо превратилось в кровавое месиво, но губы слабо шевелились.

— Генри, он еще жив!

— Папа! Мы здесь! Пожалуйста, не двигайся! Доктор уже в пути.

Три часа утра.

Дрю сидел на стуле возле телефона и курил сигарету за сигаретой. Проведя рукой по волосам, он глубоко вздохнул. Слова давались ему с трудом.

— Давайте еще раз пройдемся по фактам. В любом случае, ничего большего мы пока предпринять не сможем. Значит, мистер Дарнли, около десяти сорока пяти вы услышали звонок от вашего соседа. Не сможете ли вспомнить его точные слова?

— Что-то вроде: «Умираю! А! Моя голова... Я услышал шум... проснулся... тень...

Четвертая
дверь

выстрелил... Больно, Виктор. Приходи скорее. Долго не протяну...»

— В это время, — вклинился Генри, — я тоже пытался дозвониться до отца. Сначала линия была занята. Немного погодя, я набрал еще раз, но никто уже не отвечал. Господи, только бы он поправился!

— Думаю, события довольно легко восстановить, — произнес Дрю. — Убийца приходит к мистеру Уайту, когда тот спит, и стреляет ему в голову. Пуля попадает рядом с ухом. Конечно, мы пока не можем сравнить отпечатки пальцев мистера Уайта с теми, которые нашли на ружье, но готов спорить: преступник хотел обставить все как самоубийство. Соответственно, почему бы не вложить оружие в руки жертвы, воспользовавшись ее бессознательным состоянием? Не будем забывать, что ружье принадлежало лично мистеру Уайту, а из кладовки его вытащили, дабы посеять лишние сомнения.

— С момента смерти Боба Фарра, — добавил Генри, — отец спал с заряженным ружьем. Видимо, убийца это знал.

Дрю тотчас вцепился в моего друга:

— А кто еще был в курсе?

— Предпочитаю не отвечать, — уклончиво сказал Генри. — А то получается, словно я кого-то обвиняю.

— Я знал, — тут же сообщил Виктор Дарнли.

— Я тоже, — признался я. — Но, однозначно, не только мы. Мои родители, сестра, Джон, Латимеры и другие тоже осведомлены.

— По крайней мере, число подозреваемых ограничено, — заявил Дрю. — Так вот. Выполнив свое грязное дело, убийца уходит.

— Но, инспектор, — крикнул я, — это невозможно! На снегу нет следов!

Я съежился под испепеляющим взглядом Дрю.

— Однако мистер Уайт не умер, — продолжил старший инспектор. — Несмотря на ужасную рану, он умудряется дойти до гостиной и позвонить вам, мистер Дарнли. На часах уже без четверти одиннадцать. Мистер Уайт находит силы добраться до дивана. Кровавые пятна на полу ясно свидетельствуют о его передвижениях. — Дрю выдержал паузу. — Непонятна только одна маленькая деталь. Куда, черт возьми, подевался убийца? Мы дважды обыскали дом — никого. К тому же снег прекратил падать около девяти, а рана мистера Уайта — более поздняя. Полицейский врач абсолютно в этом уверен. Итак, вокруг дома нет никаких следов, кроме ваших у парадного крыльца.

— Задняя дверь, выходящая в сад, была открыта, — сказал Генри.

— И что? — парировал Дрю. — Вы же хорошо видели: снег там нетронут! Согласен, мои люди еще не закончили, они работают с мощными светильниками, поэтому возможно...

В комнату ворвался полисмен.

— Ничего, инспектор. Вообще глухо. Я не понимаю. Кроме следов этих джентльменов на передних ступеньках и наших собственных, ни единого отпечатка. Земля покрыта слоем свежего снега. Ни вокруг дома, ни на подоконниках, ни на крыше он не потревожен. Наверное, можно прекращать поиски.

— Нет! — крикнул Дрю. — Даже не думайте! Я хочу, чтобы вы еще раз тщательным образом прочесали дом сверху донизу. Убийца же должен где-то находиться.

Полицейский кивнул и вышел из комнаты. Губы старшего инспектора сжались в зловещей ухмылке.

— Поверьте, когда я сцапаю этого дьявола, ему сильно повезет, если удастся добраться до эшафота одним куском. А в том, что он попадет, не сомневайтесь. Я еще не терпел откровенных неудач и не хочу начинать сейчас.

— Вы слишком уж уверены, — влез Виктор. — Только все явно указывает на потусторонние силы. Сначала в опечатанной комнате мы находим того американца, теперь убийца ускользает, не оставив следов на

снегу, будто законов тяготения просто нет. Но вы знаете: духи существуют. Пусть люди смотрят на меня с жалостью, когда я это говорю. Да, за моей спиной все смеются. Все, кроме Артура и Латимеров. Но...

— Тех самых Латимеров, которые уехали прошлой ночью, — заметил я.

— Они даже не зашли попрощаться, — запричитал Виктор. — Даже странно. Мы всегда очень дружелюбно друг к другу относились.

Брови Дрю от удивления взлетели вверх.

— Латимеры уехали? Но... Куда?

— Не имею ни малейшего понятия, — вяло ответил Виктор.

— Но почему вдруг?

— С тех пор как убили американца, Элис Латимер места себе не находила. Ее словно запугали. Она даже перенесла несколько нервных срывов. Может, из-за этого. Но факт остается фактом: они решили съехать. Хотели, кстати, отправиться сегодня или, точнее, уже вчера. — Виктор посмотрел на часы. — Однако почему-то умчались ночью, не сказав никому ни слова.

— Любопытно. Очень любопытно, — процедил Дрю. Его глаза сощурились. — Пошлю-ка я извещение о розыске. Думаю, эти две птички далеко не упорхнули. Готов даже утверждать, что одна из них несколько часов назад находилась здесь.

Старший инспектор протянул руку к телефону, однако внезапный звонок опередил его. Он инстинктивно отшатнулся, затем поднял трубку.

— Дрю слушает.

С каждой секундой его лицо все больше и больше вытягивалось. Закончив разговор, он зажег сигарету и нервно затянулся. Торопливо выпустив из ноздрей дым, Дрю с грустью посмотрел на пол и объявил:

— Мистер Уайт умер. На полчаса раньше — и его могли бы спасти. Но и в этом случае не факт, что он оправился бы полностью.

Генри молча выбежал из гостиной, зажав лицо руками. Виктор последовал за ним.

Повисла гнетущая тишина. Дрю медленно вытащил следующую сигарету.

— Не дай бог никому пережить то, что довелось вашему другу, — смущенно сказал он мне. — Если подумать, я сам состряпал против него чудовищное обвинение. А он потерял отца. Какая нелепость с моей стороны проводить эти идиотские параллели между ним и Гудини.

Пытаться изучать характеры, составлять психологические портреты — и в итоге прийти к совершенно неправдоподобным выводам. Должен признаться вам, молодой человек, я не слишком горд собой.

Вероятно, вся эта история глубоко потря-

сла старшего инспектора, так как он явно не принадлежал к типу людей, бросающихся подобными заявлениями. Мне было жаль его.

— Сейчас я разговаривал с доктором, — продолжил Дрю, — и тот подтвердил, что ружье выстрелило от девяти сорока пяти до десяти тридцати. Пуля пробила левое ухо и застряла в черепе. Забей мы тревогу раньше, у него оставался бы шанс. Чертов снег, как же он затруднил дорогу в больницу! Правда, — печаль медленно сошла с лица старшего инспектора, сменившись мстительной ухмылкой, — убийца все еще на воле. Ну да ничего, это ненадолго.

Дрю вновь поднял трубку, набрал номер и недвусмысленно отвернулся. Я вышел из гостиной, но успел услышать из-за двери:

— Приказываю разыскать Элис и Патрика Латимеров. Светловолосый. Утонченный. Важный. Примерно сорок лет.

Глава 6

ТАК... КТО ЖЕ?

Дома меня ждали встревоженные родители. Они, вероятно, хотели узнать, что да как, но, понимая мое состояние, задали лишь пару-тройку вопросов. Я поднялся к себе в комнату и залез под одеяло. Впрочем, заснуть или успокоиться не получалось.

Четвертая
дверь

Ужасные события не выходили у меня из головы.

Сначала кто-то убил Боба Фарра, а затем и Артура Уайта. Эти люди не имели друг с другом ничего общего. Никакой связи, кроме одного человека. Да, Генри наследовал после смерти отца значительное состояние. Но он не мог совершить ни то, ни другое убийство. Когда мы нашли Боба Фарра, Генри находился в Америке. А выстрел в Артура Уайта, кто бы ни расправился с ним, пришелся на десять вечера. В это время его сын пил бренди со мной и Джоном, следовательно, физически не мог попасть к себе домой. Джон ушел в десять пятнадцать... Хм, кстати... Нет, невозможно, только не Джон. Да у него и мотива не было, если не считать давнее соперничество за мою сестру. Бедный старина Генри! Оба преступления неизбежно приковывали внимание к нему. Но, может, нас всех просто использовали? Может, факты — лишь инсценировка, организованная дьявольским умом, чья конечная цель — накинуть петлю на шею нашего друга?

Давайте подумаем, кто не имел алиби на те два вечера. Джон? Элизабет? В принципе, нет причин вычеркивать ее из списка подозреваемых. Патрик, который и вовсе исчез? Ясно, что внезапный отъезд Латимеров, тем более в глухую ночь, мягко говоря,

вызывал вопросы. Собственно, Дрю довольно ясно обозначил свою позицию на их счет, дав ориентировку в полчетвертого утра. Но у злодея мог быть сообщник, а значит, нельзя полностью исключить и Генри, Элис или Виктора. Увы, метод обоих убийств так и остался неизвестным. Преступник продемонстрировал способности летать и проходить сквозь стены, а мы не сдвинулись с мертвой точки. Все дело целиком — сплошной абсурд. Непонятно даже, где начало у этой истории. Помешательство жены Виктора? Таинственные шаги? Сообщение, которое миссис Дарнли передала через Элис, когда та впала в транс?

Невыясненным осталось и еще одно: никто не слышал выстрела, оборвавшего жизнь Артура. Виктор-то известный соня, но остальные — Генри, Джон и я сам — должны были уловить хоть что-то. Понятно, мы немного перебрали, но не оглохли же все одновременно!

Мысли одна за другой крутились в голове. Все попытки привести их в порядок оказались тщетными, логика уступила место хаосу. Потихоньку на меня навалилась дремота...

...К кладбищу медленно движется похоронная процессия. Слышится монотонный, глухой бой церковных колоколов. Четыре человека, одетые во все черное, несут

гроб. За ними цепочкой тянутся скорбящие. Я узнаю Генри, Виктора, Джона, Элизабет, Патрика, Элис и... себя самого. Над нами кружат вороны с окрестных полей. Внезапно они, будто испугавшись кого-то, начинают махать крыльями, пронзительно каркать и поспешно улетают прочь. Из-за облаков показывается зловещая тень. Хищная птица? Фантом? Нет, это женщина, облаченная в бесформенное тряпье. Ее глаза лurchатся ненавистью, она выжидает момента, чтобы броситься на наш мрачный кортеж. Черная рука медленно вытягивается в сторону и указывает на одного из скорбящих...

Отец разбудил меня незадолго до полудня и сообщил, что пришел Генри. Я быстро принял душ, окончательно разогнав остатки похмелья и дурного сна, и побежал в гостиную навстречу не менее сумбурной реальности.

Старина Генри, устроившийся в кресле, поднялся и подошел ко мне. Мы молча пожали друг другу руки. С бледным лицом и в траурной одежде, он сохранял достоинство. Передо мной стоял уже не тот юноша, который неумолчно плакал неделями после смерти матери, а мужчина, благородный в своем горе, смело принявший вызов.

Теперь у него оставался лишь я. Его дав-

ний друг, почти брат. Мы вместе росли, сидели за одной партой, бесились сами, разыгрывали других, делили стол, а иногда и кров. Я приходился ему второй семьей, а он — мне. И сейчас его трогательная, доверчивая улыбка лишней раз это подтверждала.

Отец кашлянул, чтобы скрыть смущение.

— Генри проживет несколько дней у нас, Джеймс. Он займет старую комнату Элизабет. Там все еще лежат коробки с ее ненужной одеждой. Отнесите их на чердак. Я уже устал упрашивать твою сестру забрать этот хлам.

Я с радостью согласился. Пока Генри не застеснялся, папа задорно предложил:

— Может, по такому случаю немного бренди, друзья? Возражений нет? Молчание — знак согласия.

Он открыл бар. Возникла неловкая пауза. Отец растерянно произнес:

— Господи боже! А где бренди? Неужели кончилось? Ну, мы сейчас... Черт! И виски тоже ни капли не осталось!

Генри взглянул на меня и неловко улыбнулся. Он уже набрал в грудь воздуха, но я подал ему знак молчать.

Папа продолжал:

— Допустим, пользуясь в качестве предлога моим состоянием здоровья, драгоценная женушка иногда убирает из бара несколь-

ко бутылок. Это я еще могу понять. Однако мне кажется, сейчас дела обстоят куда хуже. Уж не посягнула ли она на святое и не вылила ли все спиртное вообще? Возмутительное, неслыханное надругательство. Придется немедленно призвать виновника к ответу.

Сказав это, исполненный достоинства отец вышел из комнаты.

— Сиди тут, — велел я Генри.

Я шмыгнул к себе, схватил бутылку виски, припрятанную когда-то про запас, и вернулся в гостиную.

— Джеймс! — воскликнул мой друг. — Ты же не хочешь...

— Именно! — подтвердил я, бросаясь к бару.

Я наполнил две бутылки, которые мы распили вчера, принесенным виски, и как раз успел плюхнуться рядом с Генри и спрятать опустевшую емкость за спину.

Дверь в комнату открылась и вошел отец, твердо держащий за руку маму. Та, явно озадаченная, следовала за ним. Папа открыл бар, грозно сверкнул глазами и прогремел:

— Кто вылил бренди и виски?

Ничего не понимающая мама посмотрела внутрь, затем с нескрываемым волнением повернулась обратно к отцу.

— Эдвард, — пробормотала она, — тебе бы к окулисту сходить.

Я краем глаза глянул на Генри. Тот еле сдерживался, чтобы не рассмеяться.

— Неужели? — патетически воскликнул папа. — Это мне, чистокровному Стивенсу, сходить к окулисту? Да будет тебе известно: никто в нашей семье никогда не носил очков. Ну, максимум монокль. Даже мой дед, доживший до девяноста восьми лет, ни разу в жизни... Кстати, зачем мне окулист, дорогая? Не пытаешься ли ты намекнуть, что зрение у меня уже не то?

Мама молча вытащила вменявшиеся ей в вину бутылки и поставила дражайшему супругу под нос. Ошарашенный отец схватил их и стал внимательно осматривать.

Мама повернулась к нам:

— Еда готова. Проходите, садитесь.

Выходя из комнаты, она еще раз посмотрела на отца, который по-прежнему оцепенело разглядывал бар.

За обедом папа всеми силами пытался поддерживать беззаботную атмосферу. Поначалу это удавалось плохо: угрюмый Генри лишь молча ковырял вилкой еду. Однако, когда подали кофе, мы стали обсуждать Гудини, и мой друг обрел речь. Папа рассказал об одном из своих родственников, знавшем великого иллюзиониста лично.

— Ваш дядя был знаком с Гудини? — благоговейно повторил Генри.

Отец, смакующий сигару, задумчиво смотрел на вьющуюся струйку дыма.

— Дядя Ричард работал журналистом, — ответил он. — На американской земле ему неплохо удалось обосноваться и устроиться в чикагскую газету. Не помню уже названия, давно это происходило. Но как раз тогда имя Гудини прогремело на всю страну — он совершил очередной сенсационный побег. Ричард написал о нем статью, и они сблизились.

Мы с мамой удивленно глядели на отца. Он ни разу не упоминал при нас никакого дядю Ричарда. Видимо, придумал эту историю специально для Генри.

— Когда Ричард вернулся в Англию, — продолжил папа, довольный эффектом, произведенным на моего друга, — он часто рассказывал мне о нем. Гудини Великолепный. Гудини — король эскапизма. Необычайный человек!

Генри заворожено слушал.

— Более того, — продолжил отец с мечтательной улыбкой, — он обладал своеобразным чувством юмора. Одну историю дядя Ричард любил выделять из всех, и каждый раз чуть не плакал от смеха. Однажды Гудини пригласили на собачью выставку.

Он попросил Ричарда пойти вместе с ним. Их встретила группа дам среднего возраста, все страшно гордые за своих драгоценных питомцев.

Теперь я не сомневался, что отец лгал. Подобные истории соответствовали его стилю.

— В конце вечера там крутили фильм о бес-телесных материях. Собак заперли в специально подготовленной комнате, причем каждой отводилась отдельная клетка. Но едва лента началась, все услышали душераздирающий, «несобачий» звук. Отгадаете, какой? Мяуканье! Я не буду углубляться в то, как элегантные леди в золоте и старомодных шляпках бросились к дверям. Но картина напоминала курятник, в который запустили пуму!

Этого мама уже выдержать не могла. Она резко встала.

— Ты не принесешь коньяку, дорогая? — мягко спросил отец. И, повернувшись к Генри, продолжил: — Представь себе их изумление, когда обнаружилось, что вместо любимых собачек в клетках сидели кошки! Многие дамы тут же попадали в обморок. Пришлось вызывать несколько машин «Скорой помощи».

Ричард никогда не допытывался, как Гудини смог осуществить эту невероятную подмену, тем более что они весь вечер не отходили друг от друга.

— У него, наверное, был сообщник, — предположил Генри.

— Сообщник, — медленно повторил папа. — Заменить сорок собак на столько же кошек меньше чем за десять минут? Не знаю, не знаю...

Дверь открылась, и вновь вошла мама. Она поставила на стол три рюмки и памятную бутылку из-под бренди.

Отец разлил напиток и вернулся к неоконченной истории:

— Это еще не все. Немного погодя, — он поднял рюмку, — произошло еще одно чудо: всех кошек заменили обратно на собак! Невероятно, но правда.

Закончив, папа выдохнул и одним махом выпил янтарную жидкость. Мне показалось, что глаза у него вот-вот вылезут на лоб.

— Д-дорогая, — заикнулся он, — пожалуй, ты права. Вызови доктора, будь любезна. Я, кажется, теряю рассудок. Уже не могу отличить бренди от виски.

В полдень мы с Генри вышли погулять на пустошь. Хотя солнце всю светило, наши лица замерзли от холодного ветра.

— Джеймс, — сказал мой друг, — зря ты так подшутил над отцом. Особенно после того, как мы прикончили его коньяк.

— Не волнуйся, он заслужил.

Генри улыбнулся.

— Заменить бренди на виски легко, а вот собак на кошек — увы и ах. У мистера Стивенса живое изображение.

— Ты же его знаешь, — ответил я. — Он, может, когда-то и видел журналиста, знакомого с Гудини, но на том, вероятно, все и закончилось. Я ни разу до сегодняшнего дня не слышал ни о каком дяде Ричарде.

Однако папа явно добился цели. Он смог отвлечь моего друга от ужасных событий, а это уже немало.

— Гудини! — мечтательно пробормотал Генри. — Что за необычайная личность! Настоящий феномен! Самородок! Знаешь, Джеймс, я прочитал книгу, которую нам тогда показывал инспектор. Даже два раза.

— Кстати, у тебя на него зуб за те обвинения?

— Нет, — категорично ответил Генри. — У него работа такая. Кстати, Дрю совсем не глуп. А его решение загадки запечатанной комнаты вообще блестящее. Понятно, он не располагал всеми фактами, но ведь и без них его теория недалеко от истины.

— Генри, — воскликнул я в ужасе. — Ты же не...

— Да нет, конечно. Но я знаю, как все происходило. Благодаря тебе, кстати.

— Мне?

— Твоим рассказам. Помнишь, ты говорил о странном ощущении, которое испытал при втором подъеме на чердак?

— Странное ощущение? Да, было такое. Только я по-прежнему не пойму, в чем оно заключалось.

— Бывает. Ты ясно увидел какую-то картину... но мозг отторг ее.

Я заважничал.

— Генри, не пора ли раскрыть карты? Это чудовище убило твоего отца! Разве ты не понимаешь? Молчание в данном случае преступно! Не говоря уже о том, что смерть мистера Уайта может оказаться не последней!

Генри внимательно посмотрел на меня.

— Ты до конца осознаешь ситуацию? Преступник — один из местных.

Я поежился. Перед глазами проплыли знакомые лица. Джон, Элизабет, Виктор, Элис, Патрик. Кто-то из них — безжалостный убийца. Нет, вряд ли Джон. И не Элизабет, конечно. И не Виктор. Но в таком случае остаются лишь его бывшие квартиранты?

— Генри, — ответил я после долгих раздумий, — а ведь Дрю всерьез подозревал Латимеров в убийстве твоего отца.

Мой друг глубоко вздохнул и покачал головой.

Практически весь обратный путь мы молчали. Лишь в конце Генри неожиданно призвал меня подумать о пропорциях.

— О пропорциях? — переспросил я в изумлении. — Это ты к чему?

— Именно они вызвали у тебя то странное ощущение, — глаза Генри заблестели. — Пропор-ци-и.

В моей голове заскрипели шестеренки. Мозг отказывался понимать последнюю фразу. Наверное, одновременно перестало функционировать и сердце, так как я больше не чувствовал ни капли жалости к несчастьям друга. Меня обуревало эгоистичное желание придушить его.

Полдня полиция рылась в доме Дарнли и осматривала окрестности. Явно взвинченный Дрю с неумолимым упорством посылал подчиненных в который раз осматривать углы и закоулки. Один из полицейских беспрестанно сквернословил, пока их группа работала за особняком. Дрю то и дело всех одергивал. «Ты можешь стоять прямо? Сборище деревенщин! Кто мне вас только послал?» — донеслось издали.

— Простите, шеф, споткнулся. Тут ничего не видно, повсюду один снег. Коряга, что ли, какая?

— Это в башке у тебя коряга! Может, теперь перестанем работать?

— Наш дорогой инспектор по-прежнему безупречно тактичен, — ухмыльнулся Генри.

Послышался голос Виктора — он предложил замерзшим детективам горячего чаю. Дрю, сожалея о потерянном времени, недовольно согласился, однако втайне был благодарен за возможность согреться.

Вскоре голоса смолкли. По крайней мере на некоторое время.

За ужином царил необычайная тишина. Я дулся на Генри, ибо он так и не раскрыл карты. Тогда никто еще не ведал, что зловещая история уже приближалась к жуткому финалу. Догадывайся я о нем заранее, многое бы отдал, лишь бы не видеть. А пока, увы, приходилось просто сидеть за столом, глядя в тарелку. В голове крутилось лишь одно слово: «пропорции». Домочадцы тоже закисло. Папа растерял всю самоуверенность и будто немного постарел. Он с хмурым видом медленно пережевывал пищу. Из жалости я объяснил ему, как бренди сначала исчезло, а потом превратилось в виски. Генри тактично закусил губу, но мама развеселилась. Отец свирепо посмотрел на меня. Единственное, чего он не выносил, — сарказма по поводу своей неуклюжести.

— Очень глупо, — сурово произнес он и вышел из кухни с высоко поднятой головой.

— Теперь всю неделю будет дуться, — подвела итог мама, взяв себя в руки. Она начала понимать, что ее оживление, учитывая недавние события, выглядело бестактно.

— Пожалуйста, прости меня, Генри, но я не могла сдержаться.

— Миссис Стивенс, — вздохнул мой друг, тронутый ее словами, — я ведь еще не поблагодарил вас за доброе приглашение. С момента смерти мамы... — его голос сбился, лицо потемнело.

За стеной пронзительно зазвонил телефон. Через мгновение послышался ворчливый голос: «Это тебя, Джеймс».

Выйдя в холл, я увидел только, как закрывается дверь гостиной. Отец явно рассердился сильнее, чем я сначала подумал.

Трубка лежала на столе. Я поднял ее.

— Привет, Элизабет!

В ответ раздался чопорный голос, совершенно не похожий на сестринский:

— Это Дрю.

— А, инспектор. Какими судьбами...

— Вы не могли бы зайти, молодой человек? Вместе со своим другом.

— Конечно. Куда?

— В соседний дом, к мистеру Дарнли.

Ваши сестра и зять уже здесь.

— Ладно. Что-то случилось?

— У меня серьезные причины так полагать, но подробности — при встрече.

— Хорошо, сейчас будем.

— Небольшой совет. Вы уж там поаккуратнее! Преступники все еще на свободе, ведите себя осторожно!

— Понял, — буркнул я, пораженный измученным видом лица в зеркале.

Через пять минут мы с Генри уже шагали к дому Виктора. На деревню опустилась ночь. Тусклый свет уличного фонаря на углу еле пробивался сквозь падающие хлопья снега. Впереди вырисовывались зловещие очертания особняка Дарнли. В темноте высились запорошенные фронтоны.

Дрожа, я толкнул калитку. Мы пошли по тропинке к парадному крыльцу.

Виктор открыл дверь.

— Заходите, давайте ваши пальто. Остальные уже в гостиной на втором этаже.

Мы двинулись в холл. Виктор, взяв нашу одежду, печально посмотрел на Генри. Тот глубоко вздохнул и потупился.

— Все хорошо, мистер Дарнли. Более или менее.

Мы побрели вверх по лестнице. В камине гостиной весело потрескивал огонь, источая приятное тепло. Однако убранство комнаты меня поразило. Где Элис откопала

такие обои? Как вообще можно было додуматься оклеить этой черной гладкой бумагой, напоминающей подкладку пальто, и стены, и потолок? Напротив двери располагался большой диван, застеленный ярко-красным бархатным покрывалом. Справа от камина стояло кресло такого же кричащего цвета. На дальней стене в тусклом свете вместо двух окон просматривалось лишь одно; второе же заслоняла огромная картина. По левую руку от двери на маленьком сундуке лежала колдовская книга с серебряной застежкой. Там же находился низкий стол, покрытый черной бархатной скатертью с серебряной бахромой. На нем сиял хрустальный шар. Вокруг стола стояло несколько мягких стульев. Тяжелые занавеси были подхвачены шнурами с серебряным орнаментом. Короче говоря, для полноты ощущений не хватало только гроба.

От круглой люстры из белого опалина струился молочный свет. Неярко горели и настенные лампы в форме факелов. Все это создавало зловещую атмосферу, лишней раз подчеркиваемую кроваво-красным ковром, устилавшим пол.

Картину, прикрывавшую окно, вероятно, когда-то намалевал Патрик. На темно-синем фоне его буйная кисть беспорядочно наложила черные мазки и пририсовала

мрачную луну, чьи-то трудно различимые тени, словно плывущие в вязком эфире, таинственные маски и руки в молитвенных жестах. Истинный шедевр дурного вкуса.

На таком фоне две фальшивые мраморные колонны возле стола выглядели даже вполне естественно. Как разумные, здравомыслящие люди могли позволить этой фантазмагории охватить себя? Я понял бы, если б на их месте оказался несчастный Виктор, но Латимеры?

Элизабет, съжившись, сидела на диване у очага. Рядом с ней расположился Джон. Старший инспектор Дрю стоял спиной к огню, держа локти на каминной решетке. Он заговорил, и сигарета, зажатая в зубах, задвигалась:

— Наконец-то все в сборе. Наверное, вас удивило это место, мистер Стивенс?

— Не то слово, — признал я.

Дрю повернулся к Виктору.

— Именно здесь и проходили спиритические сеансы?

— Не смейтесь над вещами, которых не можете постичь, инспектор, — вяло ответил Виктор. — Я согласен, Латимеры уехали крайне поспешно, но воздержитесь от обвинений...

— «Поспешно», — усмехнулся Дрю, — слишком мягкое слово. Они забрали только личные вещи. Мы полдня обследовали занимаемые ими этажи, мистер Дарнли. Латиме-

ры оставили даже кое-какие драгоценности, не говоря уже о костюмах и платьях. Посмотрим на улики трезво, господа. Это не планируемый отъезд, а торопливый побег.

Дрю замолчал. Я воспользовался возможностью и взгромоздился на диван рядом с Джоном. Сидеть оказалось не очень удобно. По всей видимости, Латимеры просто перетаскивали сюда старую тахту Дарнли, пружинное основание которой те обычно прикрывали матрацем. Патрик заменил его тремя тяжелыми диванными подушками и прибил деревянную спинку. К ней примостились еще три подушки. Я указал Элизабет на топорность работы, и она согласилась: «Показуха. Как и сами хозяева».

Старший инспектор с недовольством посмотрел на нас, призвал к тишине и продолжил:

— С исчезновения Латимеров прошло два дня. Полиция ищет их по всей стране вот уже двадцать четыре часа. Пока безрезультатно. Птички упорхнули, но я до них доберусь, помните мое слово. И еще одно. За последние три года, пока Латимеры жили здесь, их банковский счет значительно возрос. И я абсолютно уверен, что знаю источник дохода. Миссис Элис Латимер проворачивала неплохие делишки благодаря так называе-

мому дару медиума. К ней ведь приходило много посетителей, мистер Дарнли?

— Так называемый дар медиума? — вскинулся Виктор. — Миссис Латимер обладала истинным талантом. Если бы вы присутствовали хоть на одном ее сеансе, то могли бы убедиться предметно. Ну и разве не естественно, что она делилась знаниями с людьми?..

— За деньги, — прервал Дрю. — Обычная игра на доверчивости. Латимеры начали промышлять этим намного раньше, чем приехали сюда. Кстати, под фальшивым именем, из-за которого и замедлилось следствие. Я только сегодня утром получил необходимую информацию.

— Вы хотите сказать, что они шарлатаны? — всплеснула руками Элизабет.

— Совершенно верно.

— Боже мой! Патрик был таким милым, таким очаровательным!

Джон посмотрел на жену испепеляющим взглядом и передразнил, изображая ее жеманный голос:

— О господи! Да и Элис такая красивая...

— Ну, хватит! — перебила его Элизабет. — Я устала от твоей вечной ревности!

Джон умолк.

— Насколько я понимаю, — сказал Генри, — вы подозреваете Латимеров?

— Да, — уверенно кивнул Дрю. — Они убили и Фарра, и вашего отца. Их побег фактически равносителен признанию вины.

— Но за что? — вмешался я. — И каким образом?

Тонкие губы Дрю сложились в язвительную улыбку.

— За что? Ну, допустим, жертвы вскрыли их мошеннические схемы. А на вопрос «как» я пока не готов ответить точно. Но не сомневайтесь: когда мы схватим эту парочку, они моментально расколются.

Тем не менее я не прочь поделиться мыслями о смерти мистера Уайта. Знаем мы немного. Преступление произошло около десяти вечера. Вокруг здания на снегу нет отпечатков — конечно, кроме следов тех, кто обнаружил тело. К моменту прибытия полиции убийца исчез. Значит, как бы невероятно это ни звучало, он сбежал из дома.

Теперь вспомните. Заднюю дверь, ведущую в сад, обнаружили открытой. Примерно в пяти ярдах от двери растет дерево, а немного дальше — еще одно. И еще, их целая цепочка. Преступник вполне мог заранее привязать веревку между дверью и деревом, затем между первым деревом и вторым и так далее. Таким образом, вполне реально улизнуть, не оставив следов. А специальные узлы

позволили бы так же бесследно отвязать веревки.

— Остроумно, — злобно ухмыльнулся Генри. — Но разве веревки не могли упасть?

— А если поддеть их какой-нибудь длинной палкой? — промямлил Дрю. — Я ведь только строю гипотезы. Вот вы же акробат, молодой человек. У вас есть мысли получше?

— Если честно, вариант с веревками лучше сразу исключить, — ответил Генри. — Тут нужно слишком много реквизита. Но даже если принять вашу версию, то убийце требовалось подготовиться, чтобы никто не заметил. А мы с отцом весь день сидели дома, до самого вечера. К тому же никто не знал, когда начнется и кончится снег. Поэтому вы — как там говорится? — всего лишь теоретизируете.

— Пожалуй, вы правы, молодой человек, — с сожалением признал Дрю.

Наступила тишина.

Вина Латимеров не представлялась очевидной. У них могла быть причина для убийства мистера Уайта: предположим, тот что-то пронюхал. Но зачем разделяться с Бобом Фарром — человеком совершенно незнакомым? Нет, инспектор ошибался. Убийца явно находился среди нас.

Элизабет нарушила молчание.

— Джон, какая у тебя холодная рука!

— Ты о чем, дорогая?

Дрю, погруженный в свои мысли, расхаживал перед камином взад и вперед. Он бросил окурок в огонь, а затем громко прочистил горло.

— Теперь вы в курсе, кто преступники. Да, они сбежали, но куда — неизвестно. Может, их следует искать где-то рядом. Для этого я вас всех и собрал. Хотел предупредить: наши подозреваемые напуганы и почти загнаны в угол, а потому вдвойне опасны. Но повторяю: их арест неизбежен, — добавил старший инспектор, грозно сверкнув глазами. — И когда я доберусь до этих субчиков, крайне неприятный часок-другой им гарантирован. Вспомнят еще, как шутить с полицией.

Хорошо бы сначала вам их найти, подумал я, ерзая на диване. Сидеть стало совсем неудобно — набивка сползла куда-то вниз.

— Джон, ты, наверное, замерз, у тебя рука просто ледяная.

Раздраженный Джон вскочил на ноги и повернулся к жене:

— Да откуда ты знаешь, какие у меня руки?

Дрю, не обративший внимания на молодое семейство Дарнли, в который раз повторил:

— Просто подождите, пока я их не сцапаю! — Он хищно сжал кулак.

— С чего ты взяла? — не унимался Джон. — Вот! — он сунул обе руки под нос моей сестре.

Элизабет вздрогнула. Ее лицо стало белым, словно мел. Она еле слышно пролепетала:

— Рука... ледяная...

Джон отступил назад, его глаза широко распахнулись.

Я поднялся и приблизился к Элизабет. Но что за черт? Она сжимала руку, торчащую из-под тахты, где подушки прикасались к спинке.

Моя сестра потеряла сознание. Я подхватил ее на руки, чтобы перенести с дивана. Дрю резко отбросил три подушки в другой конец комнаты.

Убийца вновь нанес удар. Тела Элис и Патрика лежали у основания тахты, ободранного пружинами.

Пол словно поплыл под нашими ногами. Ситуация не поддавалась никакой логике. Но единственное, в чем я был абсолютно убежден, — круг подозреваемых сузился еще сильнее. Убийца совершенно точно находился в комнате среди нас, а его личность угадывалась по пальцам одной руки. Генри — раз, Элизабет — два, Джон — три, Виктор — четыре, пять — может, сам инспектор Дрю?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

АНТРАКТ

Конец. Вот это сюжетец!
Если доктор Твист сможет найти выход из такого лабиринта, я съем собственную шляпу.

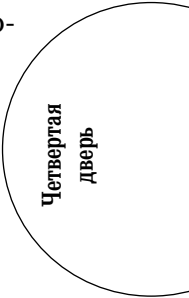
Но, прежде чем продолжить, наверное, лучше бы мне представиться. Рональд Бауэрс, детективный романист, более известный под псевдонимом Джон Картер. На дворе 1979 год, и мне, грубо, пятьдесят лет. Говорю «грубо» по простой причине: я не знаю точной даты своего рождения. Впрочем, это уже другая история.

А то, что вы сейчас прочитали, — чистейший вымысел.

Джеймс Стивенс, Генри Уайт, Элис и прочие оставшиеся во вселенной, зародившейся в моей голове пару недель назад, — всего лишь результат пари с доктором Твистом.

Они все выдуманы.

Не стану оскорблять ваш интеллект, лишний раз описывая прославленного доктора криминологии Алана Твиста. Конечно,

Четвертая
дверь

вы уже его знаете. Выдающийся ум, благодаря которому было раскрыто не одно самое невероятное преступление. Возможно, доктор Твист не так молод, как раньше, но ему по-прежнему частенько приходится консультировать Скотленд-Ярд. Несмотря на то что в последнее время он редко покидает дом, любовь к садоводству поддерживает его в форме, а разум совершенно не потерял остроты.

Пару недель назад доктор Твист пригласил меня к себе. Когда мы с ним видимся, каждый раз беседуем лишь на одну тему: о преступлениях. Само собой, тот вечер исключением не стал.

— Мой дорогой Рональд, — начал он. — Хочу кое в чем по секрету вам признаться. Я прожил целую жизнь, изобличая самых хитроумных убийц и раскручивая самые запутанные цепочки событий. Но есть одна вещь, в которой мне так и не удалось преуспеть, несмотря на весь обширный опыт.

— И что же это?

— Я так и не написал ни одного детективного романа. Банально не знаю, с чего начать. Мне кажется, извините за нескромность, я смог бы раскрыть любую тайну, а вот придумать ее — совсем другое дело. Несколько раз пытался, но ничего стоящего не вышло.

— Так ведь громоздить таинственные явления несложно; проблема-то и заключается в том, чтобы впоследствии не опозориться с развязкой. Поверьте мне как писателю — я знаю, о чем говорю. Вы явно меня разыгрываете. Уж с вашим-то опытом это сущий пустяк.

— Понимаете, я вполне способен объяснить то, что на первый взгляд кажется невозможным. Но когда надо выдумать сюжет, фон и персонажей, мой мозг почему-то намертво блокируется. Ну нет у меня фантазии!

— То есть вы не шутите?

— Поэтому я и призываю на помощь величайшего детективиста из ныне живущих — Рональда Бауэrsa, он же Джон Картер.

— Вы слишком любезны, доктор, но есть много других писателей, которые...

— Нет. На сегодняшний день вы, несомненно, лучший. Фактически единственный, кто продолжает сочинять настоящую классику. Ваши современники заменили драматизм и головоломки сексом и жестокостью. Позволю себе даже назвать вас непревзойденным ценителем подлинного детективного романа.

— Спасибо, доктор, но давайте не будем перебарщивать. А моя-то роль какова?

— Я предлагаю поработать в соавторстве. Ваша часть — обстановка, герои с необычными характерами и сюжет. Допустим,

убийство в запертой комнате. Можете примешать туда злых духов или что-нибудь подобное. Понимаете, к чему я клоню?

— Безусловно.

— Другими словами, я прошу вас хватить через край. Придумать совершенно невозможную тайну, не беспокоясь о решении. Ведь решение напишу я.

— Признаю, мысль интригующая, но, к сожалению, невыполнимая. Писатель должен понимать все ключи к загадке, прежде чем браться за работу. Ну, накатаю я совершенно невообразимую историю, не заботаюсь о рациональном объяснении. Но вы, доктор, просто не сможете его истолковать. Повторяю: разгадку необходимо знать наперед.

— Мой дорогой Рональд, так вы хотите попробовать? Да или нет?

— Хорошо, вы сами напросились. Но предупреждаю вас здесь и сейчас: таинственные события будут накладываться одно на другое, и в совокупности вы их никогда не раскусите!

— Ну, посмотрим, посмотрим.

Потому-то я и сочинил вышеуказанную историю. Должен признать, она меня захватила. Какое удовольствие, какое сладостное блаженство — выдать абсолютно фантастическую тайну, совершенно не заботясь

о разгадке. Целая стопка страниц появилась практически одновременно, меньше чем за десять вечеров. Я великодушно позволял себе пропускать рюмочку-другую виски, что в рабочее время делаю крайне редко. Так же, нарушая привычный стиль, я писал от первого лица. Рассказчик, Джеймс Стивенс, получился одним из главных героев. Надеюсь, Твист не сделает беднягу убийцей, хотя тут уж на все его воля. Но вообще-то повествователь быть преступником не должен. А в данном случае у него железное алиби на время смерти и Боба Фарра, и Артура Уайта. Злодеями вполне могли бы стать Латимеры — я о них подумывал в таком ключе, но затем вычеркнул на последних страницах, дабы и тут не облегчать Твисту задачу. Всегда остается возможность реинкарнации Гудини в облике юного Генри Уайта (что может быть естественнее, чем приплести его из сердцевины всей тайны?). Генри обвинял своего отца в смерти матери, значит, сам мог сострять какой-нибудь невероятный план. Но специально для Твиста я прикрыл и эту лазейку. Пусть теперь выпутывается! По крайней мере, я его предупредил.

Завтра отошлю ему рукопись. Сколько у нас сейчас времени? Посмотрим-ка... Ага, три утра. Удивительное дело. Я трудился почти восемь часов подряд, хотя обычно преры-

ваюсь даже в моменты наивысшего вдохновения. Как же все-таки меня поглотила наша за-тея! Я только спрашиваю себя...

Мои мысли прервал телефонный звонок. В такой час это мог быть только Джимми. Я поднял трубку.

— Алло?

— Рональд, надеюсь, я не вытащил вас из постели?

— Об этом нужно думать прежде, чем набирать номер, Джимми. Впрочем, нет, я только что закончил главу.

— У меня появилась изумительная идея. Совершенно великолепная. Вот и звоню сейчас, пока не запамятовал. Может, пригодится для следующего романа.

— Слушаю.

— В общем, есть парень, который влезает в рыцарские доспехи, знаете ли. На глазах у друзей, конечно. Так вот, проходит время, и они начинают нервничать. Понимаете, пока вся компания смотрела на него, он ни разу не шевельнулся. Разумеется, все почували неладное. Доспехи снимают... и, отгадайте, что?

— Парень исчез.

— Нет, намного лучше. Он все еще там, но мертвый. Стоит с перерезанным горлом. Неплохо, а?

— Довольно оригинально. И как все было проделано?

— А, ну этого я не знаю. Тут уже ваша работа. Не сомневаюсь, вы сможете придумать что-нибудь эдакое. Главное, сама мысль хороша, а?

— Да, стоит обмозговать. Ладно, мне пора спать. Встречаемся завтра в «Белой лошади»?

— Хорошо, старина. Уверен, вы сможете сделать из моей задумки конфетку. Например, действие может происходить в старом фамильном поместье, где живут далекие потомки Си-ней Бороды.

— Завтра, Джимми, завтра. Спокойной ночи.

Я повесил трубку и вздохнул с облегчением.

Джимми — славный малый, но иногда раздражает, как кость в горле. Ему тоже под пятьдесят. Когда-то он ставил пьесы, но слишком пристрастился к бутылке. Работы у него не осталось, жена ушла — в общем, жизнь незавидная. Чтобы поддержать в нем самоуважение, я предложил ему выдумывать за небольшую плату идеи для моих романов. Он согласился и с тех пор постоянно бомбардировал меня «великолепными» сюжетными ходами. Мне не хотелось расстраивать Джимми, и одна или две его мысли вошли фоном в парочку новелл. Большого я не мог — слишком уж несуразными и притянутыми за

уши оказывались эти предложения. В точности как история, которую я отправлю Твисту. Кстати, раз уж она опять вспомнилась, признаюсь: пара-тройка идей Джимми вполне могли прокрасться в мое подсознание и отразиться на бумаге. Что-то есть там в его стиле. Красной нитью проходит какая-то блажь... Черт, да я работал чисто интуитивно, а проклятый Джимми теперь будет мерещиться везде! Надо теперь записывать его задумки, иначе сам запутаюсь.

Пятнадцать минут четвертого — уже, дружище Рональд, и вправду пора в кровать.

Я увидел отражение Джимми во французском окне соседней комнаты. Он придирчиво разглядывал садовника, подрезающего розы. Заметив меня, Джимми запустил пальцы во вьющиеся волосы и повернулся.

— Итак, Рональд, как поживает тот парень, которого обнаружили с перерезанным горлом в доспехах? Помните, да? Я звонил вам около трех утра десять дней назад.

Десять дней назад? Вон, оказывается, сколько прошло времени с того момента, когда я послал доктору Твисту рукопись. Ответа пока не получил, впрочем, не очень-то и ждал. Даже выдающемуся криминологу не по силам объяснить необъяснимое.

— Да, — безучастно ответил я, не слишком пытаясь скрыть безразличие. — Я о нем думал, но не особо продвинулся.

Джимми подошел к моему столу и взял лежащую на нем книгу.

— Ролан Лакурб «Гудини и его легенды», — прочел он, листая страницы. — Удивительный малый этот Гудини. Помогла вам книжка?

Я поднял глаза. Широкое лицо Джимми, обрамленное завитками сидящих волос, выражало беспокойство.

— Если я вам надоедаю, — пролепетал он, — только скажите.

— Конечно, нет. Что за мысль! Слушайте, может, выпьем по стаканчику? Бренди вон там, наливайте.

Джимми, по всей видимости, только и ждавший этого момента, немедленно повиновался. Трясущейся рукой он поставил один стакан на мой стол, а второй залпом опустошил сам.

— Рональд, — произнес он, — хочу поговорить с вами откровенно. Мне кажется, я вас только обременяю. Мои идеи вам неинтересны, и...

— Да полно! Без ваших идей известный Джон Картер давным-давно ушел бы на покой. Знаете, я всегда поражался, откуда вы черпаете вдохновение. У меня складывается

ощущение, что ваш талант к мистификации развивался еще с пеленок.

— Да, кое в чем я не потерял форму, — скромно подтвердил Джимми, выпивая вторую порцию бренди.

Подобные сцены происходили довольно регулярно. Джимми вообще необходимо периодически хвалить, чтобы он не расклеился окончательно.

— Согласен, — обыденным тоном сказал я. — Разве не вы несколько месяцев назад предложили сюжет, завязанный на Гудини?

— Нет, — категорично провозгласил он.

— Точно?

Джимми посмотрел мне прямо в глаза.

— Я никогда не разговаривал с вами о Гудини, Рональд. Кстати, тема действительно могла бы стать интересной. Тут нужно подумывать. — Он шагнул к французскому окну. — Почтальон пришел. Давайте я схожу за письмами.

Джимми вышел и почти сразу же вернулся.

— Вот и я, — сказал он, положив несколько конвертов на стол. — Ладно, мне, пожалуй, пора. Оставляю вас наедине с работой, а сам пойду развеюсь.

Один из конвертов оказался больше остальных. Давайте-ка поглядим, кто его отправил. Доктор Твист!

Я торопливо вскрыл послание. Внутри находилась дюжина отпечатанных листков, последний же был подписан от руки.

«Дорогой Рональд!

Здесь объяснение Вашей загадки. Я начал с того места, на котором остановились Вы — с обнаружения тел Патрика и Элис, — и тоже писал от первого лица. Ключ к решению нашелся сразу же, вся ваша история предполагала лишь одно толкование. Но все равно признаю, что получил несказанное удовольствие от работы. Пожалуй, возможность написать эпилог для меня и впрямь ценнее самого раскрытия тайны.

Большого пока сказать не могу. Подробности обсудим при встрече.

Засим остаюсь и т.д...»

«Ключ к решению нашелся сразу же»? То есть доктор Твист действительно объяснил невозможное и связал все нити в один узелок? Ну-ка, ну-ка...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

ОБЪЯСНЕНИЕ

У меня кружилась голова. Джон буквально выхватил Элизабет из моих рук. Гробовую тишину среди перепуганной горстки людей нарушил голос Виктора:

— Да, ничего другого и быть не могло. Патрик и Элис никогда не уехали бы, не попрощавшись. Вот вы их и поймали, инспектор...

Абсолютно сбитый с толку Дрю промолчал. Он присел на корточки и стал разглядывать тела. Немного погодя старший инспектор поднялся и трясущейся рукой зажег сигарету.

— Им, должно быть, несладко пришлось перед смертью, — произнес он с легкой дрожью в голосе. — На животе у каждого по несколько рубцов. Обоих зарезали примерно сорок восемь часов назад. Если судить по их одежде, посреди ночи. Каждый смертельный удар пришелся прямо в сердце.

— Но где же машина и чемоданы? — воскликнул я. — Кто же...

— Убийца, — перебил меня Дрю. — Это очевидно. После расправы над Латимерами он избавился от их вещей, чтобы все выглядело как внезапный отъезд.

— Господи! — простонал Виктор. — В моем доме, над моей головой, пока я спал!

Дрю посмотрел ему в глаза.

— Убийца сильно рисковал. Для такого необходима крайне веская причина. Хотя тут есть и определенный парадокс. Несмотря на то что мистер Дарнли мог в любой момент проснуться, преступник, не спеша, мучает жертв. Любопытно. Очень любопытно.

— Где я? Ох, Джон, пойдем отсюда! Я больше ни на секунду здесь не останусь!

Джон, все еще держащий жену в объятиях, принялся ее утешать:

— Любимая, постарайся не вспоминать. Пошли домой. — Он повернулся к Дрю: — Вы не возражаете, инспектор?

Тот молча покачал головой.

— Мне уже лучше, дорогой, отпусти меня.

Джон и Элизабет направились к двери.

Увидев, как у снохи подкашиваются ноги, Виктор, немного поколебавшись, обратился к Дрю:

— Я провожу их. В такой темноте слишком легко упасть и пораниться.

— Хорошо, но будьте осторожны.

Когда все Дарнли ушли, в гостиной вновь воцарилась тишина. Дрю недоверчиво покачал головой.

— Я уже ничего не понимаю

— Инспектор, — сказал Генри, — не позволяйте двум мертвецам сбить себя с толку. Тут преступление особенное, не связанное с предыдущими. — Он подошел поближе к дивану. — Ваша теория была правильной. Эти люди, — мой друг указал на Латимеров, — и есть бандиты, которых вы искали. Мошенники и убийцы!

Глаза у Дрю зажглись привычным блеском.

— Вообще-то да, могло найтись несколько человек, которых они одурачили, и данный случай не имеет ничего общего с другими. Почему я раньше не подумал?..

— Теперь Латимеры мертвы, — продолжил Генри, — и у меня не осталось причин молчать. Присядьте, пожалуйста. Моя история довольно долгая.

Мы заняли места вокруг стола с хрустальным шаром. По просьбе Генри в комнате выключили все освещение, лишь в камине тускло мерцал огонь.

Мой друг побарабанил пальцами по маленькому столу. Внезапно шар словно вспых-

нул, испуская поистине магические лучи, и мало-помалу вся комната сжалась до одного источника света, мягкого, гипнотического, убаюкивающего. Дрю не отрывая глаз смотрел на сияющую сферу. Я тоже будто впал в транс. Факт, что в комнате находились два трупа, больше никого не заботил.

Генри позволил нам напиться этим странным светом и начал говорить:

— Да, прибавьте сюда пару хитроумных трюков, и вы будете готовы поверить в существование оккультных сил. Не нужно стыдиться. Таким нехитрым способом одурачили многих далеко не глупых людей. Моего отца, например. Причем ему не просто показали фокус. Он потратил на тех двух так называемых медиумов, которые сейчас лежат под диваном, приличную сумму денег.

Все началось с самоубийства миссис Дарнли. Она действительно покончила с собой, несмотря на слухи. После ее смерти сраженный горем Виктор потерял рассудок. Его бизнес прогорел, и часть дома пришлось сдавать. Вот она, первая тайна: по ночам жильцы слышат шаги на чердаке, а соседи замечают таинственные огни из той самой комнаты, где миссис Дарнли рассталась с жизнью. Объяснение здесь — проще некуда. Разумеется, не кто иной, как отчаявшийся Виктор, ходил

наверх в надежде встретиться со своей безвременно ушедшей супругой.

Но люди уезжают одни за другими, и дом приобретает странную репутацию. Его якобы посещают призраки. Слухи распространяются и достигают ушей Латимеров — мошенников, играющих с оккультизмом. Особняк с привидениями, только представьте! Идеальная среда, чтобы облапошивать людей!

Итак, они вселяются к Дарнли. Их сосед, мой отец, оказывается известным писателем, который недавно тоже потерял жену. Латимеры немедленно осознают, как из его горя извлечь выгоду, и тут же при всех демонстрируют несложный, но аккуратный трюк. Мы слышим голос моей мамы из уст Элис.

— Так это тоже махинация? — воскликнул я.

— Конечно. Поймите, прочитать запечатанное послание достаточно просто. Тут нужен лишь длинный, тонкий пинцет. Его вставляют в щель у верха открывающегося края конверта. Клея там нет. Остается подцепить лежащее внутри письмо, после чего пинцет поворачивают. Бумага скручивается, и ее можно вытащить. Назад же она вкладывается строго по противоположной схеме. При должной сноровке всю операцию можно проделать даже в темноте. Понимаешь мою мысль, Джеймс?

— Да, но...

— Перед тем, как Элис притворилась, что она в трансе, Патрик устроил трюк со светильником возле окна гостиной. Между патроном и лампочкой он поместил металлическую пластинку, чтобы при каждом нажатии выключателя во всем доме вылетали пробки.

Затем свою роль играет Элис. Патрик хвалится способностями жены в общении с загробным миром и предлагает моему отцу их испытать. Папа колеблется — тогда весь этот мистицизм еще казался ему подозрительным — но соглашается. Поэтому он пишет вопрос погибшей маме и кладет послание в конверт, который заклеивает и оставляет на столе. Патрик идет к окну — а точнее к настольной лампе — и ждет вспышку молнии, чтобы все подумали, будто пробки вылетели из-за нее. Когда свет гаснет, он вытаскивает бумажку, бросает пустой конверт на стол и вновь проходит к тому месту, где стоял. Вскоре электричество включается.

Не знаю, помнишь ли ты, Джеймс, но в тот момент Патрик то и дело смотрел себе под ноги. На самом деле он читал папин вопрос, лежащий на ковре за креслом. Через несколько секунд, под прикрытием другой молнии, Патрик задевает выключатель снова, и дом во второй раз погружается в темноту.

— Подожди, Генри, мы же не полные идиоты. Думаю, я смогу продолжить сам. По-

ка снова не включился свет, Патрик засовывает бумажку обратно в конверт и кладет его назад, на место. Подожди-ка секунду, я начинаю напоминать. Элис все еще лежит, будто без сознания, и любящий супруг якобы шепчет ей на ухо сладкие утешения, а на самом деле сообщает вопрос мистера Уайта. Затем Латимеры роняют лампу на пол, чтобы «случайно» разбить ее. Больше работать она не будет, а значит, никто и не подумает искать пластинку. Ну, и перед тем, как уйти, превосходно рассчитав время, Элис сообщает ответ «твоей матери». Должен признать, в целом все выглядело эффектно.

— Настолько эффектно, что папа поверил в духов. И, разумеется, никуда не делся Виктор, который не сомневался в их существовании со смерти жены.

Белые начинают и выигрывают. С того момента отец стал регулярным клиентом Элис. Он ходил к ней за «консультациями» в эту самую комнату много раз. Не буду распространяться о качестве лапши, навешанной ему на уши. Но он рассказывал, как часто общался с мамой.

Дрю улыбнулся.

— Надо полагать, за определенные вознаграждения миссис Латимер.

— Причем немалые. Я бы сказал, далекие от ваших самых смелых представлений.

— Но, Генри, ты-то знал, что они его просто дурили. Почему ты молчал?

— В смысле? Разве ты не помнишь наши постоянные ссоры? Я призывал его быть осторожнее, но он не хотел и слушать меня.

— Призывал быть осторожнее — и все? Почему ты не рассказал об их уловках?

Генри покраснел.

— Я не мог, Джеймс, не мог. Латимеры нейтрализовали меня с самого начала.

— Каким же образом?

— Я безумно втрескался в Элис. Мы стали любовниками. Этой женщине невозможно сопротивляться, Джеймс. Она буквально околдовала меня. Сначала ее поразили мои фокусы. Разумеется, на самом деле Элис понимала, что я мог порушить их планы. Она просто шла напролом к цели. Но тогда... Мы планировали невероятные проекты. Порой я все еще слышу ее слова: «Мы бросим весь мир к нашим ногам, дорогой. Это будет нечто фантастическое. Но сначала я должна позаботиться о собственной репутации. Генри, любимый, помоги мне. Прошу, не рассказывай отцу, что мы с Патриком его обманываем. Он занимает видное положение и сможет замолвить за нас словечко перед важными людьми. Не думай, будто мы обираем его! Разве ты не видишь, насколько мистер Уайт счастлив? Он искренне

верит, что может связаться с женой. Деньги, которые он тратит? Но, милый, когда мы запустим наше собственное шоу, пригодится каждый пенни. Да, я скоро получу развод. Ты же понимаешь, Патрик ничего для меня не значит. Просто немного подожди, клянусь».

Я не видел выхода, оказавшись между двух огней. С одной стороны, папа тратил на Латимеров баснословные деньги. Меня беспокоила его доверчивость, но как вразумить того, кто не желает слушать? С другой стороны, Элис с такими возбуждающими обещаниями!

Именно ей пришла в голову идея воскресить призрака, расхаживающего по чердаку. Естественно, она все время знала, что Виктор по ночам туда поднимается. Отгадайте, кто занял место Виктора? Правильно, Генри! Конечно, я поначалу возражал, но отказать Элис не способен никто. Ее чарам невозможно сопротивляться. В подробности уж углубляться не буду.

— Значит, это тебя слышали Джон, Виктор и твой отец! — воскликнул я.

— Да, — пробормотал Генри, закрывая лицо руками.

— Но там никогда никого не было! Джон может подтвердить.

— Каждый раз я в последний момент выскальзывал на крышу и залезал выше, на фронто́н. Мне это раз плюнуть.

— Но, когда Джон осматривал комнату, окно всегда оказывалось закрытым.

— Его запирала Элис, пока все возились.

— Толково, — тяжело вздохнул я, раздосадованный, что не додумался сам.

— То же самое происходило и с другими свидетелями, к вящей выгоде Латимеров, само собой. Для Виктора полуночным посетителем была, конечно же, миссис Дарнли. Подумай сам. Он столько лет ждал ее возвращения! Я не мог не использовать такую *naivete**. Поверь: мои нервы расшатались до предела.

— Прекрасно помню. Ты то и дело огрызался.

— Мы с отцом все чаще ссорились. Элис же не хотела разводиться и просила меня потерпеть. И однажды я принял решение. Либо она уезжает со мной, либо мне придется рассказать всем, как Латимеры дурачат людей. Я пошел к Элис и прижал ее к стенке, так сказать. Она плакала и умоляла, пыталась сделать все, чтобы заставить меня передумать, но я оставался непреклонен. А затем удар по голове — и память моя обрывается. Я пришел в себя, привязанный к кровати и с кляпом во рту. Патрик сидел рядом, поигрывая длинным тупым ножом.

Я сидел, остолбенев от ужаса. Но мои мышцы сковал не вид ножа Патрика, а то, как Латимеры смотрели друг на друга. Элис

---

* Наивность (*фр.*).

соблазнила меня, пытаюсь вывести из игры, с согласия мужа! Я оказался игрушкой, разменной монетой у двух прощелыг, готовых пойти на все ради своей цели.

Я ничего не значил для Элис. До сих пор иногда вижу ее улыбку. Ту самую, когда она говорила Патрику: «Оставлю-ка вас наедине». Сначала Латимер пытался купить мое молчание. После моего отказа в его глазах мелькнула садистская искра. Этот человек решил убить меня. «Что ж, — сказал он, — ты не оставляешь мне другого выбора». Но именно жестокость побудила его совершить ошибку. Вместо того чтобы нанести один резкий удар, Патрик стал с живодерской неспешностью вдавливать нож мне в живот.

Когда-то я хорошо знал нескольких факиров, которые могли пронзить себя насквозь тупым мечом. Поскольку оружие не заострено и вводится в тело медленно, внутренние органы расталкиваются по сторонам, а протыкается лишь мышечная ткань.

Это знание оставило мне единственный шанс на спасение. Я сжал зубы за кляпом. Боль была невыносимой, перед глазами все плыло. Силы покинули меня, и я отключился.

Когда я с трудом пришел в себя, ужасные рези в животе еще не прекратились. До моих ушей донесся какой-то повторяющийся

шум. Патрик выкапывал яму. Он решил, что я умер, и собирался спрятать труп! Закончив рыть, Патрик толкнул меня, и я свалился в могилу. Не очень, кстати, глубокую, порядка трех футов. Падая, я рефлекторно выгнул спину, и это позволило оставить между телом и стенкой ямы небольшой запас воздуха. А дальше мне пришлось принять одно из тяжелейших решений. Логика тут простая. При малейшей попытке подняться он наверняка добил бы меня лопатой. Значит, лучше притвориться мертвым, а затем попытаться вылезти. Когда первые комья земли упали мне на спину, поневоле вспомнился Гудини. Он хоронил себя на шестифутовой глубине и тем не менее выбирался на свободу. Конечно, его талант не сравнить с моим, но и на меня давило в два раза меньше земной толщи. Я изо всех сил контролировал дыхание, пытаюсь экономить воздух...

— И все-таки вырвались! — воскликнул Дрю, пораженный историей моего друга.

— Еле-еле, — кивнул Генри. — Сложнее всего оказалось преодолеть страх. Куда проще рассуждать, чем не шевелиться, когда тебя хоронят заживо, уж поверьте.

— Все сходится, — провозгласил Дрю. — Мистер Уайт увидел Патрика, когда он нес вас в сторону леса, чтобы закопать там, и пошел следом. Тот заметил его и проломил череп.

Наверное, после этого Латимеры сильно удивились, узнав, что ваш отец не умер. Представляю ход их мысли: когда он обретет память и заговорит, связь между исчезновением Генри и телом, которое несла та самая «тень», станет очевидной.

Нужно срочно выпутываться. В деревне не знают, что Генри закопан в лесу. Расследования нельзя допустить, это слишком опасно. И Латимеры находят лазейку. Они заявляют, как видели затравленного Генри на вокзале Паддингтон. Ловкий ход, должен признать. Мало того, что Уайт-младший предстает живым, его еще и подозревают в покушении на отца — ведь все окрестные жители знали об их жутких ссорах, после одной из которых он и скрылся. А поскольку в глазах Латимеров Генри мертв, ни одна душа, по их мнению, не способна доказать обратное. Задумка превосходная, но кто мог предугадать дальнейший поворот событий?

Генри ухмыльнулся.

— По фантастическому совпадению, Джеймс увидел меня на оксфордском вокзале. Тогда я не знал, что на папу покушались. Мне и без того было несладко. Женщина, которую я любил, предала меня, в сущности, убила. Отношения с отцом вконец испортились, более того, я сам помогал Латимерам дурачить его. Единственное, чего я хотел, — поскорее забраться в поезд и уехать из страны.

— Помнишь, что ты сказал мне тогда на перроне, Генри? «Мне пора. Люди слишком жестоки».

Мой друг кивнул.

— Ирония судьбы, — произнес Дрю. — Латимеры клялись, что видели вас около двенадцати тридцати в Паддингтоне, а вы в тот самый момент прощались с товарищем у оксфордского поезда.

— Интересно, что они подумали, услышав мои показания? — спросил я.

— Может, вернулись к могиле, которую выкопал Патрик, — предположил Дрю. — И увидели разрытую землю без единого намека на тело Генри. Но этого мы уже никогда не узнаем. — Он помолчал. — Прошло три года, а Латимеры все продолжали дурачить людей. Однако лично меня больше всего интересует, как они убили Боба Фарра... в опечатанной-то комнате! Да и что, собственно, делал здесь Боб Фарр?

— Находясь в Америке, — после небольшой паузы ответил Генри, — я часто мечтал приехать сюда. Поверьте, это возвращение представлялось мне особо пикантным для Латимеров. И, чтобы месть оказалась более сладкой, мы решили использовать сходство с Бобом. Представляете, сначала им наносит визит он, а чуть позднее — и я. Каково, а? Мошенники, заставлявшие людей верить

в духов, сталкиваются с парнем, которого собственноручно прикончили! Причем их кошмар предстает сразу в двух обличиях!

Разумеется, я предупредил Боба, насколько опасны эти люди. Он лишь ответил: «Если захотят поиграть грязно, я покажу им пару-тройку интересных штук», — и уехал, пообещав звонить каждые два дня.

О том, что произошло дальше, я могу только догадываться. Должно быть, Латимеры оглушили Боба и спрятали. Представляю себе их диалог:

«— Элис, успокойся, никакой это не призрак! Просто Генри оставался живым, когда я закапывал его, только и всего!»

— «Только и всего»! Замечательно, Патрик!

— Нужно разделаться с ним окончательно. У меня есть идея. Раз нельзя заставить тело исчезнуть, надо его обнародовать для всех!

— Да ты рехнулся! Ты нас на виселицу приведешь!

— Нет, слушай: мы должны внушить Виктору с Артуром, что миссис Дарнли все-таки убили, а ее дух, который уже несколько лет бродит по чердаку, жаждет мести. Предложим провести эксперимент по материализации в заранее осмотренной комнате, а потом там найдут тело Генри! Можешь представить

себе эффект? Да и нам эта затея на руку. Лишняя известность никогда не помешает.

— Хм-м-м... Звучит интригующе, но я боюсь. Нас моментально заподозрят.

— Не заподозрят. Вот мой план...»

— Ну или что-то в таком духе, — закончил Генри воображаемый диалог.

— Пока неплохо, — кивнул Дрю. — До этого места все сходится. Но каким образом Латимеры сохранили нетронутыми печати после убийства Боба?

Генри перевел взгляд на меня.

— Помнишь, Джеймс, о чем ты задумался, когда пошел на чердак во второй раз? Я тебе еще намекал о пропорциях. Скажи, ведь размеры коридора стали другими?

Пелена начала спадать.

— Кажется, да, — подтвердил я. — Вроде припоминаю. Хотя по-прежнему не могу разобраться...

— Меня тогда там не было, — продолжил Генри. — Но ваших рассказов оказалось достаточно, чтобы воссоздать для себя картину преступления. Это истинный шедевр, достойный опытных иллюзионистов. Итак, в чем же заключался замысел Латимеров?

Для начала не забывайте о планировке чердака, она в данном случае очень важна.

Коридор, оканчивающийся ширмой, которая полностью закрывает заднюю стену. По правую сторону — четыре двери, ведущие в одинаковые комнаты, но только в первой из них имеется хоть какая-то мебель. Обратите также внимание: двери сливаются со стенами, обшитыми темными дубовыми панелями. Фактически при скудном освещении вход в каждую комнату различим только по четырем белым ручкам из фарфора.

Что вы разглядели, в первый раз поднявшись на чердак? Свет, исходящий из самой последней комнаты (открытой, прошу заметить), из-за чего остальные дверные ручки отблескивали — и все. Вы видели не четыре двери, а одну. И три ручки.

Открытый проем на самом деле вел в третью комнату. Латимеры передвинули вперед ширму, а также свинтили ручки у первой, второй и четвертой дверей и прикрепили их с одинаковыми интервалами на стенных панелях. Понимаете? Между третьей комнатой и общим входом в коридор.

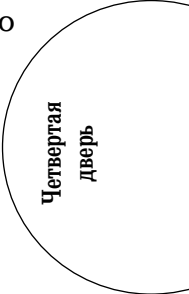
Благодаря тусклому освещению иллюзия получилась идеальной.

Все решили, что находятся в коридоре с четырьмя дверями по правую сторону, а последняя из них — открыта. Дабы лишней раз отвлечь внимание от ручек, Элис благоразумно встала к стене и направила го-

стей к третьей комнате, которую, таким образом, приняли за четвертую, роковую.

Полагаю, примерно в девять часов Патрик убил Боба. Тот уже лежал связанный и с кляпом во рту там, где в свое время встретила смерть миссис Дарнли. Затем Латимеры переставляют ширму и перевешивают ручки с дверей. Около девяти двадцати пяти Элис уходит из гостиной якобы подготовить комнату для материализации. В руках у нее — канделябр, коробка с лентами и монета для опечатывания. Кстати, это был единственный раз, когда данная гордость коллекции отца находилась не у него. О том, как Элис провела наверху те десять минут, вы можете догадаться и сами. Она опечатала скрытую ширмой четвертую дверь, за которой лежало тело Боба Фарра, убрала зажженный подсвечник в третью комнату и спустилась назад.

Патрик идет в холл за пальто и шляпой. Элис приводит вашу маленькую группку на чердак, к подготовленной и обставленной сцене. Ее супруг поднимается тоже, но, дабы люди приняли его за меня, Генри Уайта, неестественно меняет походку. И вот — он переступает порог третьей комнаты. Затем все остальные уходят, а дверь опечатывается. Разумеется, руками Элис, которая до того нанесла такой же отпечаток на истинном месте преступления. После небольшой паузы, когда все терпеливо

Четвертая
дверь

ждут этажом ниже, Патрик выходит. Он тщательно стирает следы воска, переносит ширму обратно, крепит дверные ручки на изначальные места и гордо удаляется с чердака, оставив тело Боба Фарра за запечатанной дверью четвертой комнаты. Обратите внимание: на покойного заранее натянули пальто и шляпу, похожие на одежду Патрика. А тот спокойно спускается в холл, где ему остается лишь исполнить следующую роль — человека, нокаутированного во время «похода к вешалке».

Превосходный замысел, разве поспоришь? Обман мог вскрыться только во время первого подъема на чердак, но, я уверен, Латимеры имели наготове историю и на этот случай. Все-таки тогда никто не подозревал, что наверху уже лежит труп. Все думали лишь о результате эксперимента. Виктор, единственный ориентирующийся в доме человек, слишком замечтался увидеть покойную жену и не заметил, как коридор стал короче. А когда Патрик расставил ручки по местам и передвинул ширму, уже ничего не связывало преступление с Латимерами, и оно таким образом приобрело сверхъестественный окрас. Все быстро осознали, что ни одно человеческое существо не могло проникнуть в запечатанную комнату, а по-другому объяснить происходящее не получалось. Я бы и сам ничего не понял, если бы

ты, Джеймс, не упомянул о странном ощущении во время второго подъема. Хотя мне точно были известны настоящие преступники.

— Действительно фантастический план, — признал Дрю. — Наверное, если бы мы тщательнее осмотрели чердак, то непременно обнаружили бы следы перестановки дверных ручек и ширмы.

— Вряд ли, — сказал Генри. — При таких ставках необходимо полностью стирать следы обмана. Не забывайте: мы имели дело с профессиональными мошенниками, а вдобавок на кону стояли их жизни. Конечно, поискать никогда не поздно, но максимум, что вы найдете, — крохотные отметины в стене, где крепились ручки.

Старший инспектор кивнул в сторону дивана.

— В любом случае, смысла уже нет. Преступники не взойдут на эшафот.

— Не хочу даже думать, кто прикончил этих стервятников, — со злостью процедил Генри, — но лично я не желал бы увидеть их убийцу на скамье подсудимых. — Он немного помолчал. — Бедный Боб, зря я отпустил его одного. Перед отъездом он пообещал регулярно давать о себе знать и даже звонил первые несколько дней, а потом пропал. Я слишком хорошо знал Латимеров, поэтому сразу понял,

что они устранили его, и примчался сюда первым же рейсом. Остальное вы знаете.

— Так почему же ты их не разоблачил, Генри? Твой отец мог бы остаться в живых.

— Наверное, — пробормотал мой друг. — Но я не представлял себе последствий. Такие люди способны на все, а доказательств против них не существовало. Полагаю, мое возвращение серьезно потрясло Латимеров. Они ведь решили, что во второй раз точно прикончили меня. Потому я и предпочел выждать. Паника толкает людей на ошибки. У Элис действительно случился нервный срыв.

Тем временем я пришел к однозначному выводу. Убив моего отца, Латимеры явно ошиблись с целью. Они охотились за мной, имея на то все причины. Негодяи, выродки, если бы я знал заранее!

Дрю, не отрывая взгляда от светящегося хрустального шара, зажег сигарету. На его лице проступило довольное выражение, какого я ни разу не замечал прежде. По всей видимости, объяснения Генри сбросили камень с души старшего инспектора.

— Следует признать, — произнес он, немного помолчав, — Латимеры продемонстрировали недюжинную изобретательность. Сейчас редко встретишь преступников такого калибра. Но тайна убийства ваше-

го отца все еще остается неразгаданной. Очень интересно, как они вышли из дома, не оставив следов на снегу. Наверное, вы и это можете объяснить, молодой человек?

— Нет, — резко ответил Генри, — не могу. Пока не могу. Но, безусловно, и тут должен крыться подвох.

Внезапно лицо у Дрю вытянулось. Он открыл рот, но оттуда вырвался лишь неясный хрип.

— Что такое, инспектор? — мягко спросил Генри.

— Я... эти... Латимеры... мертвы уже два дня. А после гибели вашего отца прошли максимум сутки. Они не могли его застрелить. Никак.

Глава 2

СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ТЕРЯЕТ САМООБЛАДАНИЕ

Все затихли. Озадаченный Дрю так глубоко затягивался сигаретой, что над его головой повисло целое облако дыма. Генри лихорадочно крутился на стуле, заламывая руки. Лицо его приобрело пепельный оттенок, на лбу надулась вена и выступили капли пота.

— Тогда кто? — выдохнул я. — Кто?

Генри тяжело посмотрел на меня и с естественной улыбкой ответил:

Четвертая
дверь

— Только один человек в мире мог совершить такое преступление. Только один.

По неведомой причине выражение лица моего друга заставило нас похолодеть от ужаса. Его глаза лучились поистине потусторонним блеском.

— Тот, у чьих ног лежал весь мир, — продолжил Генри. — Тот, кто сумел победить саму смерть.

— Кто? — закричал старший инспектор.

Генри торжествующе улыбнулся. Его голос, преобразившийся до неузнаваемости, был исполнен безумной гордости:

— Гарри Гудини!

Остолбеневший Дрю уставился на моего друга.

— Гарри Гудини, — с трудом повторил он. — Но...

Слова ему не давались. Под нашими пристальными взглядами Генри зажег следующую сигарету и попытался сглотнуть подступивший к горлу комок.

— На смертном одре Гудини пообещал прислать жене весточку из могилы. Весь остаток жизни она ждала его сообщения. Люди решили, что Гудини не удалось вырваться из мира духов, однако это не так. Он сдержал свою невероятную клятву, но долго не мог появиться в обществе, поскольку не

знал, где находится! Однако в двадцать девятом, как раз в год моего рождения, душа Гудини обрела новое тело.

Мне трудно объяснить внятно, но его реинкарнация не случайна. Скорее она обусловлена генетически. Гудини воскрес в собственном потомстве. — Генри почтительно посмотрел на Дрю. — Без вашего участия, инспектор, без вашего великолепного таланта психолога, превосходных аналитических способностей, завидной проницательности, неповторимой способности входить в положение других никто не смог бы узнать правды! Даже сам Гудини! Потому что Гудини — это я!

Мое сердце замерло. От страха мы с Дрю не могли пошевелиться. Генри сошел с ума.

— Я обязан вам, инспектор, — продолжил мой друг, благодарно пожимая тому вялую руку. — Без вашего вмешательства я никогда не узнал бы правду. Помните лекцию, которую вы прочитали, реконструируя события? Могу смело заявить: она однозначно прояснила мою личность. Гарри Гудини! Я — сам Гудини! «Принц эскапизма». Как еще можно истолковать наше поразительное сходство? А происхождение моего отца? Вайс из Будапешта! — Генри восторженно посмотрел на свои жилистые руки. — Видите? В этих венах течет кровь Гудини, величайшего мага всех времен и народов!

Да, инспектор, без вас я бы не догадался. Не понял бы, что человек, виновный в гибели моей матери, должен понести наказание. Умереть. Испустить дух, глядя мне прямо в глаза. Я боготворил маму, она была для меня всем. Каким чудовищным ударом оказалась та авария! Мою душу буквально раздирало на части. Вам не понять, словами это объяснить невозможно.

Но все же я узрел истину. Тот, кто звался моим отцом, не имел права дышать с нами одним воздухом. По его вине три года назад погибла женщина, подарившая Гудини вторую жизнь. Человек, ответственный за эту непростительную трагедию, любой ценой подлежал уничтожению. Перерождение души, новая реинкарнация величайшего мага — разве такое событие не заслуживает элементарного правосудия?

Только теперь, поняв серьезность ситуации, Дрю закрыл лицо руками. Полицейский, не знающий неудач, специалист, прозванный Психологом, не только свел Генри с ума ложным обвинением, но и предоставил ему мотив для убийства. Инспектор Скотленд-Ярда собственными руками вылепил маньяка.

Наступила гробовая тишина.

— Г-Генри, — начал заикаться я, — не наговаривай на себя. Вспомни, ты провел весь вечер со мной.

— Да, Джеймс, но я действительно прикончил его. И это убийство оказалось шедевром. Настоящим эталоном простоты и гениальности.

После истории с Бобом отец — подобно большинству сельчан — ложился спать с заряженным ружьем наготове. Помнишь, Джеймс, как около десяти часов мы горланили «С днем рождения», а потом зазвонил телефон? Я пошел отвечать, но сказал, что ошиблись номером. Так вот, на самом деле вызов был из нашего дома. «Генри, быстрее! Я случайно подстрелился, проверяя ружье! Попал в голову... может быть, критично. Я в спальне. Срочно вызови “скорую”, еще... есть надежда. Давай! Давай, сын!»

Представляете? Я планировал отомстить убийце мамы и получил такую возможность на блюдечке. Мне всего лишь оставалось задержать прибытие помощи.

И вот, Джеймс, мы с тобой начали играть в шахматы. Понятное дело, мои мысли витали где-то далеко, иначе — признай — ты никогда бы не выиграл. Двигая фигуры, я обдумывал ситуацию. Существовала небольшая вероятность, что отец позвонит кому-нибудь еще, хотя вряд ли бы он смог. Но я хотел лишний раз убедиться. Об этом чуть позже.

Так несчастный случай превратился в убийство. Но, дабы усилить эффект, я решил «обнаружить» труп, пока снова не пошел снег. Нетронутый белый покров вокруг всего дома, лишенный каких-либо отпечатков, придавал картине сверхъестественные, магические тона. Исключительное преступление, сравнимое с заслугами самого Гудини!

В цирке я знал одного чревовещателя, и он научил меня азам своего мастерства. Большими успехами похвастать не могу, но определенный дар имитации голосов я приобрел.

Около одиннадцати, когда мы закончили партию, я позвонил домой. Никто не ответил, значит, мамин убийца уже сам попал на тот свет. Поэтому я набрал номер Виктора и, подражая отцу, прохрипел: «Умираю! А! Моя голова... Я услышал шум... проснулся... тень... выстрелил... Больно, Виктор. Приходи скорее. Долго не протяну...» Остальное вы знаете. Должен, правда, заметить: я немного испугался, когда понял, что отец еще жив. К счастью, спасти его не удалось. Задержка в час и вправду оказалась роковой. Само собой, я быстрее всех прошмыгнул в дом и первым же делом открыл заднюю дверь. И — хоп! — преступник улизнул, не оставив ни единого следа на снегу. Превосходное убийство, однозначно достойное великого иллюзиониста!

И еще одно, Джеймс. Знаешь, почему никто не слышал выстрела? Да просто мы орали «С днем рождения!» во все глотки! Ха-ха!

Вы еще не поняли, зачем я все это рассказываю? Друзья, я знаю, что могу рассчитывать на ваше благоразумие. А вас, инспектор, и вовсе благодарю безмерно. Вы помогли раскрыть мою истинную натуру. Спасибо вам, тысяча раз спасибо!

Я съезжился на стуле, пытаюсь сосредоточиться, отвлечься от голоса Генри.

— Латимеры убили Боба. Я долго решал: разоблачать их перед другими или вершить месть самому, пока случайно не увидел, как они складывали в машину чемоданы. А это означало, что действовать было необходимо без промедления. Я прокрался в комнату Латимеров и оглушил обоих во сне. Потом связал и вставил в рот кляпы. Очнувшись, они дико перепугались. Я грозно возвышался над ними и недвусмысленно поигрывал ножом. Видели бы вы лица этих подонков! Как они выпучили глаза, когда поняли, что мы поменялись ролями! И поверьте: справедливость восторжествовала сполна. Я вырезал несколько дырок в их паршивых утробах, дабы помучились, а затем добил. Жалкие псы! Сколько времени вся наша деревня жила из-за них в постоянном ужасе!

Я не мог вынести тела из-за проклятой скрипучей лестницы. Пришлось временно

спрятать их в диван. Правда, вытаскивать пружины — дело небystрое. Но я просто выкинул их из окна так далеко, насколько хватило сил.

Машина и чемоданы Латимеров находятся на дне реки. Но... почему ты плачешь, Джеймс? А вы, инспектор, побледнели как смерть. Просыпайтесь! Рядом с вами сидит сам Гудини. Гарри Гудини, Король эскапизма! Человек, восставший из мертвых. Единственный в своем роде...

Большого вынести я не мог и на этом месте потерял сознание. Последнее, что мне удалось запомнить, — вид Дрю, вытаскивающего револьвер.

Глава 3

Я ВЫРАЖАЮ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ

— Итак, инспектор, кто-то увел вашу машину. Но зачем стягивать все графство на заурядный угон? Час ночи вообще-то. У вас на руках два трупа, а вы ловите черт знает кого. Ну, правда, стоило ли...

— Помолчите!

— Хорошо, хорошо. Мы здесь закончили. Можно уносить тела. Подумать только, этих пташек разыскивали по всей стране, а они все время торчали у нас под носом.

— Еще одно слово, сержант, и я...

— Ладно, ладно, инспектор. Если не ошибаюсь, юный Стивенс приходит в себя. Но

вы все еще не объяснили, с чего он упал в обморок и откуда у вас шишка на голове.

— Идите лучше работать. Все свободны! Не забудьте трупы и не возвращайтесь без новостей о машине.

Я потихоньку начал собираться с мыслями. Полицейские ушли из комнаты. Дрю, белый как мел, подошел ко мне. На лбу у него красовался внушительный синяк.

— Вам лучше? — спросил он.

— Да, но где Генри?

— Подождите, пусть разойдутся, — кивнул он в сторону выхода. — Ага, вот теперь можно поговорить. Никто, кроме нас двоих, не знает, что Генри — убийца. Когда я собирался его арестовать, он кинул мне в голову хрустальный шар и, видимо, скрылся на моей машине, пока мы с вами валялись в отключке.

В комнату ворвался полисмен.

— Шеф, ваш автомобиль нашелся. Несется на огромной скорости в сторону Лондона.

— Скорее, молодой человек, — задыхаясь, выкрикнул Дрю. — Пойдемте со мной. Возможно, вы еще нам пригодитесь.

Мы выбрались из полицейской машины около трех утра.

— Он здесь, инспектор, на мосту. Ближе мои люди подобраться не могут. У него

пистолет, и двое уже ранены. Ваши распоряжения?

— Пока ничего не предпринимайте, — ответил Дрю. — Оставайтесь на местах. Он не убежит оттуда?

— Не получится, сэр, — удивленно ответил полисмен. — Мы перекрыли оба конца моста. Выхода нет. Только если броситься в Темзу, но это равносильно самоубийству — вода там ледяная. Что же касается машины, боюсь...

— Плевать на нее! — гаркнул Дрю. — Просто стойте, где стоите. Я пошел к нему. Никому резко не двигаться!

— Вы рехнулись, инспектор? Хотите получить пулю?

Казалось, Дрю был готов ударить подчиненного, но в последний момент сдержался. Он поджал губы и двинулся к мосту.

— Подождите, инспектор. Я с вами! — выкрикнул я.

Дрю повернулся ко мне. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он заговорил.

— Генри нашел пистолет в бардачке. Серьезное оружие. Вы осознаете риск?

— Да. Но я его лучший друг, в меня он стрелять не будет.

Старший инспектор поколебался, затем подал мне знак идти за ним. Полицейские, окружившие мост, смотрели на нас, словно

запоминая лица, которые никогда больше не увидят.

Всего несколько часов назад мы с Генри мирно обедали вместе. С Генри Уайтом. Моим другом детства, превратившимся в чудовище. А теперь он готовится прыгнуть в ледяную воду с моста. Темза неспешно протекала под нами, залитая серебристым светом луны. Генри — убийца. Боже мой!

— Вон он, — прошептал Дрю. — Видите тень у средней опоры? Ступайте обычным шагом, молодой человек, будто ничего не случилось.

— Оставайтесь здесь, инспектор. Я поговорю с ним.

— Ни в коем случае.

— Ладно, но держитесь за мной.

Я уже различал фигуру Генри. Его лицо, искаженное безумием и страхом, сделалось почти неузнаваемым.

— Не подходи! — крикнул он, махнув оружием в моем направлении.

— Генри, это же я, Джеймс!

— Стой там, говорю!

— Ты нездоров, Генри. Я тебя понимаю. Отдай пистолет!

Я шагнул вперед. Нас разделяли всего несколько ярдов. Палец Генри лег на спусковой крючок. Я смотрел прямо в глаза бывшего друга.

Тот потупился и разжал руку. Оружие упало на землю.

— Джеймс... — еле слышно прошептал Генри.

Внезапно он перемахнул через перила, изогнулся и бросился в пустоту. Тишину ночи разорвал громкий всплеск. Мы с Дрю перегнулись через парапет. Поверхность темных вод Темзы вновь выглядела спокойной и безмятежной.

— Все, — сказал Дрю, немного помолчав. — Его уже не спасти. Может, оно и к лучшему.

— Знаете, инспектор, Генри до самого конца оставался порядочным малым. Людям не обязательно знать, что он убил отца, если вы понимаете, о чем я. А Латимеры получили по заслугам.

Дрю положил руку мне на плечо.

— Его отца убил не Генри, а бестолковый, взбалмошный полицейский инспектор. Тот, которого прозвали Психологом, который воображал себя умнее всех. Нет, молодой человек, вы никогда не сможете влезть в мою шкуру, прочувствовать то отвращение к самому себе, какое испытываю я. Вот честно, не будь у меня жены и детей, может, взял бы да и прыгнул вслед за вашим другом. Никогда и помыслить не мог, что своим поганым языком доведу человека до безумия...

Не волнуйтесь, ни одна душа не узнает конец этой истории, в коей виноват один тупица из Скотленд-Ярда. Я лично прослежу, даю слово. Смерть мистера Уайта будет представлена как несчастный случай, после которого ваш друг, не оправившись от горя, покончил с собой. Что же до Латимеров, они просто напращивались на такой исход. Одна из их жертв могла раскрыть обман и отомстить.

У берегов Темзы замаячили маленькие огоньки. Лучи полицейских фонарей скользили по поверхности воды.

— Пойдемте, — сказал Дрю. — Генри уже не найти живым. Я вас подвезу.

— Нет, спасибо, инспектор. Я не хочу возвращаться домой. Мне лучше побыть одному.

Через два дня мистер и миссис Стивенс заявили об исчезновении их сына Джеймса. Его так никогда и не нашли.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Эпилог

Уму непостижимо. Доктор Твист все-таки выбрался из лабиринта без выхода. Я до последнего не мог в это поверить, но решение заслуженного криминолога соответствовало моим фактам единственно логичным образом. Притом что автор сюжета — в данном случае ваш покорный слуга — вовсе не задумывался над ответом, хотя, по идее, и должен был знать его изначально. Твист не только сумел объяснить, как убили Боба Фарра и Артура Уайта, но и грамотно истолковал странное поведение Генри во всей истории.

Полагаю, тут может существовать только два варианта. Либо доктор Твист и впрямь великий гений, либо я сам подсознательно шел к подобному исходу. Обычная моя скорость — три страницы в день. При этом я частенько прерываюсь, чтобы передохнуть или свериться с источниками. Однако в дан-

ном случае хватило десяти вечеров и всего одной книги — той самой, о Гудини.

Концовка же меня просто поразила. Зачем доктор Твист заставил Джеймса Стивенса исчезнуть? Это вообще не вписывалось в мой сюжет. Слишком нелепо.

Кстати, если задуматься, в письме есть еще одна любопытная вещь. Давайте-ка взглянем... Ага! *«Ваша история предполагала лишь одно толкование... Но все равно признаю, что получил несказанное удовольствие от работы... Подробности обсудим при встрече...»* Какие подробности?

Да и к чему тратить время, когда вопрос можно решить обычным телефонным звонком?

Я уже хотел набрать номер Твиста, но в последний момент передумал. Пусть все уляжется. Если позвоню сразу, это будет означать безоговорочное поражение, а мне не хотелось выслушивать плохо скрываемое торжество с ноткой притворной скромности. Да пусть даже без нее. Легкость, с которой Твист так лихо расщелкал «дело», чего греха таить, меня раздражала. Все-таки я — Джон Картер, признанный мастер детективного романа, — побился с этим богом криминологии об заклад, что он никогда не отыщет решение.

Приближался полдень, а Джимми так и не появился. Мы планировали перекусить

в «Белой лошади», но, честно говоря, желания идти туда не было. Видимо, и Джимми не голодал, раз торчал незнамо где. Я решил подышать свежим воздухом в одиночестве.

Мое жилище располагалось в тихом и уединенном уголке за милю от ближайшей деревни. Идеальное место для спокойного отдыха и поиска вдохновения. Погруженный в глубокие раздумья, я бродил по извилистой тропинке, окаймляющей уютные лоскутки газона. Сначала в голову лезли какие-то путаные мысли, но они, наконец, испарились, и на душе стало безмятежно. Свежий ветерок и приветливые лучи солнца ласкали лицо. Я так разнежился, что потерял счет времени и вернулся домой, когда часовая стрелка уже переползла отметку «два».

Дойдя до своего кабинета, я увидел стоящего у стола Джимми. Заметив меня, он слегка вздрогнул и быстро отпрянул в сторону. В его руке были листочки писчей бумаги, которые прислал доктор Твист.

— Вы читали мои письма? — резко спросил я.

— Читал? — пробормотал Джимми, взглянув на листки, и затем торопливо положил их на стол. — Нет, я ждал вас. А это... Просто взял машинально, не думая. И, само собой, не заглядывал.

— Надеюсь, вы меня не заждались? Я вышел развееяться и совсем потерял счет времени.

— Не волнуйтесь, мне не хотелось есть. И, кстати, я тут получил работу. Пойду, пожалуй.

Джимми не объявился ни на следующий день, ни через день, ни через два. Обеспокоенный таким необычным молчанием, я позвонил ему домой. Никто не ответил. Тогда я набрал номер консьержки.

— Добрый день, мадам. Могу ли я поговорить с Джимми Лессингом?

— Мистер Лессинг здесь больше не проживает, — ответил недовольный голос.

— В смысле «больше не проживает»?

— В прямом. Съехал два дня назад.

— Съехал? Но куда?

— Понятия не имею. Адреса он не оставил. По-моему, его уже нет в стране. Он поговаривал о Соединенных Штатах, но это все, что мне известно.

Я повесил трубку. В висках начала пульсировать кровь. Джимми внезапно улетел на другой конец света, даже не сообщив мне. Ерунда какая-то.

Ход моих мыслей прервал телефонный звонок.

— Да? — прорычал я.

— Рональд?

— А, доктор Твист. Рад слышать. Я получил ваше письмо. Разрешите принести мои самые сердечные поздравления. Никогда бы не подумал, что вообще...

Алан Твист резко прервал меня, чего обычно себе не позволял:

— Мы можем встретиться во второй половине дня?

— Минутку, дайте подумаю... Да, я свободен. Вас устроит в пять часов?

— Конечно... Кто там? А, входите, доктор. Вынужден с вами попрощаться, Рональд, пришел мой врач. Увидимся.

— Давайте бросим курить вместе, — выдохнул струйку дыма доктор Твист. — Поддержите меня? Кажется, я совсем запустил сердце. Раз время от времени хочется посмаковать трубочку, то вроде как и думать не нужно. Знаете, что этот разносчик плохих вестей мне сообщил? Я, мол, должен радоваться, ибо еще могу иногда позволить себе рюмочку виски. Изредка, разумеется. К черту!

Твист вытряхнул трубку, вновь набил ее до краев и зажег. Затем откинулся в кресле и погрузился в созерцание моря, которое проглядывалось вдалеке из французских окон гостиной. Внезапно сильный ветер затряс створки, и вода заколыхалась.

— Вот ведь погодка, — уже более спокойно проворчал Твист, плотнее укутываясь в жакет. — Немного спиртного нам не повредит, как считаете?

Он поднялся, выпрямив худое тело — результат увлечения садоводством и каждодневной зарядки, — и прошел к бару.

Я решил не позволять отвлекать себя и ринулся в атаку:

— Доктор Твист, почему Джеймс Стивенс исчез в конце истории? Все понимаю, но тут...

Некоторое время криминолог молча смотрел на меня сквозь стекла пенсне.

— Не знаю, помните ли вы наш последний разговор, — наконец отстраненно произнес он, приглаживая волосы. — Я предложил вам написать детективную историю, не думая о решении.

— Именно так я и поступил.

Твист энергично замотал головой.

— Нет, это не по правилам. Вы сочинили сюжет, точно зная, чем он закончится.

— Ничего подобного, клянусь, — заверил я.

— Многочисленные улики в вашем повествовании отчетливо указывают на разгадку, притом одну-единственную. Более того, она слишком очевидна, и мне едва ли понадобилось много времени...

— Доктор Твист, я гарантирую...

— Вы гарантируете, что выдумали личность известного писателя Артура Уайта?

Моя голова начала проясняться.

— Подождите-ка минуту. Артур Уайт. Знакомое имя. После того как вы его упомянули...

— Само собой, — продолжил криминолог, задумчиво поглядывая на вьющийся из трубки дымок. — Артур Уайт действительно существовал. Он погиб от несчастного случая, прочищая пистолет в пятьдесят первом году. Через два дня его сын Генри, глубоко опечаленный смертью отца, покончил с собой, бросившись в Темзу. Все в точности по вашей истории.

— Тогда я жил не в Англии. Да, кажется, теперь припоминаю. Значит, в некоторых местах выдуманного сюжета я подсознательно использовал реальные события? Невероятно.

Доктор Твист откашлялся.

— Этот сюжет не выдуман. Вы воссоздали дело, как оно и происходило в действительности. Прочитав вашу рукопись, я позвонил своему другу, старшему инспектору Хёрсту из Скотленд-Ярда, ныне отставному. Разговор вышел долгим. Хёрст прекрасно помнил несчастный случай с Артуром Уайтом и самоубийство его сына. Я поведал ему о разных версиях, предложенных в вашей истории. Угадаете, что он мне ответил?

Я промолчал.

— В глазах общественности смерть Артура Уайта выглядела как несчастный случай. До одного дня. Около восьми лет назад на смертном одре старший инспектор Дрю раскрыл правду.

Я не мог поверить ушам.

— Дрю — тоже реальная личность? Но это невозможно. Я его придумал!

— Нет, мой дорогой Рональд, никого вы не придумали, — Твист поправил пенсне, чтобы лучше меня видеть. — Ни Артура Уайта, ни Генри, ни Джеймса Стивенса, пропавшего через два дня после смерти друга. Все персонажи вашего повествования жили на самом деле. Некоторые имена, возможно, указаны неточно, но события происходили именно так, как вы их привели.

Не нужно лишний раз упоминать, что признание Дрю хранилось в секрете. Причины этого вы очень хорошо себе представляете. Из-за обвинений инспектора Скотленд-Ярда сын известного писателя возомнил себя Гудини и убил отца. Можете ли вообразить себе скандал, который возник бы в полиции, если бы общественность прослышала хоть краем уха?

Мои записи, присланные вам, и есть настоящая разгадка этого зловещего дела, за исключением пары-тройки мелочей. Точность

реконструкции основана на рассказе инспектора Дрю в том виде, в каком мне его поведал Хёрст. Я придумал решение самостоятельно, но чуть позже получил информацию, вошедшую в эпилог. Да, ваша драма произошла на самом деле, в точности так, как вы... мы описали. И Джеймс Стивенс вправду пропал без вести через два дня после смерти Генри Уайта в декбре пятьдесят первого года.

В гробовой тишине доктор Твист посмотрел мне прямо в глаза.

— А теперь, мой дорогой Рональд, позвольте задать откровенный вопрос. Откуда вы узнали эту историю? Отрицать бессмысленно, настолько явных совпадений не бывает. Итак?

Меня охватило странное волнение. Мысли в голове путались.

— Твист, могу уверить вас: сам не знаю, — промямлил я. — На моем столе лежит книга о Гудини, вот и все. Пойдите-ка! Мне около пятидесяти лет. Совсем как Джеймсу Стивенсу, если он еще жив. Свои детство и юность я не помню. Первое, что сохранилось в памяти, — мартовский день пятьдесят третьего года. Тогда канадский полисмен попросил у меня удостоверение личности. Я просто шел вдоль длинной дороги, совершенно выбившись из сил. Документов при себе не имел и даже не знал, кто я и откуда. Полиция,

конечно, навела справки, но и они не получили ответа. Никто из пропавших без вести не подходил под мое описание — ни в Канаде, ни в Штатах. Мне указали возраст двадцать пять лет и дали имя Рональд Бауэрс. Да, я потерял память. Ни одна консультация у самых различных специалистов не помогла мне ее обрести. В конце концов я сдался и принял все так, как есть. Уехал из Канады в начале шестидесятых, обосновался в Англии и устроился журналистом до поры до времени... Остальное вы знаете.

То есть что? Получается, я — Джеймс Стивенс, чья судьба обрывается в конце пятьдесят первого года? Даты вроде совпадают. Но до конца не верится.

Доктор Твист поерзал в кресле и закрыл глаза. На его лице появилось мечтательное выражение. Он снова поправил пенсне, вот-вот готовое упасть на пол, и улыбнулся.

— Более чем вероятно, мой дорогой Рональд. Раз уж так вышло, что присланная вами история — не вымысел, а реальность, и настоящий Джеймс Стивенс пропал декабрьской ночью в пятьдесят первом году, я решил провести небольшое расследование. Неважно, как мне удалось узнать о вашей амнезии. Главное, есть большой шанс отождествить вас с Джеймсом Стивенсом. — Он сделал паузу. — Еще минуту, и мы узнаем все точнее.

У меня от удивления открылся рот.

Твист поднялся, прошел к столу, взял с него небольшой сверток и довольно помахал им перед моим носом.

— Я попросил Хёрста прислать протокол следствия по делу Уайта. Там вроде имеется фотография Джеймса Стивенса. — Пожилой криминолог задумчиво посмотрел на нераспечатанную посылку. — Вот, доставили сегодня утром, перед тем как я вам позвонил. Предлагаю вам честь ее вскрыть.

С бешено колотящимся сердцем я выхватил сверток из рук Твиста и, разорвав упаковочную бумагу, распахнул тоненькую папку. И, заглянув в нее, не смог удержаться от торжествующего крика:

— Это действительно я! Поверить не могу! Посмотрите, доктор, лицо и вправду мое, только на несколько лет моложе. Значит, я и вправду Джеймс Стивенс. Потрясающе!

Я вытащил бумажник и извлек оттуда маленькую фотографию.

— Вот, здесь мне тридцать лет. Сравните, сравните! Никаких сомнений — я даже почти не изменился.

— Да, лица одинаковые, — согласился доктор Твист.

Пока он крутил в руках фотографии, я сообщил:

— Просто представьте: мне тут пришла мысль, что Джимми Лессинг вполне мог... Вы ведь знаете Лессинга? Сценарист, который стал... ну, мы с ним сотрудничаем, так сказать. Он подкидывает идеи для моих романов. Помнится, я еще удивлялся, не была ли вся эта история его задумкой. Сам Джимми приехал из Америки. Так вот, я грешным делом решил, что он мог бы оказаться... ну, не Джеймсом Стивенсом, а, скажем, Генри Уайтом. Ведь в этом случае Джимми тоже знал бы мой сюжет. Три дня назад я застал его читающим ваш эпилог. А потом он неожиданно исчез. Кажется, даже уехал из страны.

Доктор Твист словно меня не слышал. Голос его звучал отстраненно:

— У вас довольно необычный стиль. Автор, в смысле, рассказчик — Джеймс Стивенс — будто все время что-то скрывает. Его характер вообще довольно трудно понять. Эдакий вежливый, но мрачный молодой человек. Он никогда не демонстрирует свои вкусы в открытую. Единственное чувство, которое остается на виду, — явное женоненавистничество. Все дамы в его повествовании — либо беспросветно глупые, либо чересчур властные, либо робкие мышки, либо хитрые и злые мегеры. За одним исключением — миссис Уайт. Она предстает перед читателем во всей доброте и великодушии.

Раздраженный этим замечанием, я повысил голос:

— Вы не слушаете меня. Джимми Лессинг внезапно уехал из Англии, и я подумал, будто он — Генри Уайт. Конечно, звучит по-идиотски, ведь Генри Уайт утонул в Темзе.

— Такова официальная версия, — ткнул пальцем в папку Твист. Его голос неуловимым образом переменялся. — Но тело не нашли, хотя обычный человек нипочем бы не выжил в той ледяной воде.

— Это уже неважно, — вздохнул я. — Черт, не могу окончательно свыкнуться с мыслью, что я — Джеймс Стивенс. Вы только представьте себе, двадцать с лишним лет... Твист, вам плохо?

Лицо пожилого криминолога перекошилось. Его глаза словно помутнели, на лбу выступили тяжелые капли пота. Он уставился на заднюю сторону фотографии в своей руке.

— Здесь изображены вы, мой дорогой Рональд, — произнес доктор Твист дрожащим голосом. — Тут нет никаких сомнений. Но на обороте карточки имеется еле заметная надпись. Вы вовсе не Джеймс Стивенс. Вы — Генри Уайт.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. СВЕТ ПОСРЕДИ НОЧИ	7
Глава 2. КОШМАРНЫЙ СОН	19
Глава 3. НЕОБЫЧНОЕ САМОУБИЙСТВО	33
Глава 4. ПИСЬМО К ЛУИЗЕ	44
Глава 5. ОТГОЛОСКИ МЕРТВЫХ	62
Глава 6. НАПАДЕНИЕ	71
Глава 7. В ДВУХ МЕСТАХ ОДНОВРЕМЕННО	76

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1. ОПАСНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ	83
Глава 2. КОМНАТА С ПРИЗРАКАМИ	92
Глава 3. ЗЕМЛЯ ИЗ-ПОД НОГ	105
Глава 4. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТЕСТ	121
Глава 5. НЕПОСТИЖИМОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ	154
Глава 6. ТАК... КТО ЖЕ?	173

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Антракт	197
-------------------	-----

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1. ОБЪЯСНЕНИЕ	208
Глава 2. СТАРШИЙ ИНСПЕКТОР ТЕРЯЕТ САМООБЛАДАНИЕ	229
Глава 3. Я ВЫРАЖАЮ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ	236

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Эпилог	242
------------------	-----

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Альтер Поль

ЧЕТВЕРТАЯ ДВЕРЬ

Роман

Ответственный редактор *Е. Булгакова*
Технический редактор *Г. Этманова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Т. Кузьменко*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: **www.ast.ru**
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 29.01.2018. Формат 84x108 1/32.
Гарнитура «Charter». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Тираж экз. Заказ .

Поль Альтер — ведущий современный французский мастер классического детектива, лауреат престижных национальных премий за лучший криминальный роман. Автором написано около сорока книг, но наибольшей популярностью пользуются его серии о британских детективах-любителях — докторе Алане Твисте, выдающемся криминологе и специалисте в области оккультизма, и Оуэне Бернсе, викторианском эстете, вдохновленном Оскаром Уайльдом.

«Четвертая дверь» — первая книга о приключениях доктора Алана Твиста, на страницах которой читателя ждут невероятные события, граничащие с самой настоящей магией, — убийства в запертой комнате и преступления, не оставляющие следов.

В небольшой английской деревне происходит череда загадочных убийств. Сначала в запертой комнате на чердаке особняка Дарнли обнаруживают обезображенное тело его владелицы. С тех пор никто из арендаторов этого особняка в нем долго не задерживался. Все из-за царящей там жуткой атмосферы — скрип шагов на чердаке, мерцающий свет в окнах нежилой комнаты...

Однако семейной паре Латимеров столь мрачная репутация Дарнли только на руку — лучшего дома для Элис Латимер, известной своими талантами медиума, просто не найти. Но первый же спиритический сеанс в особняке завершился жестоким убийством, произошедшим все в той же запертой и опечатанной комнате на чердаке, да еще с подменой тела — на месте убитого оказался человек, которого уже несколько лет считали погибшим!

С каждой новой главой загадок становится только больше, а события приобретают мистический оттенок...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-105091-7

9 785171 050917